

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(18–19)

МОСКВА
2018

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч.Алишина (Тюмень), М.В.Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), К.М. Миннуллин (Казань), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), М.М.Репенкова (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С.Сыздыкова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), М.З. Улаков (Нальчик), Д.А.Функ (Москва), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: О.Н.Пустогачева (Москва)
Отв. секретарь и научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Т.В. Анিকেева (Москва), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С.Кара-оол (Кызыл), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970 – 1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2018
© Российский комитет тюркологов, 2018

№ 1–2(18–19)

ISSN 2079-9160

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), D.A. Funk (Moscow), N.Kh. Gadzhikhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), J. Janhunen (Finland), M.S. Kaçalın (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), M.M. Repenkova (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzdykova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)
Executive Secretary and Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)

T.V. Anikeeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (Istanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies — the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is published.

The journal "Russian Turcology" has been published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2018

© The Committee of Russian Turcologists, 2018

№ 1–2(18–19)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОЖЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАДПИСЕЙ: К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТУВИНСКОГО НАРОДА

И.В. Кормушин

г. Москва

Резюме: Данная статья посвящена некоторым узловым вопросам ранней истории тюркоязычных народов – тюрков (турок), уйгуров, киргизов, хакасов, тувинцев и нек. др., – в пору их пребывания в VI–VIII вв. на территории нынешней Монголии и нынешней Южной Сибири и так или иначе отраженным в древнейших тюркских надписях руническим письмом.

Ключевые слова: древнетюркские рунические надписи VIII в., енисейские рунические надписи IX–X вв., народ-государство *чиков*-прототувинцев на Верхнем Енисее в VIII–IX–X вв.

Схема общей дислокации тюркоязычных и некоторых других этносов в VI–VIII вв. в Северной и Центральной Азии в настоящее время представляется в следующем виде.

Собственно тюрки. Центр государства тюрков в VI–VIII вв. располагался в *Отюкене* (Ötüken), в средне-западной части современной Монголии (монг. *Хангай*), в 400 км западнее ее нынешней столицы – Улан-Батора. В монгольской топонимике *Хангай* тюркский след остался в названии высочайшей точки этого обширного нагорья площадью более 0,5 млн кв. км, горы *Отгон* ~ *Отхон* (< др.-тюрк. *Ötüken*). Отюкенские тюрки – это тюрки в узком этническом смысле, т.е. в ком мы имеем все основания видеть далеких предков современных турок. Во-первых, слово *türk* является и их идиоэтническим названием, т.е. эндоэтнонимом, и их распространенным названием со стороны других народов, т.е. экзоэтнонимом. Во-вторых, история отследила судьбу тюрков~турок от появления этого народа и его названия в китайских источниках VI в. до сего дня. Тюрки из Отюкена в Средне-Западной Монголии после поражения от уйгуров в 744 г. ушли в Среднюю Азию, на низовья Сырдарьи, где оставались по середину XI в. Оттуда они несколькими волнами двинулись на Ближний Восток и постепенно завоевали Византию. Взятием в 1453 г. Константинополя была подведена черта под существованием Восточно-Римской империи и открыт отсчет жизнедеятель-

ности Османской империи, хотя начало государства собственно тюрков-османов относится к 1299 г. Османская империя распалась в результате Первой мировой войны. Нужно сказать, что в течение более шести веков имперское руководство проводило политику религиозной и языковой абсорбции численно преобладающих масс иноязычного исконного населения Малой Азии и Балкан – греков, армян, грузин и нек. др. племен и народов. Это дало свои результаты: современное турецкое государство, основанное Ататюрком в 1923 г. в результате национально-освободительной борьбы, предстает достаточно гомогенизированным: ныне, в XXI в., турецкая нация составляет значительную часть – до 3/4 населения 80-миллионной страны.

С самого начала – от выхода тюрков на арену истории как поднимающейся военно-политической силы в виде Тюркского каганата, собранного из земель и племен разгромленного ими, не без помощи одного из удельных китайских государств, в 552 г. каганата жужаней (по одним представлениям, жужани были монголоязычным народом, по другим – они были предками чжурчжэней / маньчжуров), – термин *тюрк* приобрел расширительное этническое значение супранационального характера, объединявшее этносы, говорившие на диалектах, близких, но не идентичных диалектам тюрков – туркменских, уйгурских и др., а также, вполне возможно, на наречиях иных языковых семей – монгольской, енисейской, самодийской и др.

Кыркызы (кыргызы). Государство кыркызов не позже VI в. уже фиксируется в *Кёгменской* черни, под которой правильнее будет понимать засаянские горные равнины, резко переходящие к Среднему Енисею в Минусинскую котловину – земли нынешней Хакасии. Поэтому В.В. Радлов в первой же дешифровке енисейских надписей в своей книге 1895 г. [РАИМ: 397] отождествил население Кёгмена – енисейских кыркызов – с современными хакасами. Как выяснится совсем скоро после этого, в 1918 г., в результате учета фактора межтюркского соответствия срединного *д~з~й*, введенного в классификацию тюркских языков А.Н. Самойловичем (чем были существенно дополнены классификации Ф.Е. Корша и В.В. Радлова), такое отождествление маловероятно и, скорее всего, ошибочно, хотя ряд современных ученых продолжают его придерживаться.

Саяно-Тувинское нагорье, его многонациональное население, государство на территории древней Тувы. Между древними тюрками в *Отюкене* и енисейскими кыркызами на севере, в *Кёгмене*, лежит нагорье, которое ныне называется Саяно-Тувинским, или просто Тувинским, окаймленное с севера хребтами Западного и Восточного Саяна, а с юга горами Танну-ола. Сведения об этническом составе этой горной страны в далеком и недавнем прошлом мы черпаем, опираясь на два типа источников: а) на свидетельства первых современных исследователей Сибири XVII–XIX вв.; б) на отрывочные сведения древнетюркских надписей VIII–X вв.

Согласно многочисленным свидетельствам первых русских землепроходцев и научных экспедиций, с конца XVII вв. регулярно посылавшихся русским правительством для всестороннего исследования Сибири, Тува еще в конце XIX – начале XX вв. представляла собой объединение племен различной языковой принадлежности – тувинцев, монголо-ойратов, самодийцев, енисейских аринцев, угров, возможно, кого-то еще [Хелимский 2006; Кормушин 2010]. Федератив-

ный, говоря по-современному, характер Тувинского государства сложился еще в древности, что нашло отражение в стойком членении данной территории на 6 областей, или уделов, обозначавшихся древнейуйгурским термином *baу* ‘один из связки, из кипы однотипных вещей, изделий, товаров; глава, раздел свитка книги’ [ДТС: 77]. Так, в енисейских рунических надписях с территории Тувы упоминается *altı baу bodunım* ‘мой народ Шести областей (уделов)’ (Е-49₄), и даже просто: *altı bodunım* ‘мой Шестерной народ’ (Е-49₁), с которым, скорбя, расстается умерший высокопоставленный чиновник [Кормушин 2008: 140–141].

Сведения о Туве в тюркоязычных надписях VIII в. Надпись в честь Бильге-кагана (735 г.). Самые древние упоминания о государстве и народе на территории древней Тувы содержат Орхонские надписи II Тюркского каганата (689–744) и рунические надписи Древнейуйгурского каганата (744–840). И тюрки, и уйгуры в этих текстах называют прототувинцев *чиками*. Ясно, что это экзотермин, поскольку в надписях с территории Тувы такой этноним не встречается.

По всем данным, объединение прототувинцев-чиков, не обладая достаточной военной силой, попеременно становилось объектом подчинения своих соседей – то южных, тюрков и уйгуров, то северных – кыркызов. В эпизодах, описываемых орхонскими памятниками и относящихся ко времени 709–710 гг., чики входили в коалицию с кыркызами, что ясно из фразы: «народ Чиков вместе с Кыркызами стали нам врагами» (см. след. абзац). Очевидно также, что проход войск отюкенских тюрков через расположение чиков не представлял собой какой-либо военной проблемы, как это следует из текста памятника Бильге-кагана:

(БК 26) *altı otuz yaşıma čik bodun qırqız birlä jayı boltı kām kăčä čik tapa sülädim ö/ürp(ä/ü)ntä sünüşdüm süsin sančđim az boduniy altım ... ičgirdim* ‘на двадцать шестом году моей жизни народ Чиков вместе с Кыркызами стали нам врагами. Перейдя Кем (Енисей), я пошел войском на Чиков. Я с ними сразился при Урпюне (~ Орпене). Войско их я разгромил. [Этот] малый народ я взял [в плен], ...подчинил’.

26-й год жизни Бильге-кагана при пересчете от его рождения в 683 г. н.э. дает дату похода 709 г. Название местечка, где тюрки разгромили чиков, обычно транскрибировалось как *ögrän*, но не так давно отечественные тюркологи догадались (догадка принадлежала В.М. Наделяеву, 1969 г.), что данное слово соответствует реке и деревеньке в ее низовье с тувинским названием *Урбүн* ([Ондар 2004: 195]; см. также карту-схему в [Кормушин 1997: 134]). Поскольку Урбюн – правый приток Верхнего Енисея, то тюркское войско, придя с юга, действительно должно было переправиться с левого берега на правый, вероятно, где-либо выше, в местах с большими песчаными отмелями, и дойти до Урбюна, где, очевидно, квартировало зимой чикское войско, прикрытое с севера различными хребтами-отрогами Западного Саяна. Элементарно краткое описание событий тюркско-чикской войны на «раз – два – три»: «пошел войском – сразился – разгромил», – как раз и свидетельствует о том, что силы были слишком неравны.

Необходимо отметить, что современный тувинский топоним *Урбүн*, независимо от происхождения этого слова (т.е. от того, какую языковую семью оно представляло в языке прототувинцев-чиков и в какой фонетической форме – ближе к привычной транскрипции *Örp(ä)n / Ürp(ä)n* или – в виде *Ürp(ü)n* – ближе

к современной тувинской форме Ürbün), – является топонимом современного тувинского языка, **документально зафиксированным в тюркской надписи 735 г.**

*Древнеуйгурские рунические надписи о войнах с чиками и кыркызами*¹. В 744 г., в Год обезьяны, во втором за короткое время сражении уйгуры, бывшие федератами тюрков и их явными и тайными антагонистами на протяжении всей истории тюркского каганата, разгромили тюрков. Последнего «тюркского кагана Озмыш-тигина я взял в плен, его супругу я забрал себе (в гарем), после этого народ тюрков перестал существовать», – так, дополняя друг друга в деталях, сообщают две надписи в честь Моян-чора – 1) Селенгинская (дата создания 760 г.) – по месту находки в 1909 г. этой огромной стелы Г.И. Рамstedтом, который также первым в 1913 г. опубликовал этот самый большой по числу выбитых (но, увы, не сохранившихся) знаков ныне известный памятник тюркоязычного рунического письма; по С.Е. Малову – Памятник Моюн-чуру); 2) Терхинская (дата создания 753 г.; по месту находки вблизи р. Терхин-гол, в с.-з. части Хангайского нагорья) – из числа находок совместных российско-монгольских археографических экспедиций 1950–1970-х гг., опубликована С.Г. Кляшторным в 1980 г.

После 744 г. наступает столетний период господства в этой части Центральной Азии уйгуров, значительно усилившихся за счет присоединения земель и населения тюркского каганата. Уйгурский каганат просуществовал до 840 г., когда был сокрушен набравшими силу кыркызами. Указанные древнеуйгурские рунические памятники – Селенгинский и Терхинский – описывают историю создания и первых двух десятилетий укрепления обновленного древнеуйгурского государства при втором кагане Моян-чоре (на наш взгляд, более правильно с о, чем в прежней русской передаче Муян-чур; в русифицированной китайской транскрипции: Мо-чжо), которому посвящены обе надписи, причем Селенгинская является мемориальной надписью в честь Моян-чора. Хотя При этом отец Моян-чора, Кюль Бильге-каган, упоминается в тексте надписи как инициатор и руководитель борьбы с тюрками примерно с 741 г. по год его смерти в 745 г.

В обеих надписях есть эпизоды, связанные со взаимоотношениями уйгуров с чиками (прототувинцами). Первое подчинение чиков имело место в Год барса, или, согласно пересчету на современный календарь, в 750 г. В том же году Моян-чор в верховьях р. Тес отстраивает свою ставку и устанавливает границу. Понятно, что если говорилось о войне с чиками, то и граница, о которой идет речь, это граница между уйгурами и чиками. Где могла проходить эта граница?

Ясно, что граница проходила не вблизи ставки, но на некотором удалении от нее. Учитывая наличие уйгурского дворца на Тере-холе – в местах труднодоступных и суровых, можно думать, что более доступные районы Притесья тоже входили в орбиту влияния уйгуров, но далее Танну-Ола, по-видимому, это влияние не простиралось. За Танну-Ола – бассейн Кема (Енисей), традиционные места обитания чиков. Таким образом, граница между чиками и уйгурами проходила где-то вблизи Танну-Ола, т.е. примерно так, как и сейчас, а также в средние века, располагалась граница Тувы с Монголией. Не из прохождения границы ближе или дальше от Танну-Ола, но из самого факта признания границы между

¹ Более детально перипетии войн уйгурского каганата с чиками и кыркызами по данным древнеуйгурских рунических надписей разобраны нами в [Кормушин 2004: 147–172].

уйгурским каганатом и народом чиков мы должны сделать, может быть, неожиданный, но вполне обоснованный вывод: несмотря на подчинение уйгурам, за чиками осталась суверенность их территории (иначе зачем вести речь о границе?), а также собственная государственность. Последнее получает подтверждение в дальнейшем тексте Селенгинской надписи.

Чики упоминаются в ней еще два раза и оба раза в связи с кыркызами. Как можно понять из обрывочного местами текста, Девять огузов, или карлуки, или те и другие в союзе – из-за поврежденности текста не вполне ясно – попытались сколотить коалицию против уйгуров, о чем последним стало известно:

(Слнг В₁₀) qırqız tapa är ĩdmiř siz tařıqıñ ĉikig tařıyırıñ, – timiř. Män tařıqajıñ, – timiř, – kör bod qal, ĩda (В₁₁) qabiřalıñ – timiř. ‘Он послал, оказывается, к кыркызам (своего) человека и передал (с ним): Вы выступайте и заставьте выступить чиков. Я выступлю (тоже), смотрите, останьтесь самостоятельными, мы соединимся (с вами) в лесу’.

Как ясно из содержания отрывка, инициаторы коалиции знали, что кыркызы смогут повлиять на позицию чиков и принудить их к совместным выступлениям, несмотря на существовавшую на тот момент зависимость чиков от уйгуров. Способность и возможность кыркызов влиять на чиков проистекала из постоянного взаимодействия чиков с кыркызами и соотношения сил между ними в пользу кыркызов, благодаря которому чики по большей части – за исключением определенных периодов зависимости от тюрков и уйгуров – были подчинены кыркызам.

Как следует из дальнейшего рассказа источника, уйгурский каган Моян-чор предпринял превентивные действия:

(Слнг В₁₁) Sü jori[t]dım. ...Tutuq bařın ĉik tapa biña i[d]tım. İři jär tapa az är i[d]tım. “Kör!” – tidim. Qırqız qanı Kögmän iĉintä äb barqınta ärmiř jılmäsin iř jăriñärü ĩdmiř. Jılmäsin mäniñ är anta basmiř til tutmiř. ‘Я выступил с (основным) войском. ...Главу тутуков я послал с тысячей против чиков. В страну их союзников я послал немного людей. «Наблюдайте!» – велел я. Кыркызский хан, как нам стало известно, был в пределах Кёгмена, (он расположился) в жилищах-юртах, в земли союзников он послал свой летучий отряд. Мои люди напали на его летучий отряд, захватили языка’.

От пленного языка становится известно, что карлуки не пришли на соединение с союзниками, тогда Моян-чор совершает переход на запад, в Джунгарию, переправившись через Черный Иртыш на плотах, он дает сражение Трем карлукам на р. Болчу, побеждает их, после чего спешит обратно:

(Слнг Ю₂) ...Anta jana tüřtim ĉik bodun biñim sürä kälti. ...Täz baři ĉitımın jajladım, jaqa jaqaladım. ĉik bodunqa tutuq birtim iřbarař tarqat anta anĉuladım. ‘Затем я спешно вернулся. Моя тысяча пригнала народ чиков. Я провел лето в своем городе в верховьях (реки) Тез. Я назначил тутука чикскому народу, пожаловал (их бекам титулы) ышбаров и тарханов’.

Соотнеся описываемые в Слнг Ю₂ события с Терхинской надписью, мы узнаём их дату: (Трх З₁) Täz bařınta örgin ...jaratıtdım. Bars jılqa jılan jılqa äki jil (Трх З₂)

jajladim 'В верховьях (реки) Тез я приказал соорудить... ставку. В Год барса (750 г.) и в Год змеи (753 г.) в течение двух лет я провел (там) лето'.

Смысл происшедших в тот год с чиками событий, сообщаемых Селенгинской надписью, нужно понимать следующим образом. Уйгурская тысяча, посланная Моян-чором к чикам, привела вряд ли буквально весь народ, но, вероятно, представительную часть его во главе с племенными вождями. Фраза об установлении границ, уже втором за короткое время (первое – в 750 г., см. выше, с.3), свидетельствует о том, что суверенитет чиков над их территорией был сохранен. Однако в наказание за участие в антиуйгурской коалиции, по всей вероятности, вынужденное и невольное, произошло более тесное административное подчинение чиков уйгурам, выразившееся в назначении к ним наместника в ранге тутука (генерал-губернатора). Глагол 'дать', примененный в этом случае, не оставляет сомнений в том, что это лицо было из числа приближенных кагана (дают свое, не чужое). В то же время чикские беки были задобрены пожалованием высоких званий ышбаров и тарханов. Это характеризует политическую гибкость Моян-чора, не только проявленную им по отношению к чикам, но демонстрировавшуюся и ранее в конфликте с родственными огузскими племенами [Кормушин 2004: 161, 163].

События, описанные в Слнг В₇₋₁₂ и Ю₁₋₂, приурочены к внешнеполитическим событиям в истории уйгурского каганата – борьбе против неудавшейся антиуйгурской коалиции кыркызов, чиков, огузов и карлуков. Строительство ставок в верховьях Тес в 750 г. и посередине Отюкена в 752 г. служит дополнением и фоном к рассказам о битвах. В более ранней Терхинской надписи в аналогичных по содержанию местах повествуется только о строительстве ставок и совершенно отсутствуют военные повествования о противостоянии и борьбе с чиками, кыркызами и карлуками. Очевидно, за несколько лет, что прошли между составлением Терхинской (753 г.) и Селенгинской (760 г.) надписей, политическое положение уйгурского каганата упрочилось, и это дало возможность авторам Слнг подчеркнуть значение военных успехов в становлении их государства, в том числе более тесного включения народа чиков в орбиту своего доминирования в 50-х гг. VIII в.

Енисейские рунические памятники с территории Саяно-Тувинского нагорья. Чаа-хольская мемориальная зона. Если рассмотренные выше известия о прототувинцах-чиках относятся к тюркоязычным письменным памятникам наиболее ранней поры – VIII в. – и принадлежат тюркам и уйгурам, периодически подчинявшим себе чиков, то теперь есть смысл подняться по хронологической лестнице несколько вверх, лет на 100–100 с небольшим. В енисейской рунологии к настоящему времени установилось представление о том, что все надписи с территории нынешней Тувы принадлежат кыркызам, написаны на древнекыргызском языке, время их создания – IX–X вв. (а не V–VI вв., как предполагали ранее), а самые поздние могли относиться к началу XI в. [Clauson 1972: XVII].

По нашему мнению, данное положение излишне категорично и не учитывает такие палеографические, языковые и текстологические детали в содержании и оформлении енисейских эпиграфических текстов, которые позволяют наметить некоторую их дифференциацию, напоминающую признаки территориально-диалектных различий. В качестве отправной точки для такого подхода мы выберем енисейские памятники, найденные в том месте, на которое нам указал текст

Бильге-кагана: Урбюн, где были сосредоточены силы чиков, а следовательно, это могла быть столица данного народа-государства.

Если обратиться еще раз к нашей карте-схеме «Распределение памятников с тамгами на территории Тувы» [Кормушин 1997: 134], то можно увидеть, что в данной – западной – части Верхнеенисейской котловины, от современного города Шагонар вниз по Енисею до поворота великой реки на север и входа ее в Саянские теснины, по правому берегу – в меньшей степени, а в большей – по левому берегу, на его притоке – р. Чаа-Холь, а также ниже по течению, в месте слияния Енисея с крупнейшим его притоком в Туве – р. Хемчик, сосредоточено большое число – около 20 надгробных памятников с эпитафиями сановникам различного ранга, сопровождаемыми родоплеменными тамгами только двух типов: ᚦ («дуга над крючком») и ᚨ («две дуги с перекладиной»). С помощью дополнительных черт, поворотов крюка направо, дополнения еще одним крючком образованы подтипы тамги первого типа, которые обозначали ветви и колена на родословном древе, определявшие «местоположение» меморианта. Довольно часто применялся и основной, «чистый» тип тамги, без каких-либо диакритик или пространственных изменений. Непосредственно на р. Чаа-Холь сосредоточено 8 памятников с тамгой первого из названных типов – в 5 подтипах, включая чистый тип, и 4 с тамгой второго типа – три чистого типа и один с диакритическим штрихом на перекладине. Если верно наше предположение относительно того, что эпитафия на памятнике Е-20 (Чаа-Холь VIII), подтип со штрихом, посвящена памяти женщины [Кормушин 1986: 171, 1997: 188–189], то можно думать, что отмеченные указанными двумя типами тамг кланы могли быть в отношениях родства и, судя по расположению чаа-хольских памятников в непосредственной близости от Урбюна, именно эта фратрия составляла руководящую основу племени прототувинцев-чиков.

Тексты чаа-хольских надписей достаточно просты и безыскусны; в социально-политическом аспекте важно отметить, что в качестве сюзерена – обязательной фигуры текстового прощания умершего – здесь в шести памятниках (Е-14, 16, 17, 21, 22, 23) называется *бег*, и только в одном – Е-13 – *хан*.

Текст и перевод надписи Е-14 (Чаа-Холь II):

(1) elči čor küč bars

(2) qujda qunčujimqa özdä oxlīmqa bökmädim äsizim-ä

(3) täŋri elimkä bašda bägimkä bökmädim äsizim-ä

(1) [Я –] Эльчи-чор Кюч Барс.

(2) Моими супругами в женских покоях, моими кровными сыновьями я не наслаждался, – о, жаль мне!

(3) Моим божественным государством, моим беком во главе [государства] я не наслаждался, – о, жаль мне!

Характерно, что надпись Е-13² не сохранила простоты тех текстов, что были с упоминанием сюзерена меньшего калибра – *бега*. Очевидно, здесь отра-

² Обращаю внимание читателей, что порядковый номер надписи отражает историю открытия и фиксации енисейских текстов в науке, но не связан с хронологией описываемых там событий.

жено определенное социально-политическое изменение в статусе представителей элиты.

Прототувинско-чикские тамги, и то только главная из них – «дуга над крючком», представлена за пределами Западной Тувы – в ее Центральной и Северной частях, – но всего на нескольких памятниках. Так, с разновидностью данной тамги: ᚦ «дуга над крючком, повернутым влево, и две вертикальные короткие черты внутри дуги», зафиксированной на чаа-хольском памятнике E-16, – оказалась идентичной тамга на памятнике E-1 (Уюк-Тарлак), происходящем из Турано-Уюкской котловины – региона, значительно отстоящего от Западной Тувы.

Текст и перевод надписи E-1 (Уюк-Тарлак):

(1) äsiz elim-ä qunčujim-a oylanım-a bodunım-a äsizim-ä altmıš jašimda

(2) atım el toyan tutuq bän täñri elimkä elçisi ärtim altı bax bodunqa bägi ärtim

(1) Жаль, – о, мое государство, моя супруга, мои сыновья, мой народ! Как жаль мне – в мои шестьдесят лет!

(2) Мое имя – Эль Тоган-гутук. Для моего божественного государства – я был его посланцем, для моего народа шести уделов – я был его беком.

Как следует из содержания текста, эпитафия написана от имени *тутука Эль Тогана*; «тутук – это должность наместника области или края с **иноэтничным** населением, назначаемого центральным правительством из членов правящего дома или близких к династии людей» [Кормушин 2008: 90]. Поэтому можно сделать вывод, что представитель чикского клана дослужился до должности наместника северного края Тувы – Уюкско-Туранской котловины, где и окончил свои дни.

Занятая ситуация прослеживается при сопоставлении текстов E-17 (Чаа-Холь V) и E-92 (Демир-суг), обе с аналогичной тамгой – дуга над крючком с горизонтальной черточкой внутри дуги: ᚦ.

Текст и перевод надписи E-17 (Чаа-Холь V)

(1) tüz baj küč bars külig

(2) ujar bägimkä adiriltim ujar qadašimqa adiriltim...

(3) ujar qadinim üçün öldim ajit-a içim jurçim...

(1) [Я –] Тюз Бай Кюч Барс Кюлиг.

(2) С моим знатным беком я разлучился, с моими знатными родичами я разлучился...

(3) Я погиб ради моего знатного тестя, как грустно! Мои старшие родственники, мои младшие родственники со стороны жены...

Из приведенного текста достаточно очевидна обычная жизненная ситуация: молодой бек из чикского клана женился на представительнице еще более знатного клана, что видно из эпитетов «знатный» по отношению к мужской родне его супруги – тестю, старшим братьям и младшим братьям (= шуринам), а также из факта его гибели «ради знатного тестя». Возможно, прямому потомку этого бека либо его близкому родственнику по мужской линии – обладателю идентичной тамги – принадлежит памятник E-92 (Демир-Суг), недалеко от Чаа-Холя, буквально в нескольких километрах, но на правобережной, гористой части Верхнего Енисея при впадении в него р. Демир-Суг:

Текст и перевод надписи Е-92 (Демир-Суг):

(1) *bäg saɣun är atım kök täñridä : kün aj : äsizimä*

(2) *saɣun tutuq : bän ujar üčün törüñin : etä bärdim*

(1) Мое имя (и звание) мужа-воина – бек-генерал. В синем небе солнце и луна, – о, жаль мне!

(2) Я, генерал и правитель области (генерал-губернатор), во имя [своей] чести устраивал твою [жизнь, народ] по твоим законам.

Разница в положении почти что «приживалы» при знатной родне жены, меморианта Е-17, и правителя области – *тутука* в военном чине генерала, меморианта Е-92, вполне очевидна.

Еще более высокого положения удостоились представители чикского клана – меморианты надписей Е-42 и Е-49 с тамгой дуга над крюком ž. Оба памятника найдены еще в 1915 г. в степи Бай-Булун, по левому берегу Енисея, немного ниже впадения в него р. Элегест. Степное левобережье Енисея изобилует стелами архаичных эпох. Скорее всего, под указанные надписи были использованы здешние огромные древние стелы: первая – высотой 2,5 м, вторая – 3 м 70 см. Несмотря на весьма длительное пребывание обеих стел в Минусинском музее, только после нашего обследования этих надписей при работе с ними в музее в 80-х гг. выяснилось, что они, как и еще несколько надписей из Тувы, являются палимпсестами, т.е. надписями, нанесенными на поверхность стел, с которых предварительно были стерты (счищены, сбиты) надписи более раннего времени. Поскольку первичные надписи палимпсестов сбиты так тщательно, что не удается прочесть ни одного из прежних знаков, то факт палимпсеста можно использовать в очень ограниченном по смыслу заключении: раз перед нами вторичная надпись, значит, имели место какие-то более ранние надписи, и они отстоят от палимпсестовых ненамного, на поколение – два: необходимо победить и вытеснить предшествующий клан.

Мемориант надписи Е-42 представляется как шад (в надписи: *чад*), умерший в 70-летнем возрасте, который горюет по супруге, сыновьям, государству и хану (а не бегу), солнцу и луне, родной земле на Енисее, владениям из тысяч юрт. Мемориант надписи Е-49, умерший в 62 года, – чиновник в ранге *оге*, что-то вроде канцлера, первого министра. Среди перечисленных дел доблести – убитые в бою враги, числом 32, и захваченные в плен, очевидно, для последующего выкупа, числом 42. Особое внимание привлекает редкое признание о таком мирном способе «заработка», как охрана и сопровождение торговых караванов. Причем фраза из эпитафии: *altı bax bodunim küçligin üčün arqış äl[t]dim* «Благодаря могуществу моего народа Шести областей я водил караваны», – говорит сразу о двух вещах. Во-первых, мемориант называет «своим» народ «Шести областей», т.е. все совокупно территории Древней Тувы. Следовательно, данный представитель клана чиков, в отличие от героев более ранних текстов с р. Чаа-Холь, вполне интегрирован в народ и государство «Шести областей», возглавляемое ханом. Во-вторых, слова «Благодаря могуществу моего народа» говорят о том, что сопровождение караванов (вероятно, по одному из ответвлений Шелкового пути) обеспечивалось всем наличным составом вооруженных мужчин не отдельного

клана, но всех кланов, в том числе чиков, к этому времени – ко времени оставления надписей Е-1, Е-92, Е-49 и Е-42, – уже достаточно прочно интегрировавшихся в правящую верхушку государства «Шести областей».

Но вот кто – какие этнические и религиозно-политические силы – возглавляли «Государство шести багов»? Этот вопрос требует достаточно тщательного и всестороннего исследования. В данной статье мы исходили из допущения, что термин *хан* чики должны были относиться либо к кагану уйгуров, либо к кагану кыркызов. И разгадка этой дилеммы является ключом к проблеме хронологизации енисейских эпитафий, не имеющих ни одной – точной или приблизительной – даты в своих текстах. Определенно лишь то, что чики не были родней правящему клану государства, хотя, как показывает содержание чикских текстов, они и роднились, и, в общем-то, всячески интегрировались в правящую элиту государства. Если чики и не уйгуры, и не кыркызы, стало быть, они один из тех этносов, которые легли в основу объединенного народа «Шести багов», т.е. будущей Тувы, куда со временем вошли также отдельные части (племенные подразделения) и уйгуров (тувинцы Ондары <*Он Уйгур), и кыркызов (тувинцы Кыргысы), и других, в том числе не-тюркоязычных племен.

Литература

- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. {The Ancient Turkic Dictionary. L.: Nauka, 1969.}
- Кормушин 1986 – *Кормушин И.В.* Текстологические разыскания в области енисейской руники. (К вопросу о женских поминальных надписях) // *Turcologica*. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. М., 1986. С. 165–171. {*Kormushin I.V.* Textual extensive research in the field of the Yenisei runes. (About the question of female memorial inscriptions) // *Turcologica*. Devoted to the 80th anniversary of Academician A.N. Kononov. M., 1986. P. 165–171.}
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. {*Kormushin I.V.* The Yenisei Turkic epitaphs. Texts and research. M.: Nauka, 1997.}
- Кормушин 2004 – *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004. {*Kormushin I.V.* The ancient Turkic languages. A didactic edition. Abakan, 2004.}
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М.: Наука, 2008. {*Kormushin I.V.* The Yenisei Turkic epitaphs. Grammar. Textual study. M.: Nauka, 2008.}
- Кормушин 2010 – *Кормушин И.В.* Енисейские рунические надписи и вопрос о тюркских языках в бассейне Енисея в VIII–X вв. // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности 1–4 июля 2010 г. г.Кызыл. I часть. С. 21 – 25. {*Kormushin I.V.* The Yenisei runic inscriptions and the question of the Turkic languages in the Yenisei basin from 8th to 10th centuries. // The Tuvan writing system and the questions of script and writings research in Russia and the region of Central Asia: the summaries of the International scientific conference devoted to the 80th anniversary of the Tuvan alphabet 1–4 July 2010, Kyzyl. The 1st part. P. 21–25.}
- Ондар 2004 – *Ондар Б.К.* Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004. {*Ondar B.K.* A toponymical dictionary of Tuva. Abakan, 2004.}
- Clauson 1972 – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen Century Turkish. Oxford, 1972.
- RAIM – *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1–3. St. Petersburg, 1894–1895.

**About some peculiarities of the formation
of the Turkic-speaking ethnic groups of Northern and Central Asia:
to the early history of the Tuvinian (Tuvan) people**

Igor Kormushin

Moscow

Summary: This article is devoted to some of the key issues of the early history of several Turkic-speaking peoples – Turks, Uighurs, Kirghiz, Khakas, Tuvinians and some others, – at the time of their stay in the territory of the present-day Mongolia and the present-day South Siberia in the VI–VIII centuries and somehow reflected in the earliest Turkic runic inscriptions.

Keywords: Old Turkic Runic Inscriptions of the VIII century, Old Uighur Runic Inscriptions of the VIII century, People-state of the Chiks in the Upper Yenisei of the VIII–X century and later

Сведения об авторе

Кормушин Игорь Валентинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЯз РАН; e-mail: igorkormushin@yandex.ru

**ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ
ДИАЛЕКТОВ НА ОБЩЕТЮРКСКОМ ФОНЕ¹***А.В. Дыбо**г. Москва*

Резюме: Подробный анализ имеющейся в литературе информации по диалектам карачаево-балкарского языка не позволяет признать доводов против включения карачаево-балкарского языка в западно-кыпчакскую группу.

Ключевые слова: Тюркские языки, стандартно-тюркский, реконструкция, фонология, морфонология

0. Карачаево-балкарский язык традиционно считается лингвистами принадлежащим к западной группе кыпчакских тюркских языков (по Н.А. Баскакову – к половецко-кыпчакской, по терминологии К. Менгеса, апеллирующей к данным об исторических миграциях, – к домонгольско-кыпчакской; по составу постулируемые в различных терминологиях группы не различаются). Между тем специалисты находят в диалектах этого языка значительное число своеобразных явлений. Отсюда попытки построения оригинальных гипотез лингвогенеза и этногенеза карачаево-балкарцев, нашедшие отражение, например, в очерке о карачаево-балкарском языке в монографии «Карачаевцы. Балкарцы» (М., 2014) – ср., в частности, пассаж: «Исследование особенностей карачаево-балкарского языка приводит к выводу, что он унаследовал черты болгарского, савиро-хазарского, печенежского, куманского и огузских языков, языка рунических надписей древних хазарских и аланских городищ Карачая и Балкарии» [Карачаевцы 2014: 98].

В рамках работы, сначала над редактированием очерка У.Б. Алиева, написанного в середине 70-х гг. для издания «Диалекты тюркских языков» [см. ДТЯ: 236–261]², а затем над опросниками и материалами к диалектологическому атласу тюркских языков России, автору настоящей статьи пришлось суммировать данные, собранные многочисленными специалистами, и рассмотреть их под углом зрения сравнительно-исторической тюркологии в том ее виде, какого она

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

² Материалы к этой книге собирались ведущими диалектологами Советского Союза начиная с 1960-х гг. под руководством Е.И. Убрятовой. К сожалению, почти подготовленный том не удалось издать в свое время, и издание было предпринято уже новым коллективом в Отделе урало-алтайских языков с известным обновлением методологической основы.

достигла к настоящему времени. Существующий облик фонетической реконструкции пратюркского и более поздних языковых состояний отражен в трех томах [СИГТЯ 2000, 2002, 2006]³; некоторые дополнения см. в [Дыбо 2007, гл. 1].

По ряду параметров сведения о диалектах, сообщаемые диалектологическими источниками, сильно отличаются друг от друга, причем часто более новые – в сторону большей фонетической архаичности. Ряд вопросов нуждается в более тщательном полевом и инструментальном обследовании.

Классификации карачаево-балкарских диалектов построены на типах рефлексации пратюрк. *č и *j-, причем по фактическим значениям признаков у разных авторов имеются некоторые различия, см. ниже.

1. Фонологические развития в консонантизме, не влияющие на морфемный состав морфем

Фонологические системы согласных во всех карачаево-балкарских говорах являются отображениями общекрыпчакской системы [см. Чеченов 1995]; особенности общекарачаево-балкарских и говорных фонетических реализаций хорошо объясняются контактными влияниями других языков Кавказа.

Согласные диалектов карачаево-балкарского языка [см. ДТЯ: 244]⁴

Место обр.		Губные		Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные	Фарингальные
		губно-губные	губно-зубные					
Способ обр.								
Шумные	смычные	глухие	<i>p pp</i>	<i>t tt</i>	<i>k'</i>	<i>k kk</i>	<i>q qq</i>	
		звонкие	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g'</i>	<i>g</i>	<i>ɣ</i>	
		придых.	<i>p'</i>	<i>t'</i>		<i>k'</i>	<i>q'</i>	
	аффрикаты	глухие		<i>c č</i>				
		звонкие		<i>č</i>	<i>č'</i>			
	фрикативные	глухие	<i>φ</i>	<i>(f)</i>	<i>s ss š</i>	<i>(x')</i>	<i>x</i>	<i>χ</i>
звонкие			<i>(v)</i>	<i>z ž</i>	<i>j</i>			
Сonorные	носовые		<i>m mm</i>	<i>n nn</i>	<i>n'</i>	<i>ŋ ŋŋ</i>		
	боковые			<i>l ll</i>	<i>l'</i>			
	дрожжащие			<i>r</i>	<i>r'</i>			
	глайды		<i>w</i>			<i>j</i>		

³ В дальнейшем мы обращаемся при анализе отдельных слов и форм не к их пракрыпчакской реконструкции, а к пра- или общетюркской. К настоящему моменту языковое состояние, находящееся ниже «общетюркского» (он же «стандартно-тюркский», т.е. общий предок всех тюркских языков, за исключением болгарской группы – о терминах см., например, [Дыбо 2013: 17]), более или менее подробно реконструируется только для огузской группы, благодаря проработанности диалектологического материала. Практикчакское состояние пока реконструировано довольно условно, с опорой по большей части на материал литературных языков; в частности, каковы собственно фонетические (не морфонологические) процессы, общие для кыпчакских языков и отличающие их от карлукских языков, пока еще предстоит выяснить [см. СИГТЯ 2006: 148, 151].

⁴ В таблицу собраны основные аллофонические реализации фонем, встречающиеся в карачаево-балкарских говорах.

Внешний вид таблицы скорее напоминает о консонантных системах северокавказских языков, больше всего адыгских [см. ЯМКЯ: 87]. Однако при ближайшем рассмотрении сходство оказывается поверхностным.

1.1. Фонологический статус геминат сомнителен: они встречаются прежде всего на стыках морфем (*čeget-te* ‘в лесу’); внутри морфемы – в основном в заимствованиях (*lippir* ‘копна’ < осет.); редко внутри основы в исконных словах: *qattī* ‘твердый’, *atta* ‘папа!’ (обращение) при *ata* ‘отец’. Их следует интерпретировать как сочетания фонем.

1.2. Как во всех кыпчакских языках, велярные и увулярные для исконной лексики – аллофоны, распределенные в зависимости от морфонологической характеристики переднего или заднего ряда гласных основы. Заимствования нарушают это правило: *gokka* ‘цветок’ (кабард.-черк. *удз гьэгъа* ‘цветок’, ср. *гьэгъэн* ‘цвести’), *gakkī* ‘яйцо’ (кабард.-черк. *кьакъэ* ‘яйцо’ (в детской речи)). Наличие таких, по видимости, исконных слов, как *kak* ‘мамалыга’ (вероятно, к ПТ **kak* ‘вяленый’, но ср. кбалк. *кьакъ* ‘вяленый, сушеный’) должно в каждом случае указывать на сложную этимологическую историю. Фонологизация аллофонов: в балкарских говорах фонема *k* выступает в заднерядных словах как второй элемент сочетания шумных там, где в карачаевском выступает проточный увулярный: балк. *tapka*, (малк.) *тапка* ‘доска’, карач. *tapxa*; балк. *tapkīr*, карач. *tapxīr* ‘терраса, уступ (на склоне горы)’.

1.3. Глухие и глухие придыхательные взрывные – аллофоны, распределенные позиционно. По Прёле [Pröhle 1909, см. изложение в Pritsak 1959: 349], в карачаевском придыхательные выступают в начале слова (*p’irinč* ‘каша’ (из перс.)), внутри слова как второй элемент сочетания двух разных согласных (*ötk’en* ‘обошедший’, *q’orq’up* ‘побоявшись’), в интервокальной позиции не в составе геминат (*q’at’in* ‘женщина’) и на конце слова, если следующее слово начинается на гласный (*at’az* ‘лошадей мало’). Непридыхательные выступают в середине слова в составе геминат и первыми элементами сочетания двух разных согласных (*č’eget-t’e* ‘на северном склоне’, *ötk’en* ‘обошедший’), в конце слова, если следующее слово начинается на согласный (*Da’ut žašajdi* ‘Дауд живет’). Для балкарского Прёле [Pröhle 1914-1915; 1915-1916, см. изложение в Pritsak 1959: 349-350] не отмечает придыхательных. Но Шаумян и Абаев [Шаумян 1935; Абаев 1933] видят придыхательные также и в балкарских говорах. По Шаумяну, в балкарском придыхательные выступают в анлауте и ауслауте (*t’ap’q’a* ‘стенная полка’ = карач. (по Прёле) *t’ap’xa*, совр. лит. *танха*, балк. *танка*; *t’ap’* ‘ищи’ = карач. (по Прёле) *t’ap’*, совр. лит. *ман*), внутри слова – в интервокале, перед сонантами и после них (*t’üt’ir* ‘мел’ = карач. (по Прёле) *t’üt’ir*; *t’op’raq’* ‘пыль’ = карач. (по Прёле) *t’opraq*; *olt’ur-* ‘садиться’) и перед смычно-гортанными и сибилантами (*t’öp’p’e* ‘темя’, *t’ep’sew* ‘танец’ = карач. (по Прёле) *t’epsew*). Непридыхательные аллофоны выступают в этих говорах только в составе геминат, по примерам – только в заимствованных словах: *zuqqa* ‘грудь’, *uppa* ‘поцелуй’. Для малкарского (черекского) говора Шаумян отмечает специфический фонетический облик *t’* придыхательного, отличающий его от карачаевского, баксано-чегемского и холамского.

Аллофония глухих согласных с придыхательными для кыпчакских языков нехарактерна, но хорошо засвидетельствована в более восточных тюркских язы-

ках (тувинский; саларский; сарыг-югурский), а также в азербайджанском, с очень похожим распределением. Для литературного азербайджанского фонологические «глухие» выступают фонетически как глухие (сильные) придыхательные в анлауте и ауслауте, глухие (сильные) непридыхательные в инлауте перед согласными: [t'or'] 'мяч', [atmax] 'бросать'.

Частичная ликвидация придыхательных путем превращения их во фрикативные соответствующего места образования: а) (малкарский, холамо-бызынгийский говоры) *p* в интервокале, перед сонантом и после него (внутри словоформы), перед глухим согласным (внутри словоформы и на границе двух словоформ) реализуется не как придыхательный взрывной *p'*, а как губно-губной фрикативный *φ*: *salıpt'ı* 'положил', *k'öfür* 'мост', *k'ələfən* 'проказа', *salφı* 'вислоухий', *seφxil* 'веснушки'; б) (карачаевский говор, литературный язык) *q* в позиции после отличающейся глухой взрывной согласной реализуется как фрикативный увулярный *χ*: карач. *tapχa* 'доска', *tapχır* 'терраса, уступ (на склоне горы)', *джумуртχа* 'яйцо'.

Разноречивы данные современных источников по поведению *q*, *k* в малкарском говоре. По У.Б. Алиеву, *k* в малкарском и холамо-бызынгийском говорах между гласным и последующим согласным переходит в проточный глухой среднеязычный *x*: *k'ərəxtı* 'нужно', *k'öləxcık* 'рубашечка', *t'ülk'üçixk'e* 'лисичке', *k'özçü* 'нужде', *k'üçixk'e* 'щенку'; в заднерядных словах в этих говорах во всех позициях выступает придыхательный *q'*: *q'alaq* 'мешалка', *q'orq'aq* 'боязливый', *q'uruq* 'жердь', *q'azaq* 'одинокий', *q'iliq* 'характер', *q'ajiq* 'лодка', *q'ajmaq* 'каймак'. По А.М. Аппаеву и М.А. Хабичеву [Аппаев 1960, Хабичев 1971], переход во фрикативный характерен и для заднерядных слов, причем во всех позициях, кроме начала слова (*zorlux* 'насилие', *cifcix* 'воробей', *zurex* 'сердце'). Ж.М. Гузеев категорически отрицает переход заднеязычных в фрикативные во всех позициях: *kokkoz* 'синеглазый', *aqgol* 'белоручка', *tafka* 'полка'.

1.4. Кроме глухой, звонкой, геминированной и придыхательной разновидностей взрывных, прежние авторы [Караулов 1908; Шаумян 1935; Абаев 1933] отмечали также типичные для кавказских языков смычногортанные. Шаумяном отмечено для баксано-чегемского и малкарского говоров: *k'ümüš* 'серебро', *k'üzart'ı* 'осень', *č'aget* 'север', часто – как завершающий элемент геминаты: *ert't'e* 'утро', *bat't'ı* 'утонул', *k'ün-č'iq'q'an* 'восток'. В более поздних источниках это явление не отмечалось.

2. Исторические изменения в консонантизме (влияющие на морфемный состав морфем)

2.1. Как в любом западнокыпчакском языке, в исконно тюркских словах карачаево-балкарского языка в начале слова выступают взрывная губная звонкая фонема (*b*), зубная глухая, заднеязычная глухая. Случаи появления в начале слова зубной и заднеязычной звонких так же, как в других кыпчакских языках, объясняются либо огузскими заимствованиями, либо грамматическим характером слова и поэтому сильной привязанностью его словоформ к предшествующим словоформам, в силу чего позиция начального звонкого оказывается фонетически неначальной: кбалк. *de-* 'говорить', карач. *dön-* 'разочароваться', балк. (бак-

санский) *dört* ‘четыре’, *doğuz* ‘свинья’, балк. *göz* ‘глаз’, *geten* ‘лён’, бакс. *gitçe*, малк. *gicce* ‘маленький’. Системных различий по диалектам это явление как будто не обнаруживает. Только Ж.М. Гузеев [1974] отмечает соотношение литер. *g-*, малк. *k-* для ряда слов, большая часть которых по происхождению – заимствования из различных языков с исконными как звонким, так и глухим: карач. *gаккы* ‘яйцо’ – малк. *kakki* (бацб. *gagã*; лезг. *k:ak:a* ‘яйцо’), карач. *гапына* – малк. *капына* ‘копна’ (из рус.), карач. *kurt* – малк. *gurt* ‘наседка’ (чечен. *qurd*; возможно, болгаризм).

2.2. Развитие начального **b-* в *m-*. Правило назализации начального **b-* – вариант обычного правила для западнокыпчакских языков [см. СИГТЯ 2006: 149]: наличие в основе на расстоянии не более одного слога от начала а) (для этимологически двусложных основ) этимологического носового (кбалк. *müüz* < **buğur* (**büñür*) ‘рог’, *miz* < **biñir* ‘шило’, *müq* < **biñdik* ‘ус’, *müüs* < **büñü* ‘угол’, *mije* < **beji* ‘мозг’, *minçaq* < **böñçok* ‘бусы’, но *burun* < **burun* ‘нос’, *bojun* < **bojin* ‘шея’, *biyin* < **bikin* ‘бедро’); б) (для этимологически односложных основ) синхронно представленного носового (*bez* < **beñir* ‘железа’, *buz* < **büñir* ‘лед’, но *miñ* < **büñ* ‘тысяча’). В карачаевском засвидетельствована также назализация неясного происхождения: *mijik* (балк. *бийик*) < **bedü-k* ‘высокий’, *тага* < **biäka* ‘лягушка’. Особенности начального согласного при словоизменении указательного местоимения *bu* – результат морфонологических перестроек.

2.3. Рефлексация ПТ **j-* и ПТ **č-*, **-č-*:

Алиев 1960	Карачаевский (ч-диалект) č; ž	Промежуточный			малкарский c; z
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамский c; ž, ž, z	
Филоненко 1940; Аппаев 1960	(-)	Балкарские диалекты			
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамо- бызынгийский c, č; z, ž	черекский c; z
Акбаев 1963	Основной; ч-диалект		Промежуточный	ц-диалект	
		баксано-чегемский	холамо- бызынгийский	малкарский	
Соттаев 1960	ч-диалект		ц-диалект		
	č; ž	баксано-чегемский č; ž, ž	холамо- бызынгийский c, č; ž	малкарский, c; z	

По старым описаниям – в балкарских говорах и, по Ж.М. Гузееву, – в малкарском говоре – т.е. в цокающих – в позиции сандхи перед согласным, как внешних, так и внутренних, старый *č* не теряет шипящести, но теряет смычку, переходя в *ž*: *üc* + *litr* ‘три литра’ > *üš litr*, *küc* + *-lu* ‘сильный’ > *küšlü*, *küc* + *zoxtu* ‘нет сил’ > *küš zoxtu*, *üc* + *-cuk* ‘троечка’ > *üščük*. По Ш.Х. Акбаеву [1999], в малкарском в сочетании *žc*, независимо от его происхождения, второй элемент приобретает шипящую окраску: *üščük* ‘троечка’ (*üc* + *-cuk*), *beščik* ‘пятерочка’ (*beš* + *-cik*), но Ж.М. Гузеев [1974] это отрицает, полагая, что малкарцы произносят *üščük* ‘троечка’, *beščik* ‘пятерочка’.

Начальное *z* < **j-* в малкарском: отмечается жокающее произношение для ряда слов (*žilan* ‘змея’, *žeti* ‘семь’, *žur* ‘косуля’ и др.); по-видимому, *ž* в начале и

внутри слова регулярно на месте \check{z} в старых заимствованиях: *žin* ‘бес’ (араб.), *žuta* ‘пятница’ (араб.), *mažal* ‘лучше’ (араб.), *daraža* ‘степень’ (араб.).

Таким образом, распределение шипящих и свистящих рефлексов кыпчакских аффрикат по карачаево-балкарским говорам производит острое впечатление инновативности изоглоссы цоканья-зоканья (под влиянием осетинского языка?). Потеря смычки начальной звонкой аффрикатой, наоборот, не кажется субстратной и может указывать на существенную общность малкарского, холамобызынгийского и чегемского говоров.

2.4. Рефлексация ПТ * λ (> \check{s}), * \check{r} (> z) – стандартная западнокыпчакская. Немногочисленные отклонения могут объясняться как болгарские заимствования, но могут интерпретироваться и в рамках общетюркской рефлексации (по «правилу Хелимского» – см. [Хелимский 1986]): кбалк. *ögüz* ‘вол’ – кбалк. *ökür-* ‘мычать’; крх.-тюрк. *qiz* ‘скупой’ = кбалк. *qirs*.

2.5. ПТ интервокальные и конечнослоговые взрывные звонкие: по-видимому, в раннем состоянии прошли следующие процессы:

2.5.1. а) ПТ * $-g(-)$ > * $-w(-)$ в заднерядных основах; б) ПТ * $-g(-)$ > * $-j(-)$ в переднерядных и в комплексах * $ig\#$, * $i\check{g}i$. Примеры:

ПТ **jäg* ‘жир’ > кбалк. *žaw*, ПТ **däg* ‘гора’ > кбалк. *taw*, ПТ **sag* ‘здоровый’ > кбалк. *saw*, ПТ **bog-* ‘душить’ > кбалк. *buw-*, ПТ **dog-* ‘рождаться’ > кбалк. *tuw-*, ПТ **agiř* ‘рот’ > кбалк. *awuz*, ПТ **iagiř* ‘тяжелый’ > кбалк. *awur*, ПТ **jagi* ‘враг’ > кбалк. *žaw*, *žaw*, *zaw*, ПТ **aguř* ‘молозиво’ > кбалк. *uwuz*, ПТ **jagu-* ‘приближаться; близкий’ > кбалк. *žuwuq*, *zuwuq*, ПТ **sagu-k* ‘холодный’ > кбалк. *suwuq*, ПТ **buřa-gu* ‘теленос’ > кбалк. *buzow*, ПТ **talagu* ‘яд; болезнь, связанная с язвами’ > кбалк. *talaw* ‘бубон, язва’, ПТ **bogař* ‘стельная’ > кбалк. *buwaz*, ПТ **ogul* ‘сын’ > кбалк. (уст.) *ul*; ПТ **jogurt* ‘кислое молоко’ > кбалк. *žuwurt*, *žuwurt*, *zuwurt*; ПТ **kugu* ‘лебедь’ > кбалк. *quw*, ПТ **bugu* ‘олень’ > кбалк. *buw*.

ПТ **deg-* ‘дотрагиваться’ > кбалк. *tij-*, ПТ **dög-* ‘бить, долбить’ > кбалк. *tij-*, ПТ **ögren-* ‘учиться’ > кбалк. *üjren-*, *üren-*, ПТ **bögrek* ‘почка’ > кбалк. *börek*, ПТ **düg-* ‘завязывать узлом’ > кбалк. *tüj-*, ПТ *(*j*)*igne* ‘игла’ > кбалк. *ijne*, ПТ **egir-* ‘крутить, прясть’ > кбалк. *ijir-*, ПТ **ögür* ‘стая; домашний’ > кбалк. *üjür* ‘семья’, ПТ **čig* ‘тростник, чий’ > кбалк. *čij*, ПТ **jig-* ‘собирать’ > кбалк. *žij-*, ПТ **jigirme* ‘двадцать’ > кбалк. *zijirma*, ПТ **čigir* ‘утапывать’ > кбалк. *čijir-t-*.

Переход * $-g-$ > * $-j-$ блокируется диссимилятивным правилом, он запрещается, если в основе присутствовал еще один * j , а гласная не * i или i . Таким образом, весь комплекс процессов, проходивший с интервокальным * $-g-$, в том числе блокировка, явно имел место до перехода начального * $-j-$ в аффрикату; при этом действие этого комплекса правил однотипно для всех кыпчакских языков и, по-видимому, должно возводиться к пракупчакскому состоянию [см. СИГТЯ 2006: 96–101, 117]. Примеры диссимилятивного развития: ПТ **kegej* ‘спица колеса’ > кбалк. *kegej*, ПТ **jegit* ‘юноша, храбрец’ > кбалк. *žigit*, *zigit*, ПТ **ög-ej* ‘неродной’ > кбалк. *ögej*, ПТ **jügen* ‘узечка’ > кбалк. *žügen*.

На конце неодносложного слова действовали также праобщекыпчакские процессы: конечный * y по фонетическим позициям дает w или j , этот праобщекыпчакский конечный j , будучи в непервом слоге после i , отпадает, отпадает и праобщекыпчакский конечный w после u : ПТ **otag* ‘комната’ > кбалк. *otow*; ПТ **jili-g* ‘теплый’ > малк. *žili*; ПТ **sari-g* ‘желтый’ > кбалк. *sari*, ПТ **dari-g* ‘просо’ >

кбалк. *tari*; ПТ **ulug* ‘большой’ > кбалк. *ullu*; ПТ **kudug* ‘колодец’ > кбалк. *quju*; ПТ суффикс атрибутива **-llg* > кбалк. *-ll*. ПТ **g* в сочетании **-VgU* на конце неодносложного слова давал **-wU* в пракрыпчакском (впоследствии конечная гласная отпадала): *izlew* (< **iř-lA-gU*) ‘поиск’, *tilew* (< **dile-gu*) ‘просьба’; *žaziw* (< **jař-IgU*) ‘письмо’; *kiriw* (< **gīr-IgU*) ‘вхождение’.

2.5.2. Рефлексы звонкого губного: во всех позициях фрикативное *v* (аллофоническая реализация **b* в позиции после гласной в пратюркском, см. СИГТЯ 2006, 75) переходит в губно-губное *w* (что не затрагивает фонологического статуса этого сегмента), которое частично вызывает огубление соседних гласных, как широких, так и узких. После этого *w* переходил в *j* в окружении гласных переднего ряда, а еще позже **g* [*y*] в окружении задних гласных переходил в *w*. Именно о таком порядке действия процессов свидетельствует отсутствие общекаракаевобалкарской лабиализации исходно нелабиализованных гласных перед *w* < **g*. Примеры:

ПТ **āb* ‘охота’ > кбалк. *uw*, ПТ **sīb* ‘вода’ > кбалк. *suw*, ПТ **jub-* ‘мыть’ > кбалк. *žuw-*, *žuw-*, *zuw-*; *žuwun-*, ПТ **jubka* ‘тонкий’ > кбалк. *žuqa*, ПТ **ob-* ‘мять, давить, измельчать’ > кбалк. *uw-*, ПТ **jabal* ‘мягкий; тихий’ > кбалк. *žuwaš*, ПТ **dabar* ‘товар, имущество, скот’ > кбалк. *tuwar*, ПТ **sabar-* ‘провеивать’ > кбалк. *suwur-*, ПТ **kabuk* ‘мочевой пузырь’ > кбалк. *quwuq*, ПТ **aburt* ‘полость рта’ > кбалк. *uwurt*, ПТ **ābuč* ‘пригоршня’ > кбалк. *uwuč*, ПТ **kīb-a-n-* ‘радоваться’ > кбалк. *quwan-*, ПТ **jubut-* ‘глотать’ > кбалк. *žut-*.

ПТ **seb-* ‘любить’ > кбалк. *sūj-*, ПТ **kebrič* ‘яшень’ > кбалк. *kūjrič*, ПТ **čib* ‘гвоздь, колышек, чека’ > кбалк. *čūj*, ПТ **debe* ‘верблюд’ > кбалк. *tūje*, ПТ **čebir-* ‘крутить, поворачивать’ > кбалк. *čūjür-* ‘делать складки’, ПТ **kebir* ‘ковер’ > кбалк. *kūjüz*.

2.5.3. Пракарачаево-балкарское **-w(-)* (из **g* и **b*; не успевшее выпасть на пракрыпчакском уровне, т.е. в позиции старого конца слова после узкой гласной - см. 2.5.1.) сохраняется во всех позициях и образует с предшествующим гласным сочетания: *aw*, *ew*, *ow*, *öw*, *iw*, *iw*, *uw*, *üw*. Примеры: *taw* ‘гора’, *saw-* ‘дойть’; *izlew* ‘поиск’, *tilew* ‘просьба’; *onow* ‘совет’, *otow* ‘комната’; *qiziw* ‘жарко’, *žaziw* ‘письмо’; *kijiw* ‘одевание’, *kiriw* ‘вхождение’; *uwuwu* ‘его сжатие’, *buw* ‘олень’; *küw* ‘мелодия’, *sürüw* ‘отара’; *kösöw* ‘головня’, *küjöw* ‘зять’; *tuwar* ‘скотина’; *tawuq* ‘курица’; *tawuš* ‘звук’; *tawrič* ‘сказка’; *qawuqa* ‘тревога’. О последующем развитии гласных в этих сочетаниях см. ниже.

2.6. Поведение старых интервокальных взрывных глухих не выходит за рамки обычного для западнокрыпчакских языков. В синхронном слово- и формообразовании действует правило, требующее озвончения губных и заднеязычных на границе морфемы в интервокальной позиции во всех говорах (ср. малк. *k'örügü* ‘его меха’, *k'ölegü* ‘его рубашка’, *q'alayü* ‘его мешалка’, *butayü* ‘его ветка’, *q'uruçu* ‘его жердь’, *tübü* ‘дно, основание’). Зубные не озвончаются (*üs qatü* ‘верхний слой’). В синхронно неразложимых неодносложных основах интервокальное озвончение происходит беспорядочно, возможно, в связи с процессами морфонологического переразложения:

ПТ **kī:tür-* ‘ходить, обходить вокруг’ > кбалк. *qidiür-*; ПТ **būta-* ‘срезать ветви’ > кбалк. *buta-*; ПТ **göt-ir-* ‘поднимать(ся)’ > кбалк. *kötür-*; ПТ **jitig* ‘острый’ > кбалк. *žütü*; ПТ **biāka* ‘лягушка’ > кбалк. *maqa*; ПТ **bokak* ‘зоб’ > кбалк. *boyaq*, ПТ **okī-* ‘звать, читать’ > кбалк. *oqu-*; ПТ **ējke-gü* ‘напильник’ > кбалк. *egew*; ПТ

*gēkir- ‘рыгать’ > кбалк. *kekir-*; ПТ *tūke- ‘кончатся’ > кбалк. *tügen-*; ПТ *ökür ‘бык, вол’ > кбалк. *ögüz*; ПТ *jeken ‘тростник’ > малк. *zegen*; ПТ *teke ‘козел’ > кбалк. *teke*; ПТ *kāpuk ‘кора’ > кбалк. *qabuq*, ПТ *dāpan ‘ступня’ > кбалк. *taban*, ПТ *čī:p ‘ветка’ > кбалк. *čibiq*, ПТ *čī:pīn ‘муха’ > кбалк. *čibin*; ПТ *apa ‘мать, старшая сестра, тетя’ > кбалк. *aba*, ПТ *sap-ak ‘стебель’ > кбалк. *sabaq*, ПТ *topuk ‘коленная чашечка, колено’ > кбалк. *tobuq*, ПТ *čap- ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ > кбалк. *čapir-*; ПТ *sipür- ‘подметать’ > кбалк. *sibir-*; ПТ *jip-ek ‘шелк’ (граница морфемы!) > кбалк. *žibek*; ПТ *depö ‘холм’ > кбалк. *töbe*, ПТ *köpür ‘мост’ > кбалк. *köpür*, *köfür*.

Глухой *k на конце сохраняется, как во всех кыпчакских языках.

3. Фонологические развития в вокализме, не влияющие на морфемный состав морфем

3.1. Во всех говорах в абсолютном начале и конце слова гласные – напряженные: *arqan* ‘аркан’, *urluq* ‘семя’, *indir* ‘ток’, *ilkič* ‘свая’, *ortaq* ‘в долг’, *otun* ‘дрова’, *ečki* ‘коза’, *ürkek* ‘пугливый’, *qozu* ‘барашек’, *sürgü* ‘пашня’, *žazyı* ‘весенний’, *tala* ‘поляна’. Между согласными гласные произносятся без напряжения: *etek* ‘подол’, *peč* ‘комната’, *ilkič* ‘свая’, *artmaq* ‘переметная сумка’, *urluq* ‘семя’, *indir* ‘ток’, *köz* ‘глаз’, *üčkül* ‘треугольник’. По-видимому, такая реализация связана с северокавказским субстратом (ср. автоматический ʔ- в неприкрытом начале слова практически во всех северокавказских языках).

3.2. Вокализм из 8 гласных фонем: *a, o, y, u, e, ö, i, ü* – фиксируется в карачаевском, баксанском и чегемском говорах. У.Б. Алиев отмечает в малкарском и холамо-бызынгийском говорах 12 гласных фонем: *a, o, i, u, e, ö, i, ü, ɛ, ɔ, ɨ, ı*. Судя по примерам, эти дополнительные сдвинутые в средний ряд передние единицы отражают не отдельные фонемы, а позиционные варианты передних фонем в соседстве с велярными и увулярными согласными. Гласные передне-среднего ряда в малкарском говоре – регулярно в соседстве с заднеязычными, ср. *kökən* ‘куст’, *kökrek* ‘грудь’, *k'erək* ‘нужда’, *k'öz* ‘глаз’, *k'irdi* ‘вошел’, *k'ün* ‘день’, *t'ülk'ü* ‘лиса’, *tək'e* ‘козел’; в холамо-бызынгийском говоре – спорадически, возможно под влиянием малкарского говора: *k'erək* ‘нужда’, *k, ü* – с соответствующими кыпчакскими гласными, но, вообще говоря, сдвиг переднерядных огубленных в средний ряд не является общекыпчакским свойством [см. СИГТЯ 2002: 217–221].

Фонетическая реализация *i* в «балкарских» диалектах скорее относится к среднему подъему, чем к верхнему, по описанию в [Материалы 1962] похожа на рус. э. Возможно, этим обусловлено приводимое У.Б. Алиевым соответствие карач. *i* ~ балк. *e*: *baryaniqta* ~ *baryanekte* ‘когда мы пошли’, *šiša* ~ *šeša* ‘бутылка’, *xatir* ~ *xater* ‘одоление’.

4. Исторические изменения в вокализме (влияющие на морфемный состав морфем)

4.1. Остается вопросом наличие отдельных долгих гласных фонем, отражающих первичные долготы, в говорах «балкарского языка» (малкарский, холамо-бызынгийский и баксано-чегемский говоры). Наличие первичных долгот в бал-

карском упоминал Е.Д. Поливанов [Поливанов 1927]. О. Прицак [Pritsak 1958, 1959] привел соответствующий материал (*āq* ‘белый’, *āt* ‘имя’, *bīz* ‘шило’, *iš* ‘работа’, *ōt* ‘огонь’, *ūn* ‘мука’, *žōl* ‘путь’). Вопрос нуждается в дополнительном экспериментально-фонетическом исследовании. В современных описаниях рефлекс первичных долгот не отмечаются.

4.2. Вторичные долготы по старым описаниям засвидетельствованы в малкарском и холамо-бызынгийском говорах в стяженных формах плюсквамперфекта: *k'ūjgūt* ‘сгорел’ в м. *k'ügenet*, *k'örgēt* ‘увидел’ в м. *k'örgenet*, *baryūt* ‘сходил’ в м. *baryānet* (< *kügen edi*, *körgen edi*, *baryān edi* и т.д.). По тем же свидетельствам, и в карачаевском, и в «балкарских» говорах (т.е. везде, кроме литературного языка) перфект вспомогательного глагола *e-* ‘быть’ употребляется в стяженных формах, содержащих *ē*: *ēm*, *ēŋ*, *ēt*, *ēk*, *ēgiz*; также во всех говорах употребляется стяженная форма отрицательного аспекта будущего времени с долгим *ā*: карач. *q'almābīz* < *qalmaz-bīz* ‘не оставим’, балк. *ajtmābīz* < *ajtmaz-bīz* ‘не скажем’. Более современные источники долготу в таких формах не отмечают. О. Прицак, со ссылкой на [Филоненко 1940], отмечает также для всех диалектов возможность удлинения широкого гласного в открытом слоге перед слогом с узким гласным: *alābīz* ‘мы берем’, *qārīn* ‘живот’, *ōrun* ‘место’, *kelēdi* ‘он приходит’, *tēri* ‘кожа’, *ōgüz* ‘бык’. Он же отмечает, что дифтонгоидные сочетания *uw*, *ūw* также во всех говорах, кроме литературного языка, могут принимать перед гласными позиционные реализации *ū* и *ū̄*: *ežū'ū* ‘его мелодия’, *q'ū'ar* ‘он будет гнать’. Современные источники не отмечают долготы в этих случаях.

4.3. Вокализм в целом, таким образом, – западнокыпчакского типа, т.е. по большинству свидетельств не отражает первичных долгот и различия закрытых и открытых широких гласных. Вторичных долгот также, видимо, нет с фонологической точки зрения (ср. выше). Соответствия гласных общетюркскому состоянию, с учетом снятия этих противопоставлений, тривиальные, за исключением некоторых позиционных диалектных развитий, напоминающих кумыкские и азербайджанские.

Балкарским говорам свойствен переход *i* > *i* под влиянием соседних *č*, *š*, *j*: карач. *bičaq* при кбалк. *bičaq* ‘нож’, *bišlaq* ~ *bišlaq* ‘сыр’, *išan* ~ *išan* ‘надеяться’, *mijī* ~ *mijī* ‘мозг’, *mijīq* ~ *mijīq* ‘ус’. В баксанском и холамо-бызынгийском говорах *i* > *i* переходит также при соседнем *ž*, *ž*: *žil'ā-* ‘плакать’, *ž'il'ān* ‘змея’ (карач. *žila-*, *žilan*). По Ш.Х. Акбаеву [1999: 43] такой переход свойствен всем говорам в позиции непервого слога, а в позиции первого слога свойствен исключительно баксано-чегемскому говору: карач. / малк. *žilan* // *zilan*, *bičax* // *bīčaq*, *bišlax* // *bišlaq* – бакс.-чег. *žilan*, *bičaq*, *bišl'aq*.

В балкарских говорах *a* перед *j* следующего слога регулярно переходит в *i*: *tijaq* ‘палка’ (карач. *t'ajaq*), *zijaŋ* ‘пешком’ (карач. *žajaw*), *tajan-* ~ *tijan-* ‘прилечь’, *žaja* ~ *ž/zija* ‘лук для стрел’, *ž/zajaq* ~ *ž/zijaq* ‘щека’ (но *qaja* ‘скала’). По Ш.Х. Акбаеву [1999: 14], в баксано-чегемском говоре явно просматривается вторичность этого процесса (произошедшего под воздействием малкарского говора), поскольку допускается параллельное употребление форм с *i* и с *a*: *тал таякъ-гъа тыџанма* ‘на палку из вербы не опирайся’ (однокоренные слова). Соответствие *a* ~ *i* наблюдается также в глагольных формах, образованных сочетанием деепричастия или причастия со вспомогательным глаголом *edi*, например: *taba edi* ~

tabijdi ‘находил’, *qapsa edi* ~ *qapsijidi* ‘если кусается’, *tapsa edi* ~ *tapsijdi* ‘если бы нашли’, *barsa edi* ~ *barsijdi* ‘если бы пошли’, *salsa edi* ~ *salsijdi* ‘если бы положили’, *qarasalijdi* ‘если бы смотрели’, *sanasalijdi* ‘если бы считали’, *alʁan edi* ~ *alʁijdi* ‘брали’, *salʁan edi* ~ *salʁijdi* ‘положили’, *oquʁan edi* ~ *oquʁijdi* ‘учились’, *sanayʁan edi* ~ *sanayʁijdi* ‘считали’, *qazyʁan edi* ~ *qazyʁijdi* ‘рыли’. Это же соответствие наблюдается и при сочетании местоименного слова *alaj* ‘так’ с тем же вспомогательным глаголом, например: *alaj edi* ~ *alijdi* ‘было так’, *alaj ese* ~ *alijsi* ‘если так’. Последние случаи характерны только для малкарского говора.

Полученное таким образом *i* во всех «балкарских» говорах подвергается лабиальному сингармонизму: *uryʁan edi* > *uryujidi* ‘ударил’, *soryʁan edi* > *soryujidi* ‘спросил’, *quryʁan edi* > *quryujidi* ‘настроил’.

Не следует вводить в описание фонологии карачаево-балкарского языка дифтонги; соответствующие единицы должны трактоваться как сочетания гласных с глайдами *j* и *w*, закрывающими слог. В этих сочетаниях по говорам наблюдаются значительные позиционные изменения. О позиционных изменениях в сочетании с *j* см. выше. В сочетаниях с *w* (см. выше, 2.5.3.) в непервом слого, по данным У.Б. Алиева, отдельные подговоры обоих диалектов допускают губную аттракцию, т.е. *ew* > *öw*, *iw* > *iüw*, *iüw* > *uw*. Ср. *qašiw-* ~ *qašuw-* ‘чесать’, *ajtüw* ~ *ajtuw* ‘разговор’, *ačiw* ~ *ačuw* ‘открытие’, *saliw-* ~ *saluw-* ‘положить’, *aliw* ~ *aluw* ‘взятие’, *qaziw* ~ *qazuw* ‘рытье’; *tartiw-* ~ *tartuw-* ‘тянуть’, *satiw* ~ *satuw* ‘продажа’, *čiyariw-* ~ *čigaruw-* ‘выводить’; *čiyiw* ~ *čiyuw* ‘выход’, *keliw* ~ *keliw* ‘приход’, *ketiw* ~ *ketiw* ‘уход’, *beriw-* ~ *beriw-* ‘давать’, *kürešiw-* ~ *kürešiw-* ‘бороться’. В балкарских говорах эта вторичная огубленность гласного действует на первый слог, откуда балк. *žütü* ‘острый’, карач. *žiti* < **žitig()*. Однако, по данным Ш.Х. Акбаева, в сочетании *ew* < **egü* сингармонический признак «+огубленность» не действует ни в каких диалектах (*kijew* // *kijew* ‘зять’ < **küdegü*, *közlew* // *kezlew* ‘родник’ < **köz-le-gü*, *kösew* // *kesew* ‘головня; лесной орех’ < **kös-egü*), а в сочетании *iw* < *igü* узкий передний гласный лабиализуется в карачаевском и не лабиализуется в балкарском: ‘очередь’ карач. *köziw* // балк. *keziw* < **közigü*. Кроме того, оба ученых согласны в том, что малкарскому диалекту свойственно в таких случаях разогубление первого слога (малкарскому, холамо-бызынгийскому и баксано-чегемскому [Акбаев 1999: 42]): малк. *kezlew* ~ карач. *közlöw* ‘родник’, малк. *keziw* ~ карач. *köziw* ‘очередь’, малк. *kijew* ~ карач. *kijöw* ‘зять’, малк. *bitew* ~ карач. *bütöw* ‘все’. Похожий случай разогубления в малкарском видим в случае *bojaw* ~ *bajaw* ‘краска’ (**bodag*). Эта группа явлений явно нуждается в дополнительном обследовании.

4.4. Нёбная гармония в целом соблюдается как на уровне морфологии, при словоизменении, так и внутри основ, за исключением заимствований, а также упомянутых выше случаев позиционного развития *i* > *i*, которые, впрочем, не влияют на морфонологическую «рядность» основы.

Губная гармония (лабиальная аттракция) во всех говорах устроена так же, как в караимском и кумыкском. А именно: наличие в некотором слогой исконной основы огубленного гласного (неважно, широкого или узкого) требует огубленного варианта в непосредственно следующем за этим слогом отрезке цепочки аффиксов с узкими гласными. Широкие гласные аффиксов не подчиняются губной гармонии и не пропускают ее действие на последующие гласные аффиксов. (Ср.,

однако, [Pritsak 1959: 348], где приводятся примеры воздействия губной гармонии на передний широкий гласный в балкарском диалекте: *ölgön* ‘умерший’, *üjdö* ‘в доме’, *üjlörim*, редко *üjlörüm* ‘мои дома’. Вопрос нуждается в полевом исследовании). Примеры: *xon-šu-buz-nu-qu-nu-q-du* ‘это то, что принадлежит нашему соседу’. Исключение: основы, оканчивающиеся на глайд *w*, требуют огубленных вариантов аффиксов с узким гласным независимо от состава гласных основы: *taw* ‘гора’ – *tawnu* ‘горы’, *baw* ‘сарай’ – *bawubuznu* ‘наш сарай’ (вин. пад.). Внутри основы губная гармония действует на узкие гласные и «в плюс», и «в минус» (*bojun* ‘шея’ < **bojin* < **bōjn*, *biyün* ‘бедро’ < **biqin*, *temir* ‘железо’ < **temür*, *mijik* ‘высокий’ (карач.), *bijik* (балк.) < **bedük*, *qatün* ‘женщина’ < **qatun*, *tamir* ‘корень’ < **damur*), кроме случаев, когда старый немотивированный огубленный стоит после *b*: тогда огубленность сохраняется, ср. *qabuq* ‘кора’ < **qāruq*. Не подвергается губному сингармонизму «в минус» также сочетание *awu* < **ayü*, **abi*: ПТ **iagir* ‘тяжелый’ > кбалк. *awur*, ПТ **biagir* ‘печень’ > кбалк. *bawur*, ПТ **jag-in* ‘дождь’ > кбалк. *žawun*, ПТ **sabit* ‘посуда, снаряжение’ > кбалк. *sawut*. На широкие гласные во всех диалектах губной сингармонизм не действует, кроме случаев развития сочетания *aү(i)*, *aүu*, ср. ПТ **jayi* ‘враг’ > *žaw*, ПТ **talayu* ‘болезнь, связанная с язвами’ > кбалк. *talaw* ‘бубон, язва’, но ПТ **buřa-gu* ‘теленки’ > кбалк. *buzow*, ПТ **bukagu* ‘кандалы’ > кбалк. *buyow*, ПТ **otay* ‘шалаш, шатер’ > кбалк. *otow* ‘комната для новобрачных’. На трехсложных формах (карач. *oturaw* // балк. *oturow* ‘позвонок’, карач. *tomuraw* // балк. *tomurow* ‘колода’, карач. *qoңuraw* // балк. *qoңurow* ‘колокольчик’) наблюдается диалектное различие: в карачаевском «плюс-огубленность» не действует, в балкарском – действует. Напомним, что на широкий передний гласный в сочетании *ew* < **egü* «плюс-огубленность» не действует ни в каких диалектах, а на узкий передний гласный в сочетании *iw* < *igü* действует в карачаевском и не действует в балкарском.

5. Выводы

- а) исходный облик карачаево-балкарского консонантизма и вокализма – западнокрыпчакский;
- б) основные процессы, протекавшие в этой системе, по результатам – западнокрыпчакские;
- в) своеобразии карачаево-балкарской консонантной системы обусловлено поздними адстратными влияниями.

Сокращения

Языки

араб. – арабский	крх.-тюрк. – караханидско-тюркский
бакс. – баксанский	лезг. – лезгинский
балк. – балкарский	малк. – малкарский
бацб. – бацбийский	осет. – осетинский
кабард.-черк. – кабардино-черкесский	перс. – персидский
карач. – карачаевский	ПТ, пратюрк. – пратюркский
кбалк. – карачаево-балкарский	рус. – русский
	чечен. – чеченский

Общие

вин. пад. – винительный падеж

совр. лит. – современный литературный

Литература

- Абаев 1933 – *Абаев В.И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // *Язык и мышление*. Т. I. Л., 1933. С. 71–89. {*Abayev V.I.* The common elements in the languages of Ossetians, Balkars and Karachays // *Language and thought*. V, I. Leningrad, 1933. P. 71–89.}
- Акбаев 1963 – *Акбаев Ш.Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963. {*Akbayev Sh.Kh.* The phonology of the Karachay-Balkar language dialects. Cherkessk, 1963.}
- Акбаев 1999 – *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Карачаево-Черкес. гос. пед. ун-т, 1999. {*Akbayev Sh.Kh.* The dialects of the Karachay-Balkar language from the structural, genetic and areal points of view. Karachayevsk: Karachayevo-Cherkessk State pedagogical university, 1999.}
- Алиев 1960 – *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Третье региональное координационное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов. Баку, 1960. {*Aliiev U.B.* The dialectal subdivision of the language of Karachays and Balkars // The 3rd regional coordination meeting on the questions of dialectology of Turkic languages. The theses of reports. Baku, 1960.}
- Аппаев 1960 – *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к литературному балкарскому языку. Нальчик, 1960. {*Appayev A.M.* Dialects of the Balkar language in their relation to the literary Balkar language. Nal'chik, 1960.}
- Гузеев 1974 – *Гузеев Ж.М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // *Советская тюркология*. 1974. №5. С. 62–66. {*Guzeyev Zh.M.* The phonetic features of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language // *Soviet turkology*. 1974. No. 5. P. 62–66.}
- ДТЯ – Диалекты тюркских языков. Т. 1. М., 2010. {DTYa – Dialects of Turkic languages. V. 1. M., 2010.}
- Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007. {*Dybo A.V.* The linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund. Pre-Turkic period. M.: Vostochnaya literatura, 2007.}
- Дыбо 2013 – *Дыбо А.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. {*Dybo A.V.* Etymological dictionary of Turkic languages. Volume 9 (supplement): Etymological dictionary of the basic vocabulary of Turkic languages. Astana, 2013.}
- Караулов 1908 – *Караулов Н.А.* Балкары на Кавказе // Сборник Кавк. 1908. № 38. С. 131–180. {*Karaulov N.A.* The Balkars in the Caucasus // *The Compendium for description of places and peoples of Caucasus*. 1908. No. 38. P. 131–180.}
- Карачаевцы 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. *М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев*; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. М.: Наука, 2014. 815 с. {*Karachays. Balkars / Executive editors M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev*; Institute of Anthropology and Ethnography RAS; U.D. Aliev Karachayevo-Cherkessk State university. M.: Nauka, 2014. 815 pages.}
- Материалы 1962 – Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962. {*Data and research on Balkar dialectology, vocabulary and folklore*. Nal'chik, 1962.}
- Поливанов 1927 – *Поливанов Е.Д.* К вопросу о долгих гласных в обще-тюрецком праязыке // Доклады АН СССР. [Серия] В. 1927. № 7. С. 151–153. {*Polivanov Ye.D.* On the long vowels in the common Turkic protolanguage // *The reports of Soviet Academy of Sciences*. [Series] В. 1927. No. 7. P. 151–153.}
- СИГТЯ 2000 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000. {*Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexicon*. M., 2000.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002. {*Comparative and historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions*. M., 2002.}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. {*Comparative*

- and historical grammar of Turkic languages. The proto-Turkic basic language. The World picture of the proto-Turkic ethnos based on the language. M.: Nauka, 2006.}
- Соттаев 1960 – *Соттаев А.Х.* Диалектный состав балкарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Казань, 1960. {*Sottayev A.Kh.* The dialectal organisation of the Balkar language // The questions of dialectology of Turkic languages. Kazan, 1960. }
- Филоненко 1940 – *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940. {*Filonenko V.I.* Grammar of the Balkar language. Phonology and morphology. Nal'chik, 1940.}
- Хабичев 1971 – *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словообразование: Опыт сравнительно-исторического изучения. Черкесск, 1971. {*Khabichev M.A.* Karachay-Balkar nominative word formation: An experience of comparative and historical study. Cherkessk, 1971.}
- Хелимский 1986 – *Хелимский Е.А.* Происхождение древнетюркского чередования $r \sim z$ и дилемма «ротацизма-зетацизма» // Советская тюркология. 1986. № 2. С. 40–50. {*Khelimskiy Ye.A.* The origins of ancient Turkic alternation $r \sim z$ and the dilemma of “rotacism-zetacism” // Soviet Turkology. 1986. No. 2. P. 40–50.}
- Чеченов 1995 – *Чеченов А.А.* Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. М., 1995. {*Chechenov A.A.* The historical phonology of the Karachay-Balkar language. M., 1995.}
- Шаумян 1935 – *Шаумян Р.* Балкарская лексика (материалы для балкарско-русского словаря) // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Т. I. М.; Л., 1935. С. 67–86. {*Shaumian R.* The Balkar vocabulary (the data for a Balkar-Russian dictionary) // The languages of the North Caucasus and Dagestan. V, 1. M.; L., 1935. P. 67–86.}
- ЯМКЯ – Языки мира. Кавказские языки. М., 2005. {Languages of the World. Caucasian languages. M., 2005.}
- Pritsak 1958 – *Pritsak O.* Die ursprünglichen türkischen Vokallängen im Balkarischen // Jean Deny Armağanı. Istanbul, 1958. S. 203–207.
- Pritsak 1959 – *Pritsak O.* Das Karatschaische und Balkarische // Philologiae Turcicae Fundamenta. T. I. Wiesbaden, 1959. S. 340–368.
- Pröhle W.* Balkarische Studien. I // KSz. 15, 1914–1915. S.165–276; Balkarische Studien. II // KSz. 16, 1915–1916. S.104–243.
- Pröhle W.* Karatschajische Studien // KSz. 10, 1909. S. 83–150.

The phonologic features of the Karachai-Balkar language on the Common Turkic background

Anna Dybo

Moscow

Summary: A detailed analysis of the information reported on dialects of the Karachai-Balkar language by various specialists does not permit to hear their reasons against the including of Karachai-Balkar in the West Kypchak group.

Keywords: Turkic languages, Standard Turkic, reconstruction, phonology, morphophonology

Сведения об авторе

Дыбо Анна Владимировна – доктор филологических наук, проф., член-корр. РАН, зав. Отделом Института языкознания РАН; e-mail: adybo@mail.ru

РОЛЬ Н.Х. МАКСЮТОВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ю.В. Псянчин

г. Уфа

Резюме: Статья посвящена роли Н.Х. Максютовой (1932–2004) в изучении западного диалекта башкирского языка. Сам факт функционирования третьего – западного диалекта башкирского языка долгие годы официально не признавался по ряду причин. Н.Х. Максютовой, вслед за другим башкирским языковедом-диалектологом С.Ф. Миржановой (1924–2000), удалось доказать наличие данного диалекта, обозначить границы его распространения и выделить в его составе шесть говоров. Н.Х. Максютова добилась этого в результате проведения многолетних экспедиций и путем подготовки третьего тома «Словаря башкирских говоров», посвященного западному диалекту башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, западный диалект башкирского языка, говор, классификация говоров, лингвогеография.

Прошедший 2017 год стал знаковым для башкирской диалектологии: исполнилось тридцать лет со дня выхода в свет третьего тома «Словаря башкирских говоров (Западный диалект)» [Бһһ–I 1967]. Доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделом диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН) в 1984–1987 гг., заслуженный деятель науки Башкирской АССР, главный научный сотрудник в 1988–2000 гг. Нажиба Хаерзамановна Максютова (1932–2004) [Суфьянова 2008], будучи руководителем этого важного проекта, совершила самый настоящий научный подвиг, сделав все возможное, чтобы издать его. Весь тираж третьего тома в количестве 800 экземпляров уже в начале декабря поступил в ИИЯЛ БФ АН СССР.

Уже через год, в 1988 году в 5-м номере «Реферативного журнала. Общественные науки в СССР. Сер. 6. Языкознание» был опубликован реферат старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР Н.Н. Трошиной [Трошина 1988], посвященный данному труду башкирских диалектологов. Это, в свою очередь, способствовало тому, что в скором времени о словаре узнала вся страна, после чего в ИИЯЛ БФ АН СССР регулярно стали приходить письма с просьбой о приобретении третьего тома.

Функционирование третьего, северо-западного (западного) диалекта было официально признано лишь во второй половине 80-х гг. – начале 90-х гг. XX века [Максютова 2006; Юлдашев 2010]. Однако так было не всегда. Например, до

этого времени в башкирском языкознании официально признавалось функционирование лишь восточного и южного диалектов; тогда сторонником такого жесткого подхода выступал известный советский языковед-тюрколог А.А. Юлдашев (1920–1988) [Юлдашев 1966], хотя отметим, что сам он был западным башкиром [Юдакин 2001: 583–586] и автором ряда очень серьезных работ, посвящённых башкирским говорам [Юлдашев 1959, 1968]. Эту же идею в 50–60-х гг. прошлого века проводил в жизнь и башкирский языковед Дж.Г. Киекбаев (1911–1968), считавший, что башкиры, издревле проживавшие в западных и северо-западных районах Башкирской АССР, в силу общественно-политических и экономических причин подверглись татаризации и говорят на одном из диалектов татарского языка [Киекбаев 1958: 38–39]. А.А. Юлдашев в конце 80-х гг. прошлого века переосмыслил свое отношение к третьему диалекту башкирского языка и официально признал его [Юлдашев 2010].

Н.Х. Максютлова в 60–80-х гг. XX века выступила в качестве организатора ряда диалектологических экспедиций, результаты которых затем были обработаны и использованы при составлении всех трех томов [БҺҺ–I 1967; БҺҺ–II 1970; БҺҺ–III 1987] и сводного тома «Словаря башкирских говоров» [БТДҺ 2002], хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» [БҺҮ 1988] и, конечно же, «Диалектологического атласа башкирского языка» [ДАБЯ 2005].

Самой главной работой Н.Х. Максютловой следует считать ее капитальный труд – монографию «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» [Максютлова 1976], изданную в 1976 г. в Москве и имеющую статус классического академического исследования [Азнагулов, Исламов 1977]. В ней представлены все пять говоров данного диалекта: айский, аргаяшский, сальютский, миасский, кызылский [Максютлова 1976: 22–78, 79–171, 172–213, 214–248, 249–289]. В монографии восточный диалект охарактеризован ею в синхронном и диахронном аспектах. Каждому говору посвящена отдельная глава, где подробно излагаются фонетические, морфологические, лексические особенности каждого из них в сравнении с данными южного диалекта башкирского языка. В качестве дополнительного сравнительного материала привлекаются данные других родственных и даже неродственных языков. Все это способствует установлению границ выделенных пяти говоров, которые иногда совпадают с бывшей исторической племенной границей (например, сальютский и айский говоры), но в большинстве случаев совпадения не наблюдается (например, аргаяшский, миасский, кызылский говоры) [Максютлова 1976: 15]. Автору удалось доказать, что восточный диалект является древнейшим ядром башкирского языка. Редактором монографии выступил известный советский и российский языковед-тюрколог К.М. Мусаев. Сама монография была напечатана тиражом в 1100 экземпляров.

В 1980 году в г. Баку, в Институте языкознания им. Насими АН АзССР Н.Х. Максютлова защищает докторскую диссертацию на тему «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)» [Максютлова 1980], в качестве ее оппонентов выступают известные в тюркском мире языковеды Т.М. Гарипов, А.Г. Велиев и В.Л. Гукасян. В 1981 году она утверждается в ученой степени доктора филологических наук.

В 2008 году был составлен и издан список основных научных трудов Н.Х. Максютовой [Псянчин 2008]. Наличие данного списка позволило нам определить все направления и проблемы, над которыми в течение пятидесяти лет успешно трудилась Н.Х. Максютова. Следующая монография Н.Х. Максютовой «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» [Максютова 1996] была издана в 1996 году. Автором были исследованы аргаяшский, салыютский и оренбургский говоры.

В этой статье мы бы хотели осветить ее большой вклад в изучение западного диалекта башкирского языка [БҺҺ–III 1987; БҺҮ 1988; Мәксүтова 1990; Мәксүтова 1995]. Ведь этому она отдала большую часть своей сознательной жизни!

Третий том, посвященный западному, вернее, северо-западному диалекту башкирского языка [БҺҺ–III 1987], был издан только через двадцать лет после выхода в свет первого тома «Словаря башкирских говоров» [БҺҺ–I 1967].

Третий том «Словаря башкирских говоров» в содержательном плане делится на следующие разделы: 1) «Введение» [БҺҺ–III 1987: 3–9]; 2) «Принципы составления словаря» [БҺҺ–III: 9–12]; 3) «Словарь» [БҺҺ–III: 13–227]; 4) «Список деревень, в которых был собран лексический материал для словаря» [БҺҺ–III: 22–231].

«Введение», написанное ответственным редактором Н.Х. Максютовой, представляет собой краткий очерк истории изучения диалектов и говоров башкирского языка. В нем дается характеристика основных языковых особенностей диалекта. Так, по соответствиям гласных *a – ə, o – y, ø – y̆, ø – e* диалект в чем-то схож с аргаяшским, айским (восточный диалект) и ик-сакмарским (южный диалект) говорами: например, *аз – əз* ‘мало’; *ғөмөр – ғүмер* ‘жизнь’; *үрзәк – өйрәк* ‘утка’ и т.д. [БҺҺ–III: 7]. В западном диалекте вместо согласного *c* часто употребляется *ч*: например, *чирәм – сирәм* ‘целина, целинная земля’ (восточный диалект); а вместо согласного *h* – согласная *c* (*сарык – лит. һарык*) ‘овца’ [БҺҺ–III: 7]. Эти примеры являются хорошей базой для проведения исследований историко-этимологического характера и объектом изучения исторической фонетики.

Другой фонетической особенностью западного диалекта является лабиализация (т.е. огубление), характерная для речи башкир сакмарской зоны (т.е. для языка башкир, проживающих в Кувандыкском, Сарыкташском, Тюльганском, Гайском районах Оренбургской области; перечисленные административно-территориальные единицы находятся в бассейне реки Сакмары: *бозау – лит. бызау* ‘теленок’, *богау – лит. быгау* ‘цепь’, *бойма – лит. бойма* ‘валенки’ и т.д. [БҺҺ–III: 7]. Также в ниже-сакмарском говоре наблюдается частое употребление гортанного согласного *h* в начале слова: *һат – лит. хат* ‘письмо’, *һәбәр – лит. хәбәр* ‘весть’, *һөрмәт – лит. хөрмәт* ‘уважение’ и т.д. [БҺҺ–III: 7]. В туксоранском говоре вместо литературного *h* в начале слова употребляется согласный *c*: например, *сағызак – лит. һағызак* ‘оса’, *сайрау – лит. һайрау* ‘петь, заливать трелью’, *сүрәт – лит. һүрәт* ‘рисунок’, *сызык – лит. һызык* ‘черта’ и т.д. [БҺҺ–III: 7]. Полагаем, представленные изменения в области гласных и согласных звуков вызовут неподдельный интерес среди специалистов по описательной и сравнительной фонетике.

Работа над третьим томом «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» происходила, действительно, в очень непростых условиях [БҺҺ–III: 6]: она про-

водилась параллельно со сбором материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» [ДАБЯ 2005] в экспедициях, работавших под руководством Н.Х. Максютковой в 1970–1980 гг. В сборе диалектных данных для третьего тома, кроме самой Н.Х. Максютковой, приняли участие такие известные башкирские диалектологи, как М.И. Дильмухаметов (1940–2009), У.Ф. Надергулов (1937–1997), Р.Г. Азнагулов (1941–2015) и, конечно же, доктор филологических наук С.Ф. Миржанова (1924–2000).

В третьем томе успешно использована классификация говоров западного диалекта, предложенная самой Н.Х. Максютковой. Выделяются следующие говоры: 1) гайнинский (говор башкир, населяющих Бардымский и Осинский районы Пермского края); 2) северо-западный (говор башкир, населяющих Аскинский, Бакалинский, Балтачевский, Бирский, Биждулякский, Благоварский, Благовещенский, Бураевский, Буздякский, Белебеевский, Дюртюлинский, Ермакеевский, Илишевский, Краснокамский, Кушнаренковский, Калтасинский, Караидельский, Мишкинский, Чекмагушевский, Татышлинский, Туймазинский, Уфимский, Чишминский, Шаранский, Янаульский районы, т.е. все перечисленные 26 районов образуют северо-западную зону нынешнего Башкортостана); 3) туксоранский (говор оренбургских башкир, проживающих в населенных пунктах бассейнов рек Тук и Соран; Красногвардейский, Александровский, Новосергиевский и Переволоцкий районы Оренбургской области); 4) нижнесакмарский (говор башкир, проживающих в бассейне нижнего течения реки Сакмары; это отдельные населенные пункты Гайского, Кувандыкского, Октябрьского, Саракташского, Тюльганского районов Оренбургской области, а также с. Большеабишево Хайбуллинского района Республики Башкортостан); 5) среднеуральский (говор распространен на территории трех субъектов РФ; на нем говорят представители населенных пунктов северной части Мечетлинского района Республики Башкортостан, двух населенных пунктов Нязепетровского района Челябинской области, башкирских сел и деревень Красноуфимского, Нижнесергинского и Артинского районов Свердловской области); 6) иргизский (говор иргизо-камеликских башкир [Надергулов 1996: 5–24], распространен в населенных пунктах бассейнов рек Большой Иргиз и Камелик). Это уже территория Большеглушицкого и Большечерниговского районов Самарской области и Пугачевского и Перелюбского районов Саратовской области) [Бһһ–III: 6–9]. Но значение этой классификации говоров для всего башкирского языкознания можно полностью осмыслить только путем её сравнения с другими вариантами классификации.

Действительно, в истории башкирской диалектологии было и есть несколько классификаций говоров западного (т.е. северо-западного) диалекта. Например, еще в 1991 г. С.Ф. Миржанова в своей известной монографии «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» выделила четыре говора: караидельский [Миржанова 1991: 15–72], таныпский [там же: 73–135], нижнебельско-икский [там же: 136–205] и гайнинский [там же: 206–287]. Надо сказать, что сам термин «северо-западный диалект» принадлежит нашему известному языковеду-диалектологу Т.Г. Баишеву (1886–1974) [БТКД 2008: 33], который руководил диалектологической экспедицией Института истории, языка и литературы БФ АН СССР в 1931–1934 гг. [БТКД 2008: 24–30] и в 1954 г. [БТКД 2008: 73–367] на севере и западе Башкортостана. Кстати, это отмечает и

сама С.Ф. Миржанова в своей монографии [Миржанова 1991: 3–4]. Но самое главное заключается в другом, а именно в охвате С.Ф. Миржановой очень большой территории для описания языка северо-западных башкир и ее значительном вкладе в развитие тюркской диалектологии.

Другой башкирский языковед-диалектолог Н.Х. Ишбулатов включал в состав западного диалекта следующие говоры: караидельский, таныпский, нижнебельский, икский и гайнинский [Ишбулатов 2000: 172]. Однако тот же Н.Х. Ишбулатов еще в 1979–1980 гг. не признавал даже факта существования третьего диалекта, включая его в состав южного диалекта в качестве так называемого «промежуточного» (т.е. северо-западного) говора [Ишбулатов 1979: 15–16, 1980: 25–30]. Р.З. Шакуров к четырем говорам, выделенным С.Ф. Миржановой, добавляет пятый – среднеуральский говор [Шәкүр 2012: 146]. Последней на сегодняшний день следует считать классификацию, предложенную Ф.Г. Хисамитдиновой в 2016 г.: она тоже является сторонницей С.Ф. Миржановой, т.е. выделяет в составе северо-западного диалекта те же четыре говора [Башкиры 2016: 117].

Далее автором вышеназванного очерка Н.Х. Максютовой дается краткая характеристика основных фонетических особенностей и других говоров западного диалекта, в частности среднеуральского, гайнинского, иргизского [БҺҺ–III 1987: 7].

Раздел «Список деревень, в которых был собран лексический материал словаря» включает 173 населенных пункта, расположенных на территории нынешних регионов России: Республики Башкортостан, Пермского края, Оренбургской, Свердловской, Челябинской, Самарской и Саратовской областей [БҺҺ–III 1987: 228–291].

Итак, согласно классификации Н.Х. Максютовой, западный диалект башкирского языка состоит из шести говоров.

Гайнинский говор, как было отмечено ранее, распространен среди башкир, проживающих на территории Бардымского, Куединского, Осинского и Пермского районов нынешнего Пермского края [БҺҺ –III 1987: 8]. Традиционно это территория проживания башкир – представителей племени *гайна* (башк. *гайна*) [Янғужин 1998: 17]. Данный говор был изучен в свое время С.Ф. Миржановой [Миржанова 1991: 206–287] именно на основе родо-племенного принципа [Псянчин, Султанова 2015; Псянчин 2015, 2016]. Надо сказать, что названный принцип описания говоров очень эффективен. С.Ф. Миржанова обратилась к нему в своей кандидатской диссертации «Кубалякский говор башкирского языка» [Миржанова 1967] еще в 1967 г. В истории башкирской диалектологии это было сделано впервые. К началу 60-х гг. прошлого века кубалякский говор входил в юго-восточную группу говоров восточного диалекта башкирского языка; его носителями считались башкиры из родов *кубаляк* (башк. *кубәләк*) и *тиляу* (башк. *тиләу*), и он был распространен на юге Учалинского района и на севере Абзелиловского района Башкирской АССР [Миржанова 1963: 128]. В итоге ей удалось установить изоглоссы кубалякского говора.

Эффективность применения родо-племенного принципа в описании отдельного говора не вызывает сомнений, поскольку позволяет добиться системности в объяснении тех или иных явлений [Псянчин 2016]. Именно этого удалось достичь известному башкирскому языковеду Ф.Г. Хисамитдиновой в своей кандидатской диссертации [Хисамитдинова 1980] и монографии «История башкирского языка: материалы по исторической фонетике» [Хисамитдинова 1989]. При

описании ареалов распространения консонантных сочетаний башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» *лт, мт, нт, рт, нк, ңк* – она обнаружила, что 1) южный ареал распространения сочетаний *лт, нт*... полностью соответствует территории расселения катайских и табынских родоплеменных групп башкир [там же: 67]; 2) северный ареал консонантных сочетаний сонорных и глухих смычных совпадает с нынешней территорией расселения башкир [там же: 68]. Но главное видится в другом: сочетания типа «сонорный + глухой смычный», характерные для башкирского языка, представляют собой изоглоссное явление. На территории Башкортостана данная изоглосса распространяется неравномерно: по мере удаления от центра она исчезает [там же: 32]. Говоря по-другому, перечисленные выше консонантные явления выполняют своего рода функцию показателя границ среднего говора южного диалекта башкирского языка.

Значение указанной монографии Ф.Г. Хисамитдиновой заключается в следующем: в ней на конкретном материале реализуется идея классификации говоров башкирского языка именно на основе принципа «живой разговорный язык (т.е. говор) отдельного рода или племени», который противопоставляется так называемому «бассейновому» принципу.

Действительно, так получилось, что «бассейновый» принцип доминировал в течение многих десятилетий среди башкирских диалектологов. Например, из пяти говоров восточного диалекта три выделены именно на его основе: это айский [Максютова 1976: 22–78], миасский [там же: 214–248] и кызылский [там же: 249–289] говоры. Отсюда следует, что языковед-диалектолог Н.Х. Максютлова является сторонницей применения «бассейнового» принципа. На сегодняшний день айский говор, как и сорок два года назад (напомним, 1976 г. – это время выхода в свет монографии Н.Х. Максютловой «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)», распространен в северо-восточной части Башкортостана по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. Это – нынешние территории Мечетлинского, Дуванского, Салаватского, Белокатайского и Кигинского районов Республики Башкортостан, а также Кусинский район с деревней Петрушкино [там же: 22]. В этом регионе издревле проживали такие родоплеменные группы башкир, как *айли, тобелес, тырнаклы, мырзалар, дуван, кошсо* и *сарт* [там же: 22]. Получается, что территория айского говора в сугубо историческом плане считается средой обитания многих племен, у каждого из которых на самом деле свой собственный говор. Конечно, у «бассейнового» принципа есть одно заметное преимущество – это широкий охват диалектного материала. Но у него, к сожалению, имеется и серьезный недостаток – это отсутствие должной системности в научной интерпретации собранного материала. Особенно это связано с объяснением того или иного исторического явления.

Идеи «бассейнового» принципа доминируют и в монографиях С.Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» [Миржанова 1979] и «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» [Миржанова 1991]: а) например, в южном диалекте к таковым относятся иксакмарский [Миржанова 1979: 22–96] и демский [там же: 168–243] говоры; б) в северо-западном диалекте к их числу можно причислить караидельский [Миржанова 1991: 15–72], таныпский [там же: 73–135] и нижнебельско-ыкский [там же: 136–205] говоры.

Среднеуральский говор распространен на территории проживания потомков башкирских племен *кошсо* (башк. *кошсо*), *сызги* (башк. *һызғы*), *уней* (башк. *өнәй*) [История башкирских родов Т. 18 2016: 20–86]. Этот говор башкирского языка был исследован языковедом-диалектологом М.И. Дильмухаметовым, который защитил на эту тему в 1980 г. кандидатскую диссертацию [Дильмухаметов 1980] и в 2006 г. издал монографию «Говор среднеуральских башкир» [Дильмухаметов 2006]. Мы можем смело заявить, что, несмотря на само название этого говора, он был описан путем применения родо-племенного принципа, о сути которого было сказано ранее.

Представленные во Введении тук-соранский [Бһһ–III 1987: 230], ниже-сакмарский [там же: 230] и иргизский [там же: 8–9; 231] говоры западного диалекта были выделены Н.Х. Максютовой путем обращения к «бассейновому» принципу.

Северо-западный говор, как мы отметили выше, получил распространение на самой большой территории: он охватывает 25 районов республики, что составляет 50% административно-территориальных единиц [там же: 228–229]. Он занимает второе место в классификации Н.Х. Максютовой после гайнинского говора [там же]. По наблюдениям той же С.Ф. Миржановой, на данной территории функционируют три говора северо-западного диалекта: караидельский [Миржанова 1991: 15–72], таныпский [Миржанова 1991: 73–135] и нижебельско-ыкский [Миржанова 1991: 136–205]. На наш взгляд, Н.Х. Максютовой следовало бы применить термин «северо-западная зона говоров западного диалекта», что только усилило бы ее позиции как исследователя этого диалекта. Тогда бы тук-соранский, ниже-сакмарский и иргизский говоры образовали бы так называемую «юго-восточную зону говоров западного диалекта». Тем более, что к этому времени подобный опыт описания в истории башкирской диалектологии уже имелся: еще в 1979 г. С.Ф. Миржанова в своей монографии «Южный диалект башкирского языка» выступила сторонницей описания ик-сакмарского говора путем деления его на две большие зоны: 1) юго-восточную (сакмар-сурянскую); 2) северо-западную (ик-юшатырскую) зоны [Миржанова 1979: 24]. Это был очень правильный подход со стороны С.Ф. Миржановой, поскольку ей только благодаря применению данного приема удалось добиться системности в описании ик-сакмарского говора южного диалекта.

Остальные наблюдения Н.Х. Максютовой по западному диалекту были изложены в двух других ее работах, опубликованных, соответственно, в 1990 г. [Мәксүтова 1990] и 1995 г. [Мәксүтова 1995] на башкирском языке.

Теперь следует задаться вопросом: в чем же видится историческая значимость этой классификации? Все дело в том, что подобный подход Н.Х. Максютовой позволяет заявить сегодня о наличии четырех диалектов башкирского языка: восточного, южного, западного и северного.

Таким образом, с учетом результатов исследований С.Ф. Миржановой [Миржанова 1991] и Н.Х. Максютовой [Бһһ–III 1987; Мәксүтова 1990, 1995] в состав северного диалекта целесообразно было бы включать караидельский, таныпский, гайнинский и среднеуральский говоры, а в состав западного диалекта – нижебельско-ыкский, тук-соранский, ниже-сакмарский, иргизский говоры. Конечно, все это потребует глубокого теоретического осмысления и нахождения сильных аргументов в защиту этой позиции.

В этом, 2018 году исполняется тридцать лет со дня выхода в свет хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» (Уфа, 1988) [БҮҮ 1988], включающей в себя 156 текстов-образцов по всем трем (восточный, южный, западный) диалектам башкирского языка. Например, по Восточному диалекту представлено 28 [там же: 12–54]; по Южному и Западному диалектам, соответственно, 95 [там же: 55–197] и 33 [там же: 198–224] образца.

Издание данного труда стало своего рода ярким событием тогда еще в советском тюркском языкознании, поскольку даже такие суверенные тюркоязычные государственные образования в составе бывшего СССР, как Казахская, Киргизская, Узбекская, Туркменская и Азербайджанская ССР, не издавали подобных работ, хотя в каждой из них функционировали академические институты языкознания.

В содержательном плане хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» имеет большое значение не только в качестве памятника культуры и духовной жизни башкирского народа, но и как свод текстов живого разговорного языка. Здесь представлены сведения по истории Башкортостана, в частности по истории заселения деревень и сел, о народных традициях и народном творчестве башкир.

Эти тексты отражают специфику фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики всех говоров восточного, южного и западного диалектов башкирского языка. Ответственным редактором издания и автором Введения [там же: 5–9] является Н.Х. Максютова, которая проделала огромную работу по текстологической обработке и переводу на русский язык экспедиционных материалов. Названный труд в полной мере претендует на роль объекта этнокультурологических и этнолингвистических изысканий. В связи с этим стоит согласиться с мнением башкирского языковеда З.Ф. Шайхисламовой, считающей, что «вся научная деятельность профессора Н.Х. Максютовой, бесспорно, посвящена служению этнолингвистике» [Шайхисламова 2017: 306–307]. Также она вполне справедливо отмечает, что «планомерно последовательное изучение отраслей диалектной лексики служит для размышления над смежными научными направлениями. Это, на наш взгляд, центральный тезис книги “Образцы башкирской разговорной речи”» [там же: 307]. Мы полностью выражаем свое согласие с ней.

Этот труд тоже успел получить высокую оценку: в 1989 г. в 4-м номере «Реферативного журнала. Общественные науки в СССР. Сер. 6. Языкознание» был опубликован реферат «89.04.058. Образцы башкирской разговорной речи» уже знакомого нам старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР Н.Н. Трошиной [Трошина 1989]. В итоге, и эта книга, подготовленная диалектологами Башкортостана, очень быстро превратилась в библиографическую редкость.

Особо трепетное и ответственное отношение Нажибы Хаерзамановны к западному диалекту башкирского языка можно объяснить словами другого известного советского языковеда-тюрколога А.А. Юлдашева (1920–1988), который очень тонко подметил, что «характерный для рассматриваемой группы башкирских говоров процесс интенсивного их взаимодействия долгое время протекал под возрастающим влиянием татарского языка <...>. Эти говоры почти во всех своих характерных чертах оказались противопоставленными остальным и в силу этого не смогли войти в сферу влияния литературного башкирского языка, сфор-

мировавшегося на базе двухосновных башкирских диалектов» [Юлдашев 2010: 123]. Эти причины имели определенную историческую и политическую основу [Шакур 1990]. Самое главное, что Н.Х. Максютовой, как и С.Ф. Миржановой в 1991 г. [Миржанова 1991: 288–292], удалось именно на основе системного подхода определить место западного диалекта в системе башкирских диалектов. Благодаря этим ученым была преодолена противопоставленность западного диалекта двум другим диалектам башкирского языка, о которой говорил ранее А.А. Юлдашев.

Носителями западного диалекта башкирского языка были такие выдающиеся исторические личности, как Батырша Алиев, Туктамыш Ишбулатов, Исмаил Тасимов. Яркими представителями западных башкир являлись поэт-просветитель Гали Сокорый, великий поэт тюркского мира и педагог-просветитель Шайхзада Бабич, выдающиеся ученые-филологи Касим Ахмеров, Кирей Мерген, Ахняф Харисов, Бикмухаметов Роберт Гатович, ученый-методист Мусалия Хайруллина, ученый-историк Кави Каримов, президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент РАО Альфис Гаязов, академик РАН Ривнер Ганиев, народный поэт Башкортостана Ангам Атнабаев, народная артистка России и Башкортостана Зинира Атнабаева, народный артист России и Башкортостана Радик Гареев, государственный деятель, председатель Совета Министров Башкирской АССР и Башкирской ССР в 1986–1992 гг. Марат Миргаязов, летчик-ас Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Муса Гареев.

Достойное место в списке западных башкир занимает уроженец с. Кальшали нынешнего Туймазинского района Республики Башкортостан, выдающийся языковед-тюрколог, ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР Ахняф Юлдашев (1920–1988).

Еще одного известного носителя западного диалекта мы знаем как второго Президента Башкортостана и первого Главу Башкортостана – это Рустэм Закиевич Хамитов.

Подведем итоги. Нами была поставлена очень серьезная задача: аргументированно доказать наличие четвертого диалекта, именуемого пока северным. Как видим, первый этап заключался в изучении и анализе имеющейся научной литературы по западному (т.е. северо-западному) диалекту башкирского языка, но прежде всего определения роли Н.Х. Максютовой в этой области.

Второй этап решения этой задачи представляется нам более ответственным и сложным, поскольку потребуется: а) выделить границы западного и северного диалектов башкирского языка; б) описать систему их изоглосс. В данной ситуации статусом основных источников, несомненно, будут наделены «Диалектологический атлас башкирского языка» [ДАБЯ 2005] и отдельные тома издания «История башкирских родов», посвященные северо-западным племенам башкир [История башкирских родов Т.18 2016]. Теоретическая основа подобного подхода в тезисной форме была представлена Н.Х. Максютовой в ее препринте «Лингвогеографическое изучение башкирского языка (Диалектологический атлас). 1913–1983 гг.» [Максютова 1983]. Кроме этого, имеется возможность привлечения и других источников.

Таким образом, решение обозначенной задачи следует на сегодняшний день считать основной проблемой башкирской диалектологии.

Литература

- Азнагулов Р.Г., Исламов М.И. 1977 – *Азнагулов Р.Г., Исламов М.И.* Максютотова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении) // Советская тюркология. – 1977. – № 1. – С.106—109. {*Aznagulov R.G., Islamov M.I.* Maksyutova N.Kh. The Eastern Bashkir dialect (from the comparative and historical points of view) // Soviet Turkology. – 1977. – No. 1. – P. 106 – 109.}
- Башкиры 2016 – Башкиры / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Серия «Народы и культуры». – М., 2016. {*The Bashkirs.* / Executive editors: R.G. Kuzeyev, Ye.S. Danilko; Series “Peoples and cultures”. – M., 2016.}
- Башкорт теленен диалектологик ... 1973 – Башкорт теленен диалектологик атласы өсөн мәғлүмәт йыйыу программаһы / Төз. Н.Х.Мәксүтова. – Өфө, 1973. {*The dialectal atlas of the Bashkir language for a data collection program* / Author: N.Kh. Maksyutova. – Ufa, 1973. In Bashkir and Russian.}
- БТДһ 2002 – Башкорт теленен диалекттары һүзлеге. – Өфө, 2002. {*Dialectal dictionary of the Bashkir language.* – Ufa, 2002. In Bashkir and Russian.}
- БТҚД 2008 – Башкорт теленен төньяк-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты / Яуап. мөхәрр. Ф.Г. Хисамитдинова. – Өфө, 2008. {*The Northwest dialect of the Bashkir language. The report concerning the dialectological expedition of 1954.* / Executive editor: F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2008. In Bashkir and Russian.}
- БҺһ—I 1967 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге: (Ике томда). I том: (Көнсығыш диалект) / Ред. Н.Х. Мәксүтова, Н.Х. Ишбулатов. – Өфө, 1967. {*Bashkir dialectological dictionary: (In two volumes). 1st volume: (The Eastern dialect)* / Editors: N.Kh. Maksyutova, N.Kh. Ishbulatov. – Ufa, 1967. In Bashkir and Russian.}
- БҺһ—II 1970 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге: (Ике томда). II том: (Көнъяк диалект) / Ред. Н.Х. Мәксүтова. – Өфө, 1970. {*Bashkir dialectological dictionary: (In two volumes). 2nd volume: (The Southern dialect)* / Editor: N.Kh. Maksyutova. – Ufa, 1970. In Bashkir and Russian.}
- БҺһ—III 1987 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге: өс томда. III том: Көнбайыш диалект. – Өфө, 1987. {*Bashkir dialectological dictionary: in three volumes. The 3rd volume: The Western dialect.* – Ufa, 1987. In Bashkir and Russian.}
- БҺҮ 1988 – Башкорт һөйләштәренен үрнәктәр / Яуаплы мөхәрр. Н.Х.Мәксүтова.: 1-се баһма. – Өфө, 1988. {*Samples from the Bashkir dialects* / Executive editor: N.Kh. Maksyutova: The 1st edition. – Ufa, 1988. In Bashkir and Russian.}
- ДАБЯ 2005 – Диалектологический атлас башкирского языка / Отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2005. 169 карт. {*Dialectological atlas of the Bashkir language.* / Executive editor: F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2005. 169 maps.}
- Дильмухаметов 1980 – *Дильмухаметов М.И.* Говор среднеуральских башкир: Автореф. дисс ... канд.филол.наук. – Уфа, 1980. {*Dil'mukhametov M.I.* The patois of the Middle Ural Bashkirs: Abstract of the PhD Thesis. – Ufa, 1980.}
- Дильмухаметов 2006 – *Дильмухаметов М.И.* Говор среднеуральских башкир. – Уфа, 2006. {*Dil'mukhametov M.I.* The patois of the Middle Ural Bashkirs. – Ufa, 2006.}
- История башкирских родов Т.18 2016 – История башкирских родов. Кошсо, Сызги, Упей. Том 18 / С.И.Хамидуллин, Б.А.Азнабаев и др. – Уфа, 2016. {*History of the Bashkir clans. Koshso, Syzgi, Upey. Volume 18.* / S.I. Khamidullin, B.A. Aznabayev et al. – Ufa, 2016.}
- Ишбулатов 1979 – *Ишбулатов Н.Х.* Башкорт диалектологияһы: Башкорт дәүләт университете һәм педагогия институттары өсөн. – Өфө, 1979. {*Ishbulatov N.Kh.* Bashkir dialectology: For the Bashkir State University and pedagogical institutes. – Ufa, 1979.}
- Ишбулатов 1980 – *Ишбулатов Н.Х.* Башкорт диалектологияһы: Укыу эһбабы. – Өфө, 1980. {*Ishbulatov N.Kh.* Bashkir dialectology: Training manual. – Ufa, 1980. In Bashkir.}
- Ишбулатов 2000 – *Ишбулатов Н.Х.* Башкорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө, 2000. {*Ishbulatov N.Kh.* The Bashkir language and its dialects. – Ufa, 2000. In Bashkir.}
- Киекбаев 1958 – *Киекбаев Ж.Ф.* Башкорт диалекттәре һәм уларҙың тарихенә кыскаса инеш // Филми язмалар. III сығарылыш. Башкорт филологияһы серияһы № 2. – Өфө, 1958. – 37—76-се б. {*Ki-*

- yekbayev Zh.G.* An introduction to the Bashkir dialects and their history in brief. // Scientific works. 3rd edition. Series of the Bashkir philology No. 2. – Ufa, 1958. – P. 37–76. In Bashkir and Russian.}
- Максютова 1976 – *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении).— М., 1976. {*Maksyutova N.Kh.* The Eastern dialect of the Bashkir language (from the comparative and historical points of view.) – М., 1976.}
- Максютова 1980 – *Максютова Н.Х.* Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование): Автореф. дисс. ... д. филол. наук. – Баку, 1980. {*Maksyutova N.Kh.* The origin and the modern state of different patois within the Eastern Bashkir dialect (the comparative research): Abstract of the PhD Thesis. – Baku, 1980.}
- Максютова 1983 – *Максютова Н.Х.* Лингвостатистическое изучение башкирского языка (Диалектологический атлас). 1913 – 1983 гг. (Препринт доклада на заседании Президиума БФ АН СССР). – Уфа, 1983. {*Maksyutova N.Kh.* The linguistic and geographical study of the Bashkir language (The atlas of dialects). 1913–1983. (The preprint of the report at the Bureau meeting of the Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR.) – Ufa, 1983.}
- Максютова 1996 – *Максютова Н.Х.* Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа, 1996. {*Maksyutova N.Kh.* Different Bashkir patois in a foreign-language environment. – Ufa, 1996.}
- Максютова 2006 – *Максютова Н.Х.* Диалекты башкирского языка // Башкирская энциклопедия. Т. 2. В–Ж. – Уфа, 2006. – С. 477. {*Maksyutova N.Kh.* Dialects of the Bashkir language. // The Bashkir Encyclopedia. Volume 2. V–Zh. – Ufa, 2006. P. 477.}
- Миржанова 1963 – *Миржанова С.Ф.* Кубалыкский говор // Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии / БФ АН СССР. ИИЯЛ. – Уфа, 1963. – С. 128 – 190. {*Mirzhanova S.F.* The Kubalyak patois. // Bashkir dialectology. Patois of the south-west of Bashkiria / The Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR. The Institute for History, Linguistics and Literature. – Ufa, 1963. – P. 128–190.}
- Миржанова 1967 – *Миржанова С.Ф.* Кубалыкский говор башкирского языка: Автореф. дисс. ... к. филол. наук / БашГУ. – Уфа, 1967. {*Mirzhanova S.F.* The Kubalyak patois of the Bashkir language: Abstract of the PhD Thesis. / Bashkir State University. – Ufa, 1967.}
- Миржанова 1979 – *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. – М., 1979. {*Mirzhanova S.F.* The Southern dialect of the Bashkir language. – М., 1979.}
- Миржанова 1991 – *Миржанова С.Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 1991. {*Mirzhanova S.F.* The Northwest dialect of the Bashkir language (its origin and modern state). – Ufa, 1991.}
- Мәксүтова 1990 – *Мәксүтова Н.Х.* Башкорт теленәң көнбайыш диалекты // Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР: (Матер. респ. науч.-практ. конф.). – Уфа, 1990. – С. 48—55. {*Maksyutova N.Kh.* The Western dialect of the Bashkir language. // The mother tongue learning difficulties of children in the northwest district of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: (The data of the Republican scientific-practical Conference). – Ufa, 1990. – P. 48–55.}
- Мәксүтова 1995 – *Мәксүтова Н.Х.* Башкорт теленәң көнбайыш диалекты // Теле барзың – иле бар / Төз. З. Ханова. – Өфө, 1995. – 13—23-сө б. {*Maksyutova N.Kh.* The Western dialect of the Bashkir language. // If there's a language – there's a land. / Author: Z. Khanova. – Ufa, 1995. – P. 13–23.}
- Надергулов 1996 – *Надергулов У.Ф.* Иргизо-камеликские башкиры (лингвистическое исследование). – Уфа, 1996. {*Nadergulov U.F.* The Irgiz-Kamelik Bashkirs (a linguistic research). – Ufa, 1996.}
- Псянчин 2008 – *Псянчин Ю.В.* Список основных научных трудов Н.Х. Максютовой // Труды ИИ-ЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р.А. Сулейманова. Вып. II. – Уфа, 2008. – С. 116—124. {*Psyanchin Yu.V.* The list of the main scientific works of N.Kh. Maksyutova. // The works of the Institute on History, Linguistics and Literature of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences / Author: R.A. Suleymanova. 2nd Edition. – Ufa, 2008. – P. 116–124.}
- Псянчин, Султанова 2015 – *Псянчин Ю.В., Султанова Г.И.* С.Ф. Миржанова – востоковед-новатор (о достижениях ученого в области отечественного кыпчаковедения) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посв. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда А.-З. Валиди Тогана. Кн. 2. – Уфа, 2015. – С. 190—193. {*Psyanchin Yu.V., Sultanova G.I.* S.F. Mirzhanova – orientalist-innovator (on the achievements of the scientist in the field of our country's Kypchak studies.) // Russia and the Orient: the

- interaction of countries and peoples: The works of the 10th All-Russian Congress of orientalists, devoted to the 125th anniversary of A.-Z. Validi, the prominent orientalist. Book 2. – Ufa, 2015. – P. 190–193.}
- Псянчин 2015 – *Псянчин Ю.В.* Хисамитдинова Ф.Г. — видный российский и башкирский диалектолог-новатор (к 65-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы диалектологии народов России: Матер. XV Всеросс. науч. конф., провод. в рамках IV Всемирного Курултая башкир и повс. юбилею д. филол. н., проф. Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). – Уфа, 2015. – С. 212 – 218. {*Psyanchin Yu.V.* Khisamitdinova F.G. – an outstanding Russian and Bashkir dialectologist-innovator (devoted to the 65th anniversary) // Actual questions of dialectology within the peoples of Russia: Data of the 15th All-Russian Scientific Conference during the World Bashkir Kurultay and devoted to the anniversary of Doctor of Philology, Professor F.G. Khisamitdinova. (Ufa, 20th November 2015). – Ufa, 2015. – P. 212–218.}
- Псянчин 2016 – *Псянчин Ю.В.* К вопросу о так называемом «родо-племенном» принципе описания говоров и диалектов (на примере башкирского языка) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: матер. IV Межд. научн.—практ. конф. (Абакан, Республика Хакасия, 19—20 мая 2016 г.). – Абакан, 2016. – С. 219—226. {*Psyanchin Yu.V.* On the so-called “descent-tribal” principle of description of patois and dialects (through an example of the Bashkir language). // Conserving and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: the data of the 4th International scientific-practical Conference. (Abakan, the Republic of Khakassia, 19–20 May 2016.) – Abakan, 2016. – P. 219–226.}
- Суфьянова 2008 – *Суфьянова Н.Ф.* Максютова Нажиба Хаерзамановна // Башкирская энциклопедия. Т. 4. Л—О. – Уфа, 2008. – С. 96. {*Sufyanova N.F.* MAKSYUTOVA Nazhiba Khaerzamanovna // The Bashkir Encyclopedia. Volume 4. L–O. – Ufa, 2008. – P. 96.}
- Трошина 1988 – *Трошина Н.Н.* 88.05.046. Словарь башкирских говоров: В трех томах: Т. Западный диалект // Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. Сер. 6. Языкознание / АН СССР. ИНИОН. – 1988. – № 5. – С. 177—180. {*Troshina N.N.* 88.05.046. The dictionary of Bashkir patois: In three volumes: Volume on the Western dialect. // Refereed academic journal. Social sciences in the USSR. Series No. 6. Linguistics. / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). – 1988. – No. 5. – P. 177–180.}
- Трошина 1989 – *Трошина Н.Н.* 89.04.059. Образцы башкирской разговорной речи // Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. Сер. 6. Языкознание / АН СССР. ИНИОН. – 1989. – № 4. – С. 173—174. {*Troshina N.N.* 89.04.059. The samples of the Bashkir colloquial language. // Refereed academic journal. Social sciences in the USSR. Series No. 6. Linguistics. / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). – 1989. – No. 4. – P. 173–174.}
- Хисамитдинова 1980 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении: Автореф. дис. ...канд. филол. наук (10.02.06) / АН СССР. Институт языкознания. – М., 1980. {*Khisamitdinova F.G.* The consonant clusters of the Bashkir language of the “sonorant+voiceless occlusive” from the historical point of view: Abstract of the PhD Thesis (10.02.06) / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. – М., 1980.}
- Хисамитдинова 1980 – *Хисамитдинова Ф.Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике: Монография / БашГПИ. – Уфа, 1989. {*Khisamitdinova F.G.* History of the Bashkir language: The data on the historical phonology: A monograph. / Bashkir State Pedagogical Institute (BashGPI). – Ufa, 1989.}
- Шайхисламова 2017 – *Шайхисламова З.Ф.* О вкладе Н.Х.Максютовой в тюркскую диалектологию // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XVII Всеросс. научн. конф. (г. Уфа, 1—2 июня 2017 г.). – Уфа, 2017. – С. 305—308. {*Shaykhislamova Z.F.* On the contribution of N.Kh. Maksyutova to the Turkic dialectology. // The actual questions on dialectology of languages of the peoples of Russia: Data of the 17th All-Russian scientific Conference. (Ufa, 1–2 June 2017.) – Ufa, 2017. – P. 305–308.}
- Шакур 1990 – *Шакур Р.* О судьбе западных и северо-западных башкир в связи с проблемой этноязыковой консолидации башкирской нации // Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР (Матер. респ. научн.—практ. конф.). – Уфа, 1990. – С. 5—13. {*Shakur R.* On the fortune of northwest Bashkirs within the question of the ethnolinguistic consolidation of the Bashkir nation // The mother tongue learning difficulties of children in the

- northwest district of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: (The data of the Republican scientific-practical Conference). – Ufa, 1990. – P. 5–13.}
- Шакур 2012 – *Шәкүр Р.* Башкорт диалектологияһы: укыу кулланмаһы. – Өфө, 2012. {*Shakur R.* The Bashkir dialectology: a tutorial handbook. – Ufa, 2012. In Bashkir.}
- Юдакин 2001 – *Юдакин А.П.* Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание. – М., 2001. {*Yudakin A.P.* The Ural-Altai (Turkic and Mongolian) linguistics. – М., 2001.}
- Юлдашев 1959 – *Юлдашев А.А.* К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР//Башкирский диалектологический сборник: Сб. ст. / Под ред. Т.М. Гарипова. – Уфа, 1959. – С. 213 – 221. {*Yuldashev A.A.* To the research of the Bashkir patois of Tuymazinsky district of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. // Bashkir dialectological compendium: A compendium of articles. / Edited by T.M. Garipova. – Ufa, 1959. – P. 213–221.}
- Юлдашев 1966 – *Юлдашев А.А.* Башкирский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки / Отв. ред. Н.А. Баскаков. – М., 1966. – С. 126 – 194. {*Yuldashev A.A.* The Bashkir language. // The languages of peoples of the USSR. Volume 2. The Turkic languages. / Executive editor: N.A. Baskakov. – М., 1966. – P. 126–194.}
- Юлдашев 1968 – *Юлдашев А.А.* Северо-западный диалект башкирского языка и его отношение к литературному языку // Вопросы диалектологии тюркских языков: Матер. IV Регион. совещания по диалектологии тюрк. яз., состоявшегося 27—30 мая 1963 г. в г. Фрунзе / Отв. ред. Б.М. Юнусалиев. – Фрунзе, 1968. – С. 67—71. {*Yuldashev A.A.* The Northwest dialect of the Bashkir language and its relation to the literary language. // The questions on the dialectology of the Turkic languages: Data of the 4th Regional conference on dialectology of the Turkic languages, taking place in Frunze, 27–30 May, 1960. / Executive editor: B.M. Yunusaliev. – Frunze, 1968. – P. 67–71.}
- Юлдашев 2010 – *Юлдашев А.А.* Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков: очерки. – М., 2010. – С. 121 – 156. {*Yuldashev A.A.* The dialects of the Bashkir language: the essays. – М., 2010. – P.121–156.}
- Янғужин 1998 – *Янғужин Р.З.* Башкорт ырыулары. Кыскаса тарихи-этнографик очерктар. – Өфө, 1998. {*Yang(h)uzhin R.Z.* The Bashkir clans. Historical and ethnographical essays in brief. – Ufa, 1998. In Bashkir.}

The role of N.Kh. Maksyutova in studying the Western Dialect of the Bashkir language

Yulay Psyanchin

Ufa

Summary: The article is devoted to the role of N.Kh. Maksyutova (1932 —2004) in studying the western dialect of the Bashkir language. The fact of functioning of the western dialect, the third main dialect of Bashkir, has not been officially recognized for years due to a number of reasons. N. Kh. Maksyutova along with another Bashkir linguist dialectologist S.Ph. Mirzhanova (1924—2000) managed to prove the existence of this dialect, define the limits of its spreading and distinguish six manners of speech in the bulk of it. N.Kh. Maksyutova achieved it due to organizing multiyear expeditions and preparing of the third volume of the “Dictionary of Bashkir Manners of Speech”, devoted to the western dialect of the Bashkir language.

Key words: the Bashkir language, dialect, the western dialect of the Bashkir language, manners of speech, classifications of manners of speech, linguogeography.

Сведения об авторе

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России (РФ, Республика Башкортостан, г.Уфа); e-mail: yulayps@yandex.ru

СИСТЕМА НУМЕРАТИВОВ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Н. Майзина

г. Горно-Алтайск

Резюме: Статья посвящена исследованию системы счетных слов в алтайском языке. В работе рассматриваются модели алтайских нумеративов, способы их образования, а также их морфологические и семантико-синтаксические особенности.

Ключевые слова: алтайский язык, грамматика, морфология, счетные слова, имена числительные, имена существительные, народные меры

1. Введение

Целью настоящей статьи является описание системы нумеративов, или счетных слов, в современном алтайском языке. В алтайском языкознании данный пласт лексики является недостаточно изученным, чем определяется актуальность и новизна предлагаемого исследования.

В тюркских языках изучению нумеративов посвящено не так много работ. Среди них можно выделить исследования Р. Хэлилова, А. Элизада [1957: 34–38], С.А. Низаметдиновой [1958: 33–39], А.Г. Мухаммадиева [1969]. Счетные слова в языках других систем описывались, например, в работах Л.И. Кочетковой [1999], Ю.А. Ландера [2001: 151–158], В.Ф. Выдрина [2015].

В рамках данного исследования большое внимание уделяется описанию алтайских народных мер, входящих в систему счетных слов. Поэтому в ходе работы над статьей нами были использованы работы Н.В. Устюгова [1965], Л.А. Молчановой [1973], Г.Я. Романовой [1975], Е.И. Каменцевой, Н.В. Устюгова [1975] по изучению метрологических терминов в русском языке. Особый интерес представили также работы А.В. Дыбо, посвященные описанию названий пальцев рук в тюркских и алтайских языках [Дыбо 1984: 87–97, 1995: 38–53].

Материалы исследования были частично опубликованы нами в коллективной монографии «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» [Майзина 2017: 174–176]. В данной работе предлагается более развернутое описание счетных слов в алтайском языке.

2. Общая характеристика нумеративов в алтайском языке

Нумеративы, или *счетные слова* – слова, поясняющие существительные при счете. К нумеративам относятся слова, обозначающие счетную группу, к которой принадлежит конкретный исчисляемый предмет. Они вставляются между числительным и названием исчисляемого предмета, функционируя, как правило, по

следующей модели: количественное числительное – нумератив – существительное. В результате получается трехчленная именная конструкция: *бир тилим калаш* ‘один ломтик хлеба’, *эки ууш арба* ‘две горсти ячменя’, *бир уурт суу* ‘один глоток воды’ и т.д. Данная модель является базовой и единой во всех тюркских языках и может быть возведена к праязыковому состоянию [Гаджиева 1973: 65].

Нумеративы в алтайском языке находятся с исчисляемым именем в атрибутивном отношении, т.е. выступают в качестве определения к исчисляемому предмету. Отметим, что в некоторых языках мира (например, в финском и русском) нумератив может выступать в качестве вершины именной группы, а в некоторых других языках (например, в индонезийском) нумеративы могут быть как вершинами именной группы, так и определениями. Об этом подробнее см. [Ландер 2001: 151].

Счетные слова ввиду того, что они сопровождают имена существительные, функционально приближаются к классу служебных слов или к так называемым классификаторам, которые «не имеют собственной лексической семантики и выполняют чисто грамматическую функцию» [Плунгян 2000: 159]. Но, в отличие от последних, нумеративы имеют свое собственное лексическое значение и являются самостоятельными словами, т.е. именами существительными.

2.1. Морфологические признаки нумеративов в алтайском языке

В алтайском языке нумеративы, будучи в синтаксической функции определения в составе изафетной конструкции 1-го типа, не изменяются, т.е. не принимают словоизменительных аффиксов. Форманты множественного числа, принадлежности и падежа обычно принимают следующие за ними существительные:

- (1) *Андрюш койнынан бир тутам чаазын=дар чыгарып келеле, Бырчыкка откөнип, потолок јаар көрүп ийеле, тумчугыла кыгылай берди* (ЛК, ЧЧ, 250) ‘Андрюш, выгачив из-за пазухи кипу бумага, подражая Бырчыку, посмотрев в потолок, начал петь в нос’.
- (2) *Алтын-Сүме баатыр алты карыш үлдү=зи=н айга-күнге жангып ийерде, алтан карышка узады, алмас ошкош курчыды* (ИСШ, М, 72) ‘Когда богатырь Алтын-Сүме взмахнул своим мечом в шесть пядей перед луной и солнцем, стал [он] длиннее на шестьдесят пядей, стал острым как алмаз’¹.

Те или иные падежные аффиксы нумеративы принимают лишь в тех случаях, когда из состава трехчленной нумеративной конструкции опускается имя существительное, обозначающее исчисляемые предметы:

- (3) *Бир сөм=нөн, кажсы бир өлү=ден жылып, блиндажка жууктап алдыс* (АА, ÖЧК, 16) ‘Подползая по одной четвертинке, по одному вершку, приблизились к блиндажу’.

В примере (3) трехчленную нумеративную конструкцию можно легко восстановить, но в этом случае аффикс исходного падежа =ден будут принимать

¹ Здесь показатель принадлежности 3 л. при вершинном существительном не указывает на изафет 2-го типа, сохраняя исходное значение анафорического указателя «его».

последующие за нумеративами существительные. Ср.: *Бир сөм жер=ден, кажы бир өлү жер=ден жылып, блиндажка жууктап алдыс* ‘Подползая по расстоянию, равному одной четвертинке, одному вершку, приблизились к блиндажу’.

2.2. Типы нумеративных конструкций в алтайском языке

2.2.1. Материалы алтайского языка показывают, что в составе нумеративных моделей кроме количественных числительных могут использоваться числительные других лексико-грамматических разрядов, например приблизительное числительное (3) или дробное числительное (4).

- (4) *Кажы ла биле эки-үч айгыр малду, он-жирме саар уйлу, жүс кире койлу* (ЖК, ЫҮС, 121) ‘У каждой семьи по два-три табуна лошадей, десять-двадцать дойных коров, около ста овец’;
- (5) *Төртөн градустан бийик сооктор, бүдүн жарым аршын кар* (АА, ЈӨО, 186) ‘Морозы свыше сорока градусов, снег в полтора аршина’.

2.2.2. В алтайском языке нумеративные конструкции зачастую могут встречаться без числительного, когда речь идет о единичном предмете:

- (6) *Бир катап байрам алдында өбөөн тилим жуу ла калаш таап, балдарын азырады* (ЭЧ, 384) ‘Однажды перед праздником мужчина, добыв кусочек сала и хлеб, накормил своих детей’.

Из контекста ясно, что в примере (6) в составе нумеративной конструкции опущено числительное *бир* ‘один’. Но данная конструкция может быть легко восстановлена. Ср.: *Бир катап байрам алдында өбөөн бир тилим жуу ла калаш таап, балдарын азырады* ‘Однажды перед праздником мужчина, добыв один кусочек сала и хлеб, накормил своих детей’.

2.2.3. В алтайском языке относительно редко встречаются нумеративные модели, где в составе счетной группы имеется два нумератива:

- (7) *Кабырганын үсти бир өлү кадар жуулу болгон* (ЧЧ, М, 37) ‘Поверхность ребра была покрыта слоем сала в один вершок’.

2.2.4. В алтайском языке достаточно часто встречаются нумеративные конструкции, где вершинное слово по отношению к нумеративу занимает препозицию. Данные конструкции образованы по следующей модели: существительное – числительное – нумератив. При этом имя существительное, как правило, принимает аффикс принадлежности 3 л. =*Ы(зЫ)* и аффикс притяжательного падежа =*нЫн*, а нумератив, в свою очередь, принимает аффикс принадлежности 3 л. =*Ы(зЫ)*. Ср.:

- (8) *Узун=ы тен беш карыш боло берер* (ЖК, ОЈ, 165) ‘Длина его может достигнуть аж до пяти пядей’.
- (9) *Чалгы=нын мизи=нин арткан=ы бир ле өлү...* (ЖК, ОЈ, 220) ‘Остаток острия косы всего лишь один вершок...’;
- (10) *Бу ла тушта өбөөн эт-жүрегинин, мее=зи=нин бир ле чакырым=ы=ла Лајын туку качан божогон, бу ол эмес деп билип ийди* (НБ, Ј, 146) ‘В это самое время мужчина нутром (букв. мясом-сердцем), лишь (одной) частичкой мозга понял, что Ладьын давным-давно умер, что это не он’.

Как видим, в примерах (6), (10) нумеративные конструкции представляют собой изафетные конструкции 3-го типа.

2.2.5. В алтайском языке встречаются нумеративные конструкции, образованные по модели: местоимение – числительное – нумератив. Ср.:

(11) *Бойы бир тутам, табыжы бир талай* (Загадка) ‘Сам с одну горсть, а шум как у моря’.

2.2.6. В алтайском языке члены счетной конструкции могут располагаться дистантно, между ними могут вставляться другие части речи, которые вносят дополнительные смысловые оттенки в семантику всей конструкции: прилагательные, причастия, частицы и послелоги.

2.2.6.1. Имена прилагательные, «вклиненные» между членами нумеративной конструкции, выступают в роли определения как нумеративов (12), так и квантифицируемых предметов (13), характеризуя при этом их форму, размер, цвет и другие качества:

(12) *Бир айакта гречиха-каша, бир жаан тилим калаиш, бир кружка сүт чыгарып берди* (АА, ЈОО, 680) ‘Она вынесла в одной чаше гречневую кашу, один большой кусок хлеба, одну кружку молока’;

(13) *Өрөкөн бир тизим апагаиш жыламаиштар, эки кызыл куйка, бир алтын акча эжелген* (АА, ЈОО, 480) ‘Старик принес одну низанку беленьких раковин каури, две красные пуговицы, одну золотую монету’.

2.2.6.2. Причастия, вставленные между членами нумеративной конструкции, выступают в качестве определения нумеративов и исчисляемых предметов (14), но встречаются также случаи, когда в качестве определения используются причастные обороты, поясняющие всю нумеративную конструкцию (15):

(14) *Тарык бир болчок бышкан этти койнынан чыгарып, Күлтеге берди...* (ИШ, КЈ, 21) ‘Тарык, достав из-за пазухи один кусочек сваренного мяса, отдал Кюлте...’;

(15) *Олордын мени апарган журме алтам јери меге беристедий бодолгон* (ЈК, ОЈ, 83) ‘Расстояние в двадцать шагов, по которому они повели меня, показалось для меня целой верстой’.

Кроме того, между членами нумеративной конструкции в качестве определенных исчисляемых предметов могут вставляться причастные формы глагола *бол* = ‘быть, являться’ и *тур* = ‘стоять’ – *болор* и *турар* со значением ‘равный’, *болгодый* и *тургадый* со значением ‘равное около, примерно, приблизительно’. С последними причастными формами сочетаются нумеративы в форме датива.

(16) *Энем бир тутам болор танкыны берип јадала: «Калак, бойым ла таптым де, анан башка...»* (КТ, КЈ, 204) ‘Мама моя, отдавая табак, равный одной горсти [сказала]: «Смотри, скажи, что сам нашел, иначе...»’;

(17) *Эки-үч беристе болгодый јер өдөр* ‘Пройти расстояние, равное примерно две-три версты’;

(18) *Беи-алты килограмма тургадый алама јууп алар* ‘Собрать количество яблок, равное примерно пяти-шести килограммам’.

2.2.6.3. Между членами счетной конструкции могут вставляться различные частицы, например, *ла* (*ла, ле, ло, лѳ*) ‘лишь, только’, *да* (*да, де, то, тѳ*) ‘ни’:

- (19) *Байла, озо ло баштап кижги бир ле болчок јурен јерге чачын, ѳскјурген* (ЭӖАП, 283) ‘Наверное, сначала человек, посеяв одно лишь семя в землю, вырастил (его)’;
- (20) *Бир де тудам ѳлѳн [адына] амзатпас ине* (БУ, ТТБА, 188) ‘Ведь ни одного пучка травы [лошади своей] не даст попробовать’.

Как видно из приведенных выше примеров, ограничительная частица *ле* ‘лишь, только’ в предложении (19) подчеркивает единичность исчисляемого предмета, а отрицательная частица *де* ‘ни’ в предложении (20) служит для выражения отрицания наряду с глаголом в отрицательной форме *амзатпас* ‘не даст попробовать’.

2.2.6.4. В алтайском языке в составе нумеративной конструкции довольно часто встречаются послелогои *кире* (*кирези, кирелј, киреде*), *јуук, шыдар, шыку* с значением ‘около, примерно, приблизительно’, которые служат для выражения семантики приблизительности исчисляемого предмета. С послелогом *кире* (*кирези, кирелј, киреде*) нумеративы и существительные сочетаются в форме номинатива, а с последними тремя послелогоми – в форме датива:

- (21) *Болчокмон аттарын токтодын ийеле, бир ууш кире тобракты алаканына салала, оны тынду немеге бодоп, чын ла јар-јаак эрмектежет* (КТ, КЈ, 217) ‘Болчокмон, остановив лошадей, зачерпнув в ладонь примерно с горсть земли, будто приняв ее за живое, и вправду оживленно разговаривает с ней’;
- (22) *Јјс километрге јуук јерди ѳдѳргѳ кјч ле болор* (ЛК, МЈ, 18) ‘Пройти расстояние приблизительно сто километров тяжело же будет’;
- (23) *Бийиги бјдјн јарым метрге шыку уур ташты кем апаратан?* (ЭЭ, 155) ‘Кто понесет тяжелый камень высотой около полутора метров?’

2.2.6.5. Между членами нумеративных конструкций могут вставляться также послелог *ажыра* ‘свыше’ и наречия *ас* ‘меньше’, *кѳн* ‘больше’, причем нумеративы и существительные сочетаются с ними в форме аблатива:

- (24) *Эмди де алтан километрден ажыра јер ѳдѳр керек...* (ЛК, МЈ, 18) ‘И теперь нужно пройти расстояние свыше шестидесяти километров’;
- (25) *Бир айактан кѳн чай ичер* ‘Пить чай больше одной чашки’.

2.3. Словообразование нумеративов в алтайском языке

По морфологической структуре счетные слова в алтайском языке представляют собой производные и непроизводные основы. К непроизводным основам относятся счетные слова *болчок* ‘1) штука, экземпляр; 2) кусочек; 3) персона’, *уурт* ‘глоток’, *ууш* ‘горсть, пригоршня’, *тын* ‘1) голова; 2) персона’, *уйа* ‘1) гнездо; 2) род, семейство’ и др.

Большая часть производных нумеративов представлена отглагольными существительными, образованными при помощи следующих аффиксов:

1) аффикса $=\langle BI \rangle_m$ и его алломорфов ($=_m$, $=_{ym}$, $=_{am}$, $=_{um}$, $=_{\dot{y}m}$); при помощи алломорфа $=_m$ нумеративы образуются от основ, оканчивающихся на гласный звук: *алта* $=_m$ ‘шаг’ (от *алта*= ‘шагать’), *жала* $=_m$ ‘количество пищи, равное одному лизанию’ (от *жала*= ‘лизать’), *оро* $=_m$ ‘обертка, рулон’ (от *оро*= ‘заворачивать, обматывать, обвязывать, опутывать’), *саа* $=_m$ ‘удой’ (от *саа*= ‘доить’), *тиште* $=_m$ ‘откус, кусочек’ (от *тиште*= ‘кусать, откусывать’), *чайна* $=_m$ ‘кусочек, жевоч (количество пищи, достаточное для разжевывания в один прием)’ (от *чайна*= ‘жевать’), *чымчы* $=_m$ ‘щепотка’ (от *чымчы*= ‘щипать’); при помощи алломорфа $=_{ym}$ счетные слова образуются от основ с неогубленными гласными заднего ряда: *аз* $=_{ym}$ ‘щепотка; количество чего-л., равное одному приему или одной варке’ (от *ас*= ‘варить, кипятить’), *ад* $=_{ym}$ ‘выстрел’ (от *ат*= ‘стрелять’), *кайнад* $=_{ym}$ ‘количество чего-л., равное одной варке’ (от *кайнат*= ‘варить, кипятить’); при помощи алломорфа $=_{im}$ нумеративы образуются от основ с неогубленными гласными переднего ряда «е» или «и»: *кез* $=_{im}$ ‘отрезок, кусочек’ (от *кес*= ‘резать, отрезать, рубить’), *тиз* $=_{im}$ ‘вереница, ряд, череда’ (от *тис*= ‘нанизывать’), *тил* $=_{im}$ ‘кусочек, ломтик’ (от *тил*= ‘отдирать, раздирать на мелкие части’); при помощи алломорфов $=_{um}$ и $=_{\dot{y}m}$ счетные слова образуются от основ с огубленными гласными заднего ряда «у» или «ү»: *јуд* $=_{um}$ ‘глоток’ (от *јут*= ‘глотать’), *түр* $=_{\dot{y}m}$ ‘рулон’ (от *түр*= ‘заворачивать’); при помощи алломорфа $=_{am}$ образовано счетное слово *туд* $=_{am}$ ‘1) горсть; 2) пучок; 3) пачка, кипа’ (от *тут*= ‘держат’);

2) аффикса $=_k$: *бөлүк* ‘часть, группа, партия’ (от *бөли*= ‘делить, отделять’), *толгок* ‘свитое, скрученное сено ($1/10$ копны)’ (от *толго*= ‘вить, свивать, скручивать’);

3) аффикса $=_{Гак}$ ($=_{гак}$, $=_{гек}$): *түр* $=_{гек}$ ‘1) моток, клубок, катушка; 2) рулон’ (от *түр*= ‘заворачивать, свивать’);

4) аффикса $=_U$ ($=_у$, $=_{\dot{y}}$): *тиз* $=_{\dot{y}}$ ‘вереница, ряд, череда’ (от *тис*= ‘нанизывать’).

От именных основ при помощи словообразовательного аффикса $=_{лЫк}$ ($=_{лык}$, $=_{дык}$, $=_{дик}$) образованы следующие счетные слова: *ай* $=_{лык}$ ‘месяц’ (от *ай* ‘месяц’), *јыл* $=_{дык}$ ‘год’ (от *јыл* ‘год’), *күн* $=_{дик}$ ‘день’ (от *күн* ‘день’), *кыйгы* $=_{лык}$ ‘крик’ (от *кыйгы* ‘крик’);

Некоторые нумеративы представляют собой композитные слова, образованные аналитическим способом словообразования: *чай азым* ‘время, равное варке чая’, *чай кайнадым* ‘время, равное варке чая’, *танкы тартым* ‘время, равное курению трубки табака’, *күндик јер* ‘расстояние, равное однодневному пути’ и др. При помощи данных нумеративов образуются нумеративные конструкции типа: *бир чай азым ой* ‘время, равное одной варке чая’, *эки чай кайнадым ой* ‘время, равное двум варкам чая’, *эки танкы тартым ой* ‘время, равное курению двух трубок табака’, *эки күндик јер ой* ‘расстояние, равное двухдневному пути’.

3. Семантическая классификация нумеративов в алтайском языке

В алтайском языке счетные слова образуют стройную организованную систему. Их главным семантико-синтаксическим свойством является то, что они могут сочетаться только с ограниченным кругом существительных. В зависимости от сферы употребления в алтайском языке выделяются тематические группы счетных слов, используемых при исчислении живых существ (людей, животных, птиц), штучных предметов или совокупности предметов и т.д.

3.1. Нумеративы, используемые при счете предметов и живых существ

Рассматриваемая группа счетных слов, в свою очередь, подразделяется на две подгруппы: 1) нумеративы, используемые при счете штучных предметов и живых существ; 2) нумеративы, используемые при счете групп предметов и живых существ.

3.1.1. Нумеративы, используемые при счете штучных предметов и живых существ

Данная подгруппа представлена универсальным счетным словом *болчок* ‘1) штука, экземпляр; 2) кусочек; 3) персона’, указывающим на штучность или единичность предметов, людей, животных, растений, продуктов питания и т. д. В этой связи слово *болчок* употребляется с весьма широким кругом слов: существительными, обозначающими штучные предметы (26), (27); существительными, обозначающими живые существа (28). Ср.:

- (26) *Күнине жүйтеним бир тилим калаш, үч болчок картошко* (ЖК, ОЈ, 67) ‘Мое питание за день – один кусочек хлеба, три штуки картошки’;
- (27) *А Онкоктогы бир болчок чадыр барын, айса болзо, жангыс ла Алдырбас билер болор бо?* (КТ, КЈ, 93) ‘А про единственный аил (букв. про одну штуку аила) в Онкоке, может быть, знал только Алдырбас?’;
- (28) *Кандый да болзо, бир болчок уйы бар, эки-жангыс койы бар, потпойлыда картошкозы-эжи бар* (КТ, КЈ, 186) ‘Как бы то ни было, есть одна корова, одна-две овцы, в подполье есть картошка и прочее’.

Примечание. Нумератив *болчок* ‘1) штука, экземпляр; 2) кусочек; 3) персона’ используется только при исчислении малого количества предметов (или живых существ). Так, в алтайском языке стилистически неправильным будет сочетание слов типа **беш мун болчок кижии* ‘пять тысяч (персон) человек’.

3.1.2. Нумеративы, используемые при счете групп предметов и живых существ

В рассматриваемой подгруппе с самым широким кругом слов употребляется собирательное слово *бөллүк* ‘часть, группа, партия’. Данный нумератив указывает как на совокупность однородных предметов (29), так и на совокупность живых существ (30). Ср.:

- (29) *Онон база бир бөллүк эт салып, кыстардын алдына тургусты* (БУ, СӨ, 212) ‘Затем, положив еще одну партию мяса, поставил перед девушками’;
- (30) *Бис, бир бөллүк улус, төрт этаж куру турага кирдибис* (ЭП, А, 89) ‘Мы, одна группа людей, зашли в пустой четырехэтажный дом’.

К числу нумеративов, используемых при исчислении групп предметов или людей, относится слово *өрөкө* ‘двор (со всеми домочадцами, хозяйством)’, представляющее собой историзм. Известно, что в старину алтайцы жили обособленно друг от друга, отдельными дворами, куда входило несколько близкородственных семей с общим хозяйством.

- (31) *Анда тонокчылар Кайсын сууны јакалай журтаган беш өрөкө айылдын* улузын бала-барказыла, мал-ажыла катай айдап эжелген эмтир (ИШ, КЈ, 13) ‘Там грабители, оказывается, пригнали живших вдоль реки Кайсын людей из пяти дворов со всеми детьми, с домашним скотом’.

При счете парных предметов и живых существ в алтайском языке употребляются счетное слово *эжер* ‘пара’, реже – *кош* ‘пара’:

- (32) *Тана бойы да эки-үч эжер чулук түүйле*, колхозтын складына јетирген (ӨТ, 13) ‘Тана и сама, связав две-три пары чулок, доставила их в колхозный склад’;
- (33) *Бойлорыла кожо алтын-мөңүн коштойтон абраларга јегилген эки эжер чар* эжелгендер (АЧ, I, 270) ‘Вместе с собой (они) привели две пары волов, запряженных в телеги для погрузки золота и серебра’;
- (34) *А оны айдып берген учун, меге база бир кош ууш кандык казып береринг* (БУ, СӨ, 80) ‘А за то, что я рассказал тебе об этом, выкопаешь мне еще одну пригоршню (букв. одну пару горсти) кандыка’.

Для обозначения мелких предметов в алтайском языке употребляется счетное слово *чарак* ‘частичка’². Данный нумератив используется, например, при обозначении количества волос (33), капель воды, слез (34).

- (35) *Онойдо ак-боро сананала, јангыс чарак кыл болуп, тенгери түбине чыга берди* (АБ, II, 50) ‘Подумав так, светло-серый конь, превратившись в одну волосинку, поднялся в небесную высь’;
- (36) *...Эки кичинегеш көзинег бир чарак јаш тамыспаган бу баатыр <...> ачурканганын мен бойым көргөм* (БУ, СӨ, 127) ‘...Я сам видел, как этот удалец, не проронивший из двух своих маленьких глаз ни одной слезинки (букв. «частички слезы») <...>, досадовал.’

Для обозначения связки каких-либо предметов, сложенных один на другой, в алтайском языке используются однокоренные слова *тизим* и *тизү* с одинаковым значением ‘1) связка, низанка; пучок; 2) серия, вереница, ряд, череда’, образованные от глагольной основы *тис*= ‘нанизывать’.

- (37) *Бир тизим турналар та кайдаг да јангылап барааткан* (АА, ЈӨО, 209) ‘Одна стая журавлей откуда-то возвращалась домой’;
- (38) *Өткөн јайда мен беш тизү курут кургадып алгам, төрт койдын кардында, бир мөһндө, бир куукта аарчылу сарју болгон* (ЭП, А, 142) ‘Прошлым летом я высушила пять связок курута, топленое масло с аарчы было в надутых чептырех овечьих кишках, в одной слепой кишке, в кууке³’.

² В алтайском языке *чарак* как самостоятельное слово выступает в следующих значениях: 1) зерно (*жаренное*); отруби; 2) крупа (*снежная, ледяная*).

³ *Курут* – сушеный особым способом сыр; *аарчы* – сушеный творог, приготовленный из кисломолочного продукта чегеня; *мөһн* – сушеная слепая кишка домашних животных, используемая для хранения продуктов; *куук* – сушеный мочевого пузыря домашних животных, используемый в качестве вместилища для хранения топленого масла и других продуктов.

Кроме того, счетные слова *тизим* и *тизү* могут обозначать ряд, серию, череду стихотворений, песен, поэм и т.д., относящихся к одной теме. Например, *бир тизим үлгерлер* ‘(один) ряд стихов’.

При обозначении кучи, скопления однородных предметов в алтайском языке используется счетное слово *чогым* ‘куча, ворох; груды’.

- (39) *Алты күннинг бажында ол жерден бир чогым алтын казып алды* (ЖС, 268) ‘Через шесть дней он выкопал из земли груды золота’;
- (40) *Онызы айлынын бозогозында терлеген-бурлаган отуры, алдында – бир чогым салам өдүктөр* (АЧ, I, 12) ‘Этот сидит, вспотевший, у порога своего дома, перед ним – (одна) куча соломенной обуви’.

3.2. Нумеративы, используемые при счете животных и птиц

Особый набор слов в алтайском языке используется при счете домашнего скота: коров, лошадей, овец, коз и т.д. Самым универсальным среди них является собирательное слово *йүүр*, которое воспринимается прежде всего как счетное слово для животных (41) и птиц (42), но оно может также указывать на группу людей (43), на ряд, вереницу чего-либо, например, стихов (44). Ср.:

- (41) *Сугат jaar кылчас этсе, чыт ла эткен четтерден бир үүүр мал чыга конды* (ЭОАП, 424) ‘Когда (он) бросил взгляд в сторону водопоя, из-за густых порослей лиственниц выскочил (один) табун лошадей’;
- (42) *Бу өйдө үстиле бир үүүр боро кучыйак учуп бараатты* (ЖС, 263) ‘В это время сверху летела (одна) стая серых птиц’;
- (43) «Горно-Алтайсктын ангчылары бис» *дежип, ал камык ийттер ээчиткен бир үүүр улустар өткөн эди ле* (ЭТ, СТ, 4) ‘Говоря: «Мы охотники из Горно-Алтайска», прошла (одна) группа людей с множеством собак’;
- (44) *Лаантайын ла энем керегинде сананып ла онын жогына кородоп, энеме керес эдип, сүүштин ле эрикчелдин бир үүүр үлгерлерин бичигем* (БУ, СӨ, 182) ‘Постоянно думая о матери и горюя без нее, в память о матери (я) написал ряд стихотворений о любви и печали’.

Счетное слово *тын* в значении ‘голова’⁴ употребляется при счете живых существ, в частности животных (45), а в значении ‘персона’ иногда используется при счете людей (46).

- (45) *Озогы тушта кажы ла өрөкө төрт-беш тын малду болгон болзо, эмди кажы ла өрөкөгө он эки малдан келижип жат* (ЧЧ, БТ, 63) ‘Если в старину в каждом дворе было по четыре-пять голов скота, то сейчас каждому двору приходится по двенадцать голов скота’;
- (46) «Бат, Калтарлар той эртен-сонзыннан ла болор дешикелеп турарда, бис эненге экү бир күн эрмектежеле, качып ийгенис. А бисте тура калар неме бар эмес, эки тын улус» – *дейле, адазы Кылыкты ойтто ло кучылайт* (ШШ, Э, 46) ‘«Вот, когда Калтары говорили, что свадьба состоится уже зав-

⁴ В алтайском языке *тын* как самостоятельное слово выступает в значениях ‘1) дыхание; 2) душа’.

тра-послезавтра, мы с твоей мамой вдвоем, договорившись, убежали. А что нас остановит, нас двоих (букв. две персоны людей)», – сказав, отец снова укутывает (одеялом) Кылыка’.

Счетное слово *уйа* в значении ‘гнездо, семейство’ употребляется в основном при счете птиц, животных, насекомых: *бир уйа кас* ‘одно семейство гусей’, *эки уйа бөрү* ‘два семейства волков’ и т.д.

(47) *Бир уйа чымалы бир гектар јердин агаитарын ла өзүмдерин јеткерлү курт-конгыстан аргадап алат* (ИС, ТҰКА, 95) ‘Одно семейство муравьев спасает от вредных насекомых деревья и растения на одном гектаре земли’;

Кроме того, слово *уйа* в значении ‘род, семейство’ используется при обозначении количества людей:

(48) *Колхозтын јаандары, эки уйа улус – шүлүктөр* (АА, ЈОО, 569) ‘Начальники колхоза, люди из двух родов – жулики’.

Для обозначения количества лошадей в алтайском языке используется специальное счетное слово *айгыр* ‘табун лошадей во главе с жеребцом’ (букв. жеребец): (49) *Алтан айгыр мал одордо јүрү* (ИШ, КЈ, 46) ‘Шестьдесят табунов лошадей с жеребцом находятся на пастбище’.

Счетное слово *табын* ‘табун; стадо’ может использоваться для обозначения количества лошадей и некоторых других копытных животных:

(50) *Ол тоолу ла јылдан бир табын кой-эчкилү боло берер ине* (ЈК, ҮҮС, 485) ‘Он ведь через несколько лет обзаведется стадом овец и коз’.

3.3. Нумеративы, используемые при счете растений

В алтайском языке при счете растений употребляется универсальное слово *төс* ‘куст, саженец, сеянец, рассада’, которое может сочетаться с широким кругом существительных, обозначающих различные виды растений, деревьев и кустарников. Это могут быть конструкции типа: *беш төс бороңот* ‘пять кустов смородины’, *эки төс капуста* ‘два саженца капусты’, *јирме төс согоно* ‘двадцать сеянцев лука’, *он беш төс помидор* ‘пятнадцать кустов помидоров’ и т. д.

(51) *Је база, бир-эки төс грушанын агажы кайткай не деп, сураарга сананган болгом* (ЧЧ, БТ, 69) ‘Ну что еще, (я) хотел спросить, что же станет с двумя-тремя саженцами грушевого дерева’.

4. Народные меры

Алтайцы с давних времен использовали в своем обиходе народные меры. Эти меры имели для них большое практическое значение, ибо применялись почти везде: в ремесленном производстве, в плотницком деле, в шитье одежды и обуви и т. д.

Многие алтайские обозначения мер восходят к названиям частей тела человека или к их движениям. Это явление характерно для всех языков мира, по-

скольку в первобытном мире человек начал измерять окружающий мир с самого себя. Его основными измерителями стали стопа, локоть, палец, ладонь, шаг и т.д. Меры эти, конечно, были не совсем точными, поскольку размеры частей тела у людей не одинаковы. Величина в данном случае измерялась приблизительно, «на глаз», но разница при этом была несущественна.

Как правило, части тела человека служили мерой для измерения сравнительно небольших по размеру величин. Большие расстояния обычно определялись окриком, метанием стрел, бегом скакунов, имеющих разный возраст и разные физические способности. В традиционной культуре алтайского народа измерение осуществлялось также другими вербальными и невербальными способами, в частности, при помощи различных подручных средств. Например, для измерения объема жидких и сыпучих тел использовалась стандартная посуда: ложка, чашка, ведро и иные емкости.

Впервые алтайские народные меры длины и ширины были опубликованы Н.А. Баскаковым, Т.М. Тошачковой в приложении к «Ойротско-русскому словарю» (1947). Так, ими зафиксированы следующие меры: *кулаш* ‘сажень, расстояние, равное размаху рук’, *карыш* ‘пядь, четверть, расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами’, *сөдм* ‘четверть, расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами’, *элү* ‘мера, равная толщине пальца’, *пайры* ‘мера длины ткани, равная ее ширине’ [ОРС: 312].

Некоторые сведения об алтайских народных мерах были опубликованы Н. Шодоевым-Мендешем в местной газете «Алтайдын Чолмоны». Им приведены следующие меры:

1) меры веса: *1 сабар көдүрер* (вес, который можно поднять 1 пальцем) = 500 гр; *1 алакан* (вес, который может вместиться в ладонь) = 1–2 кг; *1 сынгар кол* (вес, который можно поднять одной рукой) = 5–6 кг; *2 кол* (вес, который можно поднять двумя руками) = 15–20 кг; *1 көгүс* (вес, равный объему груди) = 30–40 кг; *1 артынчак* (вес, который можно взвалить на плечи) = 69–70 кг; *1 кош* (вес, который может поднять вьючная лошадь) = 1 ц; *1 абра* (вес, который может вместиться на 1 телегу) = 3–5 ц;

2) меры объема: *1 оймок* – 1 наперсток; *1 калбак* – 1 ложка; *1 аяк* – 1 чашка = 0,2–0,5 л; *1 бортого* – маленькое деревянное ведро = 1–4 л; *1 көнөк* – 1 ведро = 7–10 л; *1 чапчак* – 1 деревянная кадка удлиненной формы = 20 л; *1 күп* – 1 деревянная емкость для изготовления чегеня = 30–40 л;

3) меры измерения глубины воды: *таманда* – высота воды до подошвы = 1–3 см; *шагайда* – высота воды до щиколотки = 10 см; *тизде* – высота воды до колен = 40–50 см; *төнмөктө* – высота воды до бедер = 60–70 см; *курлаада* – высота воды до пояса = 80–90 см; *көгүсте* – высота воды до груди = 1–1,4 м; *мойнында* – высота воды до шеи = 1,5–1,6 м; *төбөдө* – высота воды до макушки = 1,7–1,8 м; *бут жетпес* – (ноги не достают дна), свыше 2 м; *түн жок* – бездонный; необходимо переплыть [Шодоев-Мендеш 1993].

Аналогичные названия народных мер в языке телеутов, исторически компактно проживавших на территории Горного Алтая, приведены Л.Т. Рюминой-Сыркашевой и Н.А. Кучигашевой в «Телеутско-русском словаре» [ТРС: 116].

В связи с введением десятиричной системы мер в 1927 г. народные меры в алтайском языке были упразднены и вместо них стали использоваться междуна-

родные единицы измерения: *метр, километр, килограмм, литр* и др. Однако многие меры и сейчас широко используются в повседневной речи алтайцев.

Исходя из собранного нами фактического материала, ниже мы приводим названия народных мер, бытующих в повседневной речи алтайского народа. При этом описанию в основном подвергаются те названия мер, которые участвуют в образовании нумеративных конструкций.

4.1. Меры длины

Меры длины в алтайском языке подразделяются на две подгруппы: 1) мелкие меры длины; 2) крупные меры длины (путевые меры).

4.1.1. Мелкие меры длины

В алтайском языке названия мелких мер длины представлены следующими терминами:

1) *карыш* ‘пядь, большая пядь (расстояние между растянутыми большим и средним пальцами)’. Термин *карыш* является общетюркским, с основным значением ‘пядь’ [ЭСТЯ 1997: 324].

(52) *Јастан ла бери кендир сурап јадырым, эмдиге бир де карыш кендир бербе-ген* (ЭП, А, 85) ‘Еще с весны прошу конопляную веревку, до сих пор ни пяди конопляной веревки не дали’.

В алтайском языке различают также *кере карыш* ‘пядь, большая пядь (букв. пядь, раздвинутая до отказа)’ и *мерген карыш* ‘пядь (расстояние между растянутыми большим и указательным пальцами)’ (букв. меткая пядь):

(53) *А мындый чанакты эдерге кере карыш сынду кадулар керек* (БУ, ТТБА, 313) ‘А для того, чтобы изготовить такие санки, нужны гвозди длиной в большую пядь’.

2) *сöм* ‘пядь, малая пядь (расстояние между растянутыми большим и указательным пальцами)’, восходящее к монгольскому *söget* ‘пядь – расстояние от большого до указательного пальца’ [ЭСТЯ 1997: 325]:

(54) *Онон мылтыктары да не онду неме деер: бирүзинин жүктенип алганы алты сөм тпан, экинчизинин – ТОЗ* (ЭТ, СТ, 16) ‘К тому же ружья то их нормальными не назовешь: у одного из них на плечах дробовик длиной в шесть малых пядей, у второго – ТОЗ’.

В алтайском языке используется также короткая малая пядь – *мукур* или *мукур сöм* ‘малая пядь (расстояние между большим и согнутым указательным пальцем)’, восходящее к монгольскому *tuqur söget* ‘короткая пядь’ [Рассадин 1980: 30].

3) *элү ~ öлү* ‘вершок (мера, равная толщине пальца)’. Термин *элү ~ öлү* также является общетюркским: в тюркских языках *ели / eli* как мера функционирует в значении ‘ширина / толщина пальца’ [ЭСТЯ 1974: 264]. Относительно алтайского варианта *öлү* отмечается, что он происходит из *elü* под действием огубленного *ү* [там же].

(55) *Јаба-карыш кижичекте јети өлү өдүк бар (оны кийип алзагар, слер бир алтап, јети беристе јол өддөригер)* (ЭЧ, 416) ‘У маленького человечка есть обувь, равная семи вершкам (если наденете ее, то вы, один раз шагнув, пройдете расстояние в семь верст)’.

4) *кулаш* ‘маховая сажень (расстояние, равное размаху рук)’. Название *кулаш* восходит к древнетюркскому *qulaç* ‘мера длины в размерах рук; сажень’ [ДТС: 464].

(56) *Акта от күйет, онын јанында бир кулаш сагалду јудурукча карган өббөн отурды* (ЭЧ, 427) ‘На поляне горит костер, возле него сидел старый дед ростом с кулак, с бородой в одну маховую сажень’.

4) *карым ~ карыг* ‘мера, равная расстоянию от локтя до кончика пальцев’ [Шодоев-Мендеш 1993; ТРС: 117]. Очевидно, что данный термин произошел от *кары* ‘часть руки от локтя до плеча’ [ОРС: 74]. В настоящее время как мера в алтайском практически не употребляется.

5) *аршын* ‘аршин (= 71 см)’. Безусловно, алтайский *аршын* является обратным заимствованием из русского языка, которое в свою очередь восходит к среднеазиатско-тюркскому *аршын*, *арчын* ‘аршин’, заимствованному из иранских языков [ЭСТЯ 1974: 183, Дыбо 1989: 72].

(57) *Бир аршын ббсти тунүрине илү эдип алды* (ЧЧ, М, 26) ‘Из одного аршина ткани (он) сделал петлю на шаманский бубен’.

4.1.2. Крупные меры длины (путевые меры)

К крупным мерам длины в алтайском языке относятся так называемые путевые меры. Среди них минимальной является мера *алтам* ‘шаг’:

(58) *Ол ло бир алтам јер – Төрөли, Ада-Төрөлис* (ЭТ, СТ, 91) ‘Та самая земля, равная одному шагу – его Родина, наша Отчизна’.

Путевая мера *беристе* ‘верста (расстояние, равное 1,06 км)’ произошло от русского *верста* ‘старинная русская мера длины, равная 500 саженим или 1,06 километра’.

(59) *Төрт беристе јерле мантатканча школго једе конот* (ЛК, ЧЧ, 153) ‘Проезжая на скаку расстояние в четыре версты, добирается до школы’.

Путевая мера *чакырым* в словарях алтайского языка зафиксирована как ‘верста (расстояние, на котором можно слышать крик)’ [СААНТЯ: 424; ОРС: 175]. Этимология слова не ясна, возможно, восходит к древнетюркскому *çayır* ‘тропа, дорожка’ [ДТС: 136].

(60) *Јирме чакырым јерге мантадатан јарышта одуска јуук аттар барган* (ИШ, КЈ, 35) ‘В состязаниях по бегу на расстояние в двадцать верст участвовало около тридцати лошадей’.

К путевым мерам относятся имена на =лЫк: *айлык* ‘отдаленность местности на месяц пути’, *јылдык* ‘отдаленность местности на год пути’, *күндик* ‘расстояние, равное однодневному пути’, *кыйгылык* ‘на котором можно слышать крик’. Ср.:

- (61) *Алтан айлык ак талайды Ары-бери кечер болды. Јетен айлык көк талайды* *Өрө-төмөн өдөр болды* (АБ, 13) ‘Он начал переходить туда-сюда белое море, протяженностью в шестьдесят месяцев пути. Начал проходить вверх и вниз синее море, протяженностью в семьдесят месяцев в пути’;
- (62) *Уул кызыл күн болгончо бир күндик јер өткөн* (ЭТ, К, 51) ‘Юноша, пока светило красное солнце, прошел расстояние, равное одному дню’.

Особое место среди путевых мер в алтайском языке занимают описательные термины, представляющие собой композитные слова: *күн јортум* ‘расстояние, которое можно проехать на лошади за 1 день (\approx 50–60 км)’, *мылтык адым* ‘расстояние, равное ружейному выстрелу’, *сидик чачым* ‘расстояние, равное струе мочи) и др.

- (63) *Олор јытты күн јортум јерден алып јадылар* (ЭЧ, 362) ‘Они могут учуять запах на расстоянии, которое можно проехать на лошади за день’;
- (64) *Мылтык адым кире јерге келеле, Мерген јаар кылчас этти* (ЭТ, СТ, 53) ‘Пройдя расстояние в один ружейный выстрел, (он) косо посмотрел на Мергена’.

В современном алтайском языке наряду с исконно алтайскими мерами длины используются многие интернациональные метрологические термины, заимствованные посредством русского языка, например метр, километр, дециметр, сантиметр и др.

- (65) *А бистин ол баштапкы режиссер, Кайруга 1946 јылда келип јүрген чанкыр көстөрлү, эки метр сынду јалакай кижии – Минорский эзен јүрет не?* (БУ, СӨ, 145) ‘А наш тот первый режиссер, приехавший в Кайру в 1946 году, добрый человек с голубыми глазами, ростом в два метра – Минорский, жив ли?’;
- (66) *Ўредүге мен күнүн ле сайын нөкөрлөримле кожо јурме беи километр јол өдөтөм* (ЛК, ЈП, 9) ‘До места учебы я ежедневно вместе с друзьями проходил путь, равный двадцати пяти километрам’.

4.2. Меры времени

У алтайцев, ведших полукочевой образ жизни, для измерения времени часто служили такие бытовые предметы, как аркан и чембур (поводок). С их помощью определялась высота солнца от земли, т.е. время движения солнца по небосводу, а также продолжительность светового дня. Например, считалось, что в марте солнце пребывает на 6 арканов выше от земли [Вербицкий 1993: 60]. А время после полудня в современном алтайском языке обозначается описательными терминами типа: *күн армакчы чачым* ‘солнце находится на такой высоте, что можно накинуть аркан’, *күн чылбыр чачым* ‘солнце находится так низко, что можно накинуть чембур’ [Тюхтенева 2008: 15].

Короткий промежуток времени в алтайском языке обозначают следующими мерами: *чай кайнадым / чай азым* ‘время, равное варке чая (\approx 10–15 мин.)’, *танкы азым* ‘время, равное прикуриванию трубки табака’, *танкы тартым / кангза*

тартым ‘время, равное курению трубки табака (\approx 10-15 мин.)’, *уй саам* ‘время, равное доению коровы (\approx 10 мин.)’.

- (67) *Олжочылардын эки чай кайнадымга өткөн жолын бис бир кайнадым дйгө өтсөбис, ологго бүгүн тунде эмезе тан алдында једижерис...* (ИШ, КЈ, 226) ‘Если мы пройдем путь, пройденный захватчиками за время, равное двум варкам чая, за время, равное одной варке чая, то настигнем их сегодня ночью или под утро...’;
- (68) *Амыр-Санаа ажунун кырында артып калала, эки танкы тартым кирелү өйдинг туркунына сананып отурган* (ИШ, КЈ, 105) ‘Амыр-Санаа, оставшись у подножия перевала, в течение времени, равного курению двух трубок табака, сидел, размышляя’.

Для обозначения мгновенности времени в алтайском языке используют термин *көс јумгуш* ‘мгновение ока (букв. моргание глаз)’:

- (69) *Анан арыгызы кандый да бир көс јумгуштын туркунына өткөн болор* (СС, Э, 207) ‘Дальнейшее, произошло, наверное, в течение какого-то мгновения ока’.

4.3. Меры веса и объема

Мерами веса и объема для жидких и сыпучих тел в алтайском языке испокон веков традиционно служат названия емкостей и вместилищ: *калбак* ‘ложка’, *айак* ‘чашка’, *бортого* ‘деревянное ведро’, *көнөк* ‘ведро’, *чапчак* ‘кадка’, *күп* ‘деревянная емкость для изготовления чегеня’, *тепиши* ‘чаша для мяса’, *казан* ‘казан, котел’, *сумал* ‘мешок’, *шадыр* ‘фляга’ и др. Например: *бир казан эт* ‘один казан мяса’, *эки аяк сүт* ‘две чашки молока’, *беш таар картошко* ‘пять мешков картошки’ и т.д. Причем в образовании подобных нумеративных конструкций может участвовать любое название емкости или вместилища, поэтому таких конструкций может быть неограниченное количество.

- (70) *Басекко бир аяк чай да ургылабады* (СС, АКС, 135) ‘Басеку ни одной чашки чая не налили’;
- (71) «*О-о, јайла, ундылып калган турбай*» деп, *Анчыбай айдала, табактагы эттен үч болчок эт кезип алала, отко таштады, аяктагы мүннен калбакла үч калбак мүн* сузуп алала, *отко чачып ийди* (ЧЧ, М, 45) ‘«О-о, помилуй, позабылось, оказывается», – сказал Анчыбай, отрезав три кусочка мяса из большой чаши, бросил в огонь, черпнув ложкой три ложки бульона из чашки, бросил в огонь’;
- (72) *Бир көнөк картошкого эки көнөк арба бергилейтен* (ЭП, А, 14) ‘За одно ведро картошки давали два ведра ячменя’.

В системе алтайских нумеративов меры веса и объема являются самой многочисленной подгруппой. Ниже приведены более мелкие их подразделения: меры объема пищи, меры объема ткани, слоев и т.д.

4.3.1. Меры объема пищи

Для измерения объема пищи в алтайском языке, помимо названий емкостей и вместимости, используются меры, в основном представляющие собой отглагольные существительные, образованные при помощи аффикса $=\langle BI \rangle_m$. Например: *азым* ‘щепотка; количество чего-л., равное одному приему или одной варке’, *кайнадым* ‘количество чего-л., равное одной варке’, *јалам* ‘кусочек; количество пищи, равное одному лизанию’, *јудум* ‘глоток’, *тилим* ‘кусочек, ломтик’, *тиштем* ‘кусочек, откус’, *чайнам* ‘кусочек, жевок’, *чымчым* ‘щепотка’. Из этого ряда исключение составляет лишь название *уурт* ‘глоток’.

- (73) *Удабас эт үлеер деп айдышкан, келишсе, бир кайнадым эт экелип берерим* (ЛК, МЈ, 201) ‘Говорили, что скоро будут раздавать мясо, если получится, принесу тебе мясо, равное одной варке’;
- (74) «*Экинчи јанынан бир копейка акказы јок, бир чайнам калажы јок улус кайда баратан?*» – *деген үн улустын ортозынан угулды* (ИШ, ТА, 28) ‘«С другой стороны, куда денутся люди, не имеющие ни копеек денег, ни кусочка хлеба, равного жеванию в один прием» – послышался голос из середины толпы’;
- (75) *Јайгыда мында бир де уурт суу таппазын* (ВТ, К, 23) ‘Летом здесь даже глотка воды не найдешь’;
- (76) *Бир айак сүт те, бир тилим быштак та јок артын каларын* (БУ, ТТБА, 304) ‘Останешься и без чашки молока, и без кусочка сыра’;
- (77) *Јыдымар неме, көрзөн оны, бир јалам үске болуп, бажын чөйгөнгө сугуп алала, јатканын* (ЭТ, СТ, 21) ‘Негодник, посмотри на него, ради кусочка жира (букв. в одно лизание), лежит, засунув голову в чайник’.

Нумератив *азым* ‘щепотка (количество чего-л., равное одному приему или одной варке)’ в алтайском языке обозначает как количество пищи (78), так и количество табака (79). Ср.:

- (78) *Бир ле азым тирү чай болгон болзо* (ЭӨАП, 319) ‘Была бы хотя бы одна щепотка живительного чая’;
- (79) [*Муклаш*] *оног үстү колын өдүгинин кончына арчын, эки будын чирейе теген, калтазынан бир азым танкы алды* (ККК, 309) ‘Затем [Муклаш], вытерев свои жирные руки о голенище обуви, вытянув две ноги, вынул из своего кисета одну щепотку табака’.

Среди мер, служащих для обозначения малого объема пищи, относительно редкими в алтайском языке являются нумеративы *чыкырым* ‘1) кусочек, крупинка; 2) капля’ и *чыткыт* ‘четверть, четвертушка (плиточного чая)’.

- (80) «*Бир чыкырым суу јок, бу кату кадар кирден мен канайып айрылайын?*» – *деп келин ыйламзырады* (ТА, ЭКЈ, 85) ‘«Нет ни капли воды, как избавиться от этого твердого слоя грязи?» – прослезилась женщина’;
- (81) *Кичеер јүрген бир чыткыт чуй чай*⁵ *болгон* (АА, КАЎС, 22) ‘Была одна четвертушка чуйского плиточного чая, который сэкономили’.

⁵ *Чуй чай* – название плиточного чая, который раньше привозили на Алтай из Монголии. Свое название данный чай получил по названию Чуйской степи, находящейся на территории приграничного с Монголией Кош-Агачского района Республики Алтай.

Следует отметить, что некоторые приведенные выше нумеративы, помимо обозначения малого объема пищи, употребляются также для обозначения малого количества других исчисляемых предметов, включая некоторые абстрактные явления. Ср.:

- (82) *Ыраак туулардын бозорышкан сырттарында бир тилим ачык айан өчөмик ле билер-билдирбезинен жарыйт* (БУ, СӨ, 341) ‘Находящаяся между хребтами далеких сереющих гор маленькая (букв. в один кусок) открытая поляна тускло, едва-едва светится’;
- (83) *Меге бир де чымчым болзо, ырыс керек, сүүнчи* (АА, ЈОО, 375) ‘Мне нужна хотя бы крупица счастья, радость’;
- (84) *Капый чыкырым да неме бербес* (НБ, Ј, 163) ‘Капый и крупинки не даст’.

4.3.2. Винные меры

В алтайском языке особый набор счетных слов служит для обозначения винных мер. Как правило, к ним относятся такие специальные названия емкостей для вина как *жырака* ‘чугунный сосуд для вина’, *тажуур* ‘кожаный сосуд для жидкостей (вина, молока и т.д.)’. Кроме того, в качестве винных мер могут использоваться названия любых емкостей для жидкостей типа *айак* ‘чашка’, *чөйгөн* ‘чайник’, *шил* ‘бутылка’, а также названия сушеных внутренних органов домашних животных, используемых для хранения продуктов, типа *мөөн* ‘сушеная слепая кишка’ или *куук* ‘сушеный мочевого пузыря’.

- (85) *Сыргаш эки казан чеген аскан, эки чөйгөн аракы чыккан* (ЧЧ, М, 25) ‘Сыргаш перегнала два казана чегеня, вышло два чайника араки (молочной водки)’;
- (86) *Тилмеш койнынан бир мөөн аракы чупча тартып экелди* (КТ, КЈ, 73) ‘Тилмеш из-за пазухи вытащила одну сушеную слепую кишку с аракой’.

Вообще, в традиции алтайского народа распитие алкогольных напитков испокон веков не приветствовалось. Поэтому в качестве самой малой винной дозы для алтайцев служил *оймок* ‘наперсток’ – так называется маленькая ямка на тыльной стороне ладони, образующаяся на месте соединения большого пальца с запястьем. В русском языке это место называется «(анатомическая) табакерка». Данный термин служит для обозначения минимальной дозы нюхательного табака, который удобно туда насыпать.

Основной емкостью для наливания спиртных напитков, используемой в традиционной культуре алтайцев, в частности в обычаях и обрядах, является *чөйчөй* ‘маленькая пиала для вина’.

- (87) *Бир чөйчөй аракы бердилер, Бир болчок эт јидирдилер* (АБ) ‘Дали ему одну маленькую пиалу для араки, Угостили одним кусочком мяса’.

В качестве винной меры в алтайском языке служит также термин *туурам* ~ *туурам* ‘круговая чаша для вина’:

- (88) *Бир-эки туурам аракыдан бистинг оозыс та изирге јеткелек, а сен канайып капшай эзире бердинг* (АО, КТ, 66) ‘Из-за одного-двух туурамов араки наши губы и то не согрелись, а как же ты так быстро опьянел?’.

Термин *тукрам* ~ *туурам*, по всей видимости, восходит к монгольскому *дугараа* 1 ‘круговая чаша, очередная чаша по кругу’ [БСРМ: 682]. Ср. также *дугараа* 2 ‘очередность, последовательность, очередь, смена’ [там же]. Принцип очередности, заложенный в семантике обоих монгольских слов, прямым образом отражает суть традиционного алтайского обычая *тукрам* ~ *туурам*. Согласно этому обычаю, человек, которому преподнесли круговую чашу для вина *тукрам* ~ *туурам*, должен пригубить из неё и в знак уважения вернуть её тому, кто дал ему эту чашу. Последний же должен полностью опорожнить содержимое вернувшейся к нему чаши.

4.3.3. Меры объема ткани, ниток и пряжи

Счетное слово *түргек* ‘1) моток, клубок, катушка; 2) рулон’ в алтайском языке употребляется как для обозначения объема ткани (89), так и для обозначения ниток или пряжи (90), а счетное слово *түрүм* ‘рулон’ используется для обозначения количества ткани (91).

- (89) *Ўчинчи күнде Турнаш каргандарга бир түргек бөс тудунып чыкты* (ЖС, 275) ‘На третий день Турнаш вышла к старикам, держа один рулон ткани’;
- (90) *Эки-үч метр бөс, арчуул, керек десе бир түргек учук* (ЖК, ЫҮС, 281) ‘Два-три метра ткани, платок, даже один моток ниток’;
- (91) *Чайлап отурганча, Мундузак туруп барала, бир түрүм талима бөс экелип, энезине берип, айтты: «Эне, бу менин качы болуп иштеп тапканым болды»* (ЧЧ, М, 110) ‘Пока пили чай, Мундузак, встав, принесся один рулон хлопчатобумажной ткани, вручив матери, сказал: «Мама, это то, что я заработал в качестве учителя»’.

4.3.4. Меры объема слоев

Мерой для обозначения количества слоев чего-либо в алтайском языке служат слова *кат* ‘1) слой, ряд; 2) этаж’ и *кадар* ‘слой’:

- (92) *Боро аттын көксинен эки кат армакчыны буулап, тоормоштын учынан илип, айлына мендейт* (ӨТ, 104) ‘Привязав к груди серого коня аркан в два слоя, прицепив (его) к концу бревна, (он) спешит домой’;
- (93) *Кабырганын үсти эки өлү кадар жуулу, ичинде үч өлү казылу болды* (ЧЧ, М, 44) ‘На поверхности ребра было сало слоем в два вершка, а внутри с нутряным салом в три вершка’.

4.3.5. Меры объема горсти, охапки

Для измерения количества чего-либо, вмещающегося в ладонь или равного объёму рук, в алтайском языке употребляются счетные слова *кучак* ‘охапка’, *тудам* ‘1) горсть; 2) пучок; 3) пачка, кипа’, *ууш* ‘горсть, пригоршня’.

- (94) *Яким барып бир кучак чырбагал экелди* (СС, АКС, 175) ‘Яким принес одну охапку хвороста’;

- (95) *Иванушка аттан тўшти. Бир тутам суланы јулуп, оныла камчы чылап јангыды, буканы кырадан чыгара айдады* (ЭЧ, 298) ‘Иванушка слез с коня. Нарвал пучок овса, помахал ими [стеблями овса], словно плетью, прогнал с поля быка’;
- (96) *Ол јерге бир ууш чарак чачып, олордын черүзи ума јок көп деп көргүскен* (ЭЧ, 61) ‘Он, бросив на землю одну горсть зерна, показал этим, что войско их огромно’.

4.3.6. Меры объема сена

Для измерения объема сена у алтайцев в старину использовалась мера *толгок* ‘свитое, скрученное сено ($1/10$ копны)’. Об особенностях применения этой меры у алтайцев в конце XVIII в. исследователь С.П. Швецов пишет следующее: «Скошенную и подсохшую траву не собирают в копны, а затем в стога, а свивают из сырой травы особые жгуты, имеющие около четырех аршин длины и толщиною в руку взрослого человека или даже несколько более. Два таких жгута свиваются вместе и составляют одно целое – «толгок», – единица, которой измеряется запас сена, как у крестьян копной. Такой толгок подвешивается на сучья лиственницы, которая в нижней своей части ими совершенно обвешивается, как своеобразными гирляндами. В верхнем течении Чулышмана, на Улагане и проч. экспедиции весьма часто приходилось встречать такие деревья, увитые веревками скрученного сена. Русские считают, что толгок составляет $1/10$ копны, каковая цифра и была принята при переводе всего заготовленного сена в копны. <...> Один человек может скосить, свить и развесить 100 «толгоков» в 3 дня, причем 10 толгоков считаются приблизительно равными одной копне сена, т.е. каждый толгок приблизительно весит 20 фунтов» [Швецов 1900: 290, 811].

В настоящее время объем сена у алтайцев измеряется копнами, стогами, полями и т.д.

- (97) *Акыр, эмди келер јайда сенин аданга бир јирме беш-одус кире бугул өлөн эдип, согум сурайтам* (КТ, КЈ, 48) ‘Погоди, теперь в следующем году, заготовив примерно двадцать пять-тридцать копен сена твоему отцу, попрошу (у него) мяса на зиму’;
- (98) *Онын учун төрт кыра өлөн чаап беретен турун* (ЧЧ, М, 25) ‘За это ты должен будешь выкосить четыре поля сена’.

4.3.7. Заимствованные меры веса и объема

К заимствованным мерам веса и объема в алтайском языке относятся русизмы, представляющие собой старинные названия мер, и интернациональные слова, заимствованные в алтайском через посредство русского языка. К старинным мерам веса в алтайском языке относится заимствованное из русского слово *пуд* (= 16,38 кг). Возможно, эта мера была известна алтайцам уже на ранних этапах развития русско-алтайских торгово-экономических отношений на Алтае (≈ в середине XVII в.).

- (99) «Он чай, эки талама, беш пуд кулур, пуд танкы берейин» – деп, којойым кыргыннын алаканына алаканын јырс этире тажыды (ИШ, КЈ, 27) ‘Говоря:

«Я дам тебе десять (пачек) чая, два (рулона) хлопчатобумажной ткани, пять пудов муки, пуд табака», – купец громко ударил ладонью о ладонь казака’.

В числе заимствованных мер в алтайском языке используется мера *четверт* ~ *четперт* ‘четверть’, восходящая к русскому *четверть* ‘старинная русская мера объема жидкости, равная четвертой части ведра, или 3 литрам’.

- (100) *Ефимка сени келзин деп айткан... Онон эки четверт аракы экелзин деген* (АА, JÖO, 274) ‘Ефимка велел тебе придти... Затем велел принести две четверти араки’;
- (101) *Ўч торбок сойдылар, беш четперт кабак аракы, тоозы жок тажуурлар ичтилер* (СС, АКС, 160) ‘Закололи трех бычков, выпили пять четвертей водки, бесчисленное множество тажууров араки’.

К русским заимствованиям в алтайском языке относится также название *осьмушка* ‘1/8 четверти = 50 г’:

- (102) *Бооро жаскыда бир осьмушка чай берген эди...* (ПК, ТАП, 80) ‘Давно весной он дал одну осьмушку чая...’;

В числе интернациональных слов в алтайском языке используются практически все меры массы: *литр*, *килограмм*, *центнер* и т.д.

- (103) *Тойток албаданып туруп, бир литр сууны ичип ийерде, Карабаш оны кезедип айтты: «Катап колыма кирзен, эки суску суу ичерин...»* (ЛК, ТУ, 172) ‘Когда Тойток, стараясь, выпил один литр воды, Карабаш, угрожая, сказал ему: «Если еще раз попадешься мне в руки, выпьешь два ковша воды...»’;
- (104) *Эки жүс төртөн алты центнер өлөңди бодоп ло бар эдип бичип салганыс* (ЭП, А, 106) ‘Двести сорок шесть центнеров сена записали так, как будто бы они есть’.

5. Меры площади

Известно, что земледелие в жизни алтайского народа в дореволюционное время играло подсобную роль: у северных этносов основным занятием была охота, а у южных – скотоводство. Поэтому особой надобности в мерах площади у алтайцев не было. Из мер площади в алтайском языке известно слово *адыс* ‘загон (1/18 десятины)’, являющееся в настоящее время архаизмом.

- (105) *Онойдо эки ады көбүк ажып, терлеген-бурлаган, эр бойынын мандайынын тери мойнына тыкталган, шыралай-боролой алты адыс жер сүрүп алала, беш адыс жерге сула чачып, агаи тиштү тырмуушла тырмууштап койды, бир адыс жерге жүрен жетпей каларда, Мекишке ого эки көнөк арба берди* (ЧЧ, БТ, 178) ‘Так две лошади его с пеной изо рта, вспотели, у самого мужчины пот со лба скатился на шею, мучаясь-мыкаясь, вспахав участок в шесть загонов, посеяв овес на участке в пять загонов, (он) забороновал (его) граблями с деревянными зубьями; когда на участок в один загон не хватило семян, Мекишке дал ему два ведра ячменя’;

(106) *Бойларынын төрт адыс кыразынан өскө улустын сегиз адыс кыразынан көп түжүм жуунаткандар* (АЧ, I, 242) ‘Из своих пашен в четыре загона собрали больше урожая, чем у людей с пашнями в восемь загонов’.

Из интернациональных слов в алтайском языке используются такие меры площади, как *акр* и *гектар*:

(107) *Ол бойынын билезинен звено төзөп, төрт гектар жерге «Краснодарский» сорт, бир гектар жерге «Горно-Алтайск» сорт кукуруза үрендеген* (ЧЧ, БТ, 75) ‘Он, основав звено из членов своей семьи, на четырех гектарах земли посеял кукурузу сорта «Краснодарский», на одном гектаре земли посеял сорт «Горно-Алтайск»’.

6. Денежные единицы

В старину в экономической жизни алтайского народа, как в сфере мелких торговых операций, так и в сфере крупной торговли деньги, равно как и золото и серебро, не стали всеобщим эквивалентом. Однако у алтайцев была широко распространена меновая торговля, в которой применялись товаро-деньги (меха, ткани, скот и т.д.). Исследователь Сибири А. Бунге, путешествуя по Алтаю в первой половине XIX в., писал: «В меновой торговле калмыки используют деньги, например «болчок», который состоит из 5 «лан», хотя более употребителен при оценке какого-либо товара «баш» (голова), равный примерно 4–5 руб. Так, тоненький кирпич чая стоит один баш, потолще – два баша, овца – один баш, кусок синей хлопчатобумажной ткани, используемый для шитья рубах, шуб и женской одежды, также стоит один баш» [Бунге 2004: 307].

Отметим, что слово *баш* в значении ‘штука’, ‘плитка (о чае)’ при исчислении штучных предметов употребляется и в современном алтайском языке:

(108) *Эки арчымакта жык тыктап койгон торко, эки баш чай, күскү, эки шаајын аяк ла бир ууш жыламитар* (ЖК, КТК, 9) ‘Две переметные сумы-арчимаки туго набиты шелком, двумя плитками чая, зеркалом, двумя фарфоровыми чашками и (одной) горстью раковин каури’.

Для обозначения количества живых существ, в том числе людей, термин *баш* в речи носителей алтайского языка тоже используется. Однако подтверждающих примеров в текстах произведений художественной литературы нами не обнаружено.

Кроме того, в XIX в. в телеутском диалекте алтайского языка, который был положен в основу литературного алтайского языка, использовался термин *тенке* ~ *тенки* ‘монета’ [СААНТЯ: 350].

(109) *Аниш айда-геле, маа эки тенки акча береле, бойы јана берди* (МЧ, ЧЈ, 24) ‘Сказав так, он дав мне две монеты денег, сам уехал домой’.

В современном алтайском языке для обозначения денег используются следующие термины: *акча* ‘1) деньги; 2) копейка’, *темир акча* ‘монета’, *чаазын акча* ‘бумажные деньги’, а также слово *салковой* ‘бумажный рубль’, восходящее к русскому *целковый*.

- (110) *А терениг үч салковой алтан акказын тен үлежип аларыс* (БУ, СӨ, 67)
‘А три рубля шестьдесят копеек за шкурку [белки] поделим поровну’.

* * *

В настоящее время количественный состав счетных слов в алтайском языке продолжает активно пополняться – как за счет внутренних ресурсов, так и за счет заимствований из русского языка:

- (111) *Карманында бир пачка танкыны бер!* (АА, КАӰС, 29) ‘Дай одну пачку сигарет, находящихся в твоём кармане!’

7. Заключение

Проведенное исследование показало, что счетные слова в алтайском языке представляют собой стройную, упорядоченную систему, имеют определенные морфологические и семантико-синтаксические особенности. Спецификой данных слов является то, что они имеют достаточно ограниченную сферу употребления и сочетаются только с определенным кругом существительных.

Что касается анализа алтайских народных мер, входящих в систему нумеративов, то можно сделать вывод о том, что большинство из них относится к общетюркско-монгольскому пласту лексики. Это обстоятельство свидетельствует о том, что формирование данного пласта лексики происходило в условиях определенной этнокультурной и этноязыковой общности, в которую входили и тюркские, и монгольские народы. В историческом прошлом по территории Горного Алтая проходил Великий шелковый путь, и его население не могло не оказаться в центре торгово-экономических отношений между различными этническими сообществами.

Литература

- Бунге 2004 — *Бунге А.* Путешествие по алтайским горам и предгорьям Алтая // Слово об Алтае. Книга III. Часть I. Землеведение. Флора и фауна. Этнография. Религия. История. Горно-Алтайск, 2004. С. 241–370. {*Bunge A.* A trip to the Altai mountains and the Altai foothills. // A word on Altai. 3rd Book. Part 1. Earth science. Flora and Fauna. Ethnography. Religion. History. Gorno-Altaysk, 2004. P. 241–370.}
- Вербицкий 1993 — *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. 2-е изд. Горно-Алтайск, 1993. {*Verbitskiy V.I.* The indigenous people of the Altai. 2nd Edition. Gorno-Altaysk, 1993.}
- Выдрин 2015 — *Выдрин В. Ф.* Зарождение системы нумеративов в дан-гуэта (южные манде). URL: liling-ran.ru/conferences/2015_african_program.pdf {*Vydrin V.F.* The origins of the numeratives in Dan-Gwæetaa (South Mande). URL: liling-ran.ru/conferences/2015_african_program.pdf}
- Гаджиева 1973 — *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973. {*Gadzhieva N.Z.* The main ways of development of the syntactic structure of Turkic languages. M., 1973.}
- Майзина 2017 — *Майзина А. Н.* Нумеративы // Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Редколлегия: д-р филол. наук *И. А. Невская* (отв. ред.), канд. филол. наук *Н. Д. Алмадакова*, канд. филол. наук *А. Н. Майзина*, канд. филол. наук *А. А. ОзONOва*, канд. филол. наук *А. Э. Чумакаев*; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2017. С. 174–186. {*Mayzina A.N.* Numeratives. // Grammar of the modern Altai language. Morphology. / Editorial Board: Doctor of Philology *I.A. Nevskaya* (the Executive Editor), Candidate of Philol-

- ogy N.D. *Almadakova*, Candidate of Philology A.A. *Ozonova*, Candidate of Philology A.E. *Chumakayev*; The Budget Scientific Entity of the Altai Republic "Scientific Research Institute named after S.S. Surazakov". Gorno-Altaysk, 2017. P. 174–186.}
- Дыбо 1984 — Дыбо А. В. Базисная лексика и языковые контакты: названия пальцев рук в среднеазиатском ареале // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. М., 1984. С. 87–97. {*Dybo A.V.* The basis lexicon and the language contacts: on nomination of fingers in the Central Asian areal. // Linguistic research. Typology. Dialectology. Etymology. Comparative linguistics. M., 1984. P. 87–97.}
- Дыбо 1989 — Дыбо А. В. К истории традиционных антропометрических терминов (среднеазиатская мера QARI и др.) // СТ 1989, №1, с. 71–79. {*Dybo A.V.* Towards the Typology of Anthropometric Systems: Qary in Central Asia // Oriental Studies in Russia. Leiden, Brill, 2004. P. 204–214.}
- Дыбо 1995 — Дыбо А. В. Названия пядей в тюркских и алтайских языках // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., Индрик, 1995. С. 38–53. {*Dybo A.V.* On nomination of the spars in Turkic and Altaic languages // Ethnolinguistic and ethnocultural history of the Eastern Europe. M., Indrik, 1995. P. 38–53.}
- Каменцева, Устюгов 1975 — Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Учебное пособие. 2-е изд. М.: ВШ, 1975. {*Kamentseva Ye.I., Ustyugov N.V.* The Russian metrology. A tutorial. 2nd Edition. M.: Vysshaya Shkola, 1975.}
- Кочеткова 1999 — Кочеткова Л. И. Нумеративы в мордовских языках в сравнительно-историческом освещении: Автореф. канд. филол. наук. Саранск, 1999. {Numeratives in the Mordvinic languages from the comparative and historical points of view: Abstract of a PhD Thesis. Saransk, 1999.}
- Ландер 2001 — Ландер Ю. А. Типы конструкций со счетными словами // Труды Международного семинара ДИАЛОГ-2001. Т. 1: Теоретические проблемы. / Ред. А. Нариньяни. Аксаково, 2001. С. 151–158. {*Lander Yu.A.* Types of constructions with the numeratives // The Works of the International seminar DIALOG-2001. Volume 1: Theoretical problems. / Editor: A. Narignani. Aksakovo, 2001. P. 151–158.}
- Молчанова 1973 — Молчанова Л. А. Народная метрология (к истории народных мер длины). Минск, 1973. {*Molchanova L.A.* The folk metrology (on the history of folk units of length). Minsk, 1973.}
- Мухаммадиев 1969 — Мухаммадиев А. Г. Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII–XV вв.: Автореф. канд. филол. наук. Казань, 1969. {*Mukhammadiev A.G.* The Bulgar-Tatar monetary and weight system of the 13th–15th centuries. Abstract of a PhD Thesis. Kazan, 1969.}
- Низаметдинова 1958 — Низаметдинова С. А. Соннинг нумератив сўзлар билан кўлланилиши // Ўзбек тили ва адабиёти масалалари, 1958. № 2. С. 33–39. {*Nizametdinova S.A.* Quantitative numeral words and their usage // The questions of the Uzbek language and literature.}
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. {*Plungyan V.A.* The General Morphology. Introduction to the problematic: A Manual. M.: Editorial URSS, 2000.}
- Рассадин 1980 — Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. {*Rassadin V.I.* Mongolian-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages. M.: Nauka, 1980.}
- Романова 1975 — Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М.: Наука, 1975. {*Romanova G.Ya.* The Nomination of units of length in Russian. M.: Nauka, 1975.}
- Тюхтенева 2008 — Тюхтенева С. П. Алтайский календарь // Эпшилер. Женский журнал. Горно-Алтайск, 2008. № 8. С. 12–19. {*Tyukhteneva S.P.* The Altai Calendar. // Epshtiler. The women's magazine. Gorno-Altaysk, 2008. No. 8. P. 12–19.}
- Устюгов 1965 — Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965. {*Ustyugov N.V.* The Russian Metrology. M., 1965.}
- Хэлилов, Элизада 1957 — Хэлилов Р., Элизада А. Азербайджан дилиндә нумератив сөзләр // Материалы научной конференции. Серия общественных наук Башкортостана, 1957. № 1. С. 34–38. {*Khalilov R., Alizada A.* The numerative words of the Azerbaijan language // Summaries of the scientific conference. Series of the Social sciences of Bashkortostan, 1957. No. 1. P. 34–38.}
- Швецов 1900 — Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Том I. Кочевники Бийского уезда. Выпуск I-й. / Составил С. П. Швецов. Барнаул, 1900. {*Shvetsov S.P.* The Mountainous Altai and its population. Volume 1. The Nomads of Biysk uyezd. 1st Edition. / Editor: S.P. Shvetsov. Barnaul, 1900.}

Шодоев-Мендеш 1993 — Шодоев-Мендеш Н. Озогы кемжүлер // Алтайдын Чолмоны. 1993. № 25. {*Shodoyev-Mendesh N. Ozoghy kemjyuler // Altaydyng Cholmony. ("The Star of Altai"). 1993. No. 25.*}

Словари

- БСРМ — Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь = Орос-монгол – монгол-орос орчин үеийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг / Ю. Кручкин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. {*The Big modern Russian-Mongolian – Mongolian-Russian dictionary / Yu. Kruchkin. M.: AST: East-West, 2006.*}
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969. {*The Ancient Turkic Dictionary. Leningrad, 1969.*}
- ОРС — Ойротско-русский словарь / Н. А. Баскаков, Т. М. Тошачакова. М., 1947. {*Oyrot-Russian Dictionary. / N.A. Baskakov, T.M. Toshchakova. M., 1947.*}
- СААНТЯ — Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. {*Verbitskiy V.I. Dictionary of Altai and Aladag patois of the Turkic language. Kazan, 1884.*}
- ТРС — Телеутско-русский словарь / Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Кемерово, 1995. {*Teleut-Russian dictionary / Ryumina-Syrkasheva L.T., Kuchigasheva N.A. Kemerovo, 1995.*}
- ЭСТЯ 1974 — Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э.В. Севортян. М.: Наука, 1974. {*Etymological dictionary of the Turkic languages (The Common Turkic and Intraturkic stems beginning with vowels) / E.V. Sevortyan. M.: Nauka, 1974.*}
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Отв. ред. Г.Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. {*The Common Turkic and Intraturkic stems, beginning with the "K", "Q" letters. / Executive editor: G.F. Blagova. M.: Languages of the Russian Culture, 1997.*}

Условные сокращения цитируемых текстов

- АБ II — Алтай баатырлар. Том II. Горно-Алтайск, 1959. {*Altay baatylar. Tom 2. Gorno-Altaysk, 1959.*}
- АА, КАҮС — А. Адаров. Кудайлык Алтай. Үргүлji сүүш. Горно-Алтайск, 2005. {*A. Adarov. Kundaylyk Altay. Ürgülji süüş. Gorno-Altaysk, 2005.*}
- АА, ЈОО — А. Адаров. Өлүмнин чанкыр кужы. Јүрек өртөгөн от. Горно-Алтайск, 2002. {*A. Adarov. Ölümning changkyr kuzhy. Jürek örtögön ot. Gorno-Altaysk, 2002.*}
- АА, ӨЧК — А. Адаров. Өлүмнин чанкыр кужы. Горно-Алтайск, 1993. {*A. Adarov. Ölümning changkyr kuzhy. Gorno-Altaysk, 1993.*}
- АО, КТ — А. Олчонов. Көрө түш. Горно-Алтайск, 2012. {*A. Olchonova. Kөрө түш. Gorno-Altaysk, 2012.*}
- АЧИ — Азия чөрчөктөри / Сказки народов Восточной Азии. 1-й том. / Горно-Алтайск, 2014. {*Aziya chörchöktöri / Skazki narodov Vostochnoy Azii. 1-y tom. / Gorno-Altaysk, 2014.*}
- БУ, СӨ — Б. Укачин. Сүүш ле оштөжү. Горно-Алтайск, 1981. {*B. Ukachin. Süüş le öштөzhü. Gorno-Altaysk, 1981.*}
- БУ, ТТБА — Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1971. {*B. Ukachin. Tuular tuular la boyiy artar. Gorno-Altaysk, 1971.*}
- ВТ, К — В. Тоенов. Кайынгаш. Горно-Алтайск, 1984. {*V. Toyenov. Kayyngash. Gorno-Altaysk, 1984.*}
- ЈК, ОЈ — Ј. Каинчин. Ол жараттан. Горно-Алтайск, 1980. {*J. Kainchin. Ol jarattang. Gorno-Altaysk, 1980.*}
- ЈК, ҮҮС — Үстүбисте Үч-Сүмер. Горно-Алтайск, 2003. {*Üstübiste Üch-Sümer. Gorno-Altaysk, 2003.*}
- ЈС — Јүс сагыш. Калыктардын чөрчөктөри. Горно-Алтайск, 2004. {*Jüs sagysh. Kalyktardyng chörchöktöri. Gorno-Altaysk, 2004.*}
- ИС, ТҮКА — И. Сабашкин. Турналар үни көндүгер алдында. Горно-Алтайск, 1984. {*I. Sabashkin. Turnalar üni köndüger aldynda. Gorno-Altaysk, 1984.*}
- ИСШ, М — И. Салайман-Шодоев. Мүркүтпей. Горно-Алтайск, 2014. {*I. Salayman-Shodoyev. Mürkütpey. Gorno-Altaysk, 2014.*}
- ИШ, КЈ — И. Шодоев. Кызыланду жылдар. Горно-Алтайск, 1984. {*I. Shodoyev. Kyzylangdu jyldar. Gorno-Altaysk, 1984.*}

- ИШ, ТА — И. Шодоев. Тан алдында. Горно-Алтайск, 1972. {I. Shodoyev. Tang aldynda. Gorno-Altaysk, 1972.}
- ВТ, К — В. Тоенов. Кайынгаш. Горно-Алтайск, 1984. {V. Toyenov. Kayyngash. Gorno-Altaysk, 1984.}
- ККК — Кебеделдү келин кеп. Горно-Алтайск, 2011. {Kebedeldü kelin kep. Gorno-Altaysk, 2011.}
- КТ, КJ — К. Төлөсов. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1987. {K. Tölösov. Kadyn jaskyda. Gorno-Altaysk, 1987.}
- ЛК, ЛП — Л. Кокышев. Jүс письмо. Горно-Алтайск, 1990. {L. Kokyshev. Jüs pis'mo. Gorno-Altaysk, 1990.}
- ЛК, МJ — Л. Кокышев. Мечин жылдыс. Горно-Алтайск, 2013. {L. Kokyshev. Mechin jyldys. Gorno-Altaysk, 2013.}
- ЛК, ТУ — Л. Кокышев. Туулардын уулы. Горно-Алтайск, 2010. {L. Kokyshev. Tuulardyng uuly. Gorno-Altaysk, 2010.}
- ЛК, ЧЧ — Л. Кокышев. Чөлдөрдин чечеги. Горно-Алтайск, 1968. {L. Kokyshev. Chöldörding chechegi. Gorno-Altaysk, 1968.}
- МЧ, ЧJ — М. Чевалков. Чөбөлкөптүн жүрүми. Горно-Алтайск, 1980. {M. Chevalkov. Chöbölköptüng jürümi. Gorno-Altaysk, 1980.}
- НБ, J — Н. Бельчекова. Jорук. Горно-Алтайск, 2013. {N. Bel'chekova. Joruk. Gorno-Altaysk, 2013.}
- ӨТ — Öйлөрдin түбинен. Горно-Алтайск, 1993. {Öylörding tübineng. Gorno-Altaysk, 1993.}
- СС, АКС — С. Суразаков. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985. {S. Surazakov. Altaiym kereginde sös. Gorno-Altaysk, 1985.}
- СС, Э — С. Сартакова. Эрjине. Горно-Алтайск, 1995. {S. Sartakova. Erjine. Gorno-Altaysk, 1995.}
- ТА, ЭКJ — Т. Акулова. Эн калыг журт. Горно-Алтайск, 1998. {T. Akulova. Eng kalyng jur. Gorno-Altaysk, 1998.}
- ЧЧ, БТ — Ч. Чунижеков. Бичигенинин талдамы. Горно-Алтайск, 1959. {Ch. Chunizhekov. Bichigenining taldamazy. Gorno-Altaysk, 1959.}
- ЧЧ, М — Ч. Чунижеков. Мундузак. Горно-Алтайск, 1962. {Ch. Chunizhekov. Munduzak. Gorno-Altaysk, 1962.}
- ШШ, Э — Ш. Шатинов. Эрjине. Горно-Алтайск, 1971. {Sh. Shatinov. Erjine. Gorno-Altaysk, 1971.}
- ЭОАП — Эмдиги өйдин алтай повестьтери. Горно-Алтайск, 1989. {Emdigi öyding altay povest'teri. Gorno-Altaysk, 1989.}
- ЭП, А — Э. Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1978. {E. Palkin. Alan. Gorno-Altaysk, 1978.}
- ЭТ, К — Э. Тоюшев. Кечүлер. Горно-Алтайск, 1978. {E. Toyushev. Kechüler. Gorno-Altaysk, 1978.}
- ЭТ, СТ — Э. Тоюшев. Сымылтынын толкулары. Горно-Алтайск, 1971. {E. Toyushev. Symyltynyng tolkulary. Gorno-Altaysk, 1971.}
- ЭЧ — Эрjинелү чөрчөктөр. Горно-Алтайск, 2006. {Erjinelü chörchöktör. Gorno-Altaysk, 2006.}
- ЭЭ — Эрjинелү эмил. Горно-Алтайск, 2014. {Erjinelü emil. Gorno-Altaysk, 2014.}
- АБ — http://altai-mountains.ru/articles/literature/altay_baatyrlar/?idnews=1617

The system of numeratives in the Altai language

Arzhana Mayzina

Gorno-Altaysk

Summary: The article is devoted to the study of the system of numeratives in the Altai language. The paper describes the patterns in which the Altai numeratives are used, the formation of numeratives, and their morphological and semantic-syntactic features.

Keywords: the Altai language, grammar, morphology, numeratives, numerals, nouns, ethnic measure words.

Сведения об авторе

Майзина Аржана Николаевна – старший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат филологических наук, Горно-Алтайск; e-mail: arshana@mail.ru

ДИСКУССИИ

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ
И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ*М.Г. Усманова**г. Уфа*

Резюме: В башкирском языкознании принято считать, что для выражения причастия настоящего времени используются две формы: простая форма образуется при помощи аффикса *-ыусы*, ср. *языусы* 'писатель', *йәшәүсе* 'житель'; *озатыусы* 'сопроводитель', и сложная форма, образующаяся посредством сочетания деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *тор-* в форме причастия на *-ған*, ср. *шәл бәйләй торған (әнә)* 'спицы, которыми вяжут шаль'.

Относительно аффикса *-ыусы* существует и другая точка зрения. Ученые Н.К. Дмитриев и А. Бейеш считают, что от имени действия на *-ыу* и аффикса *-сы* образуются отглагольные имена существительные: *тегеүсе* 'портниха', *бейеүсе* 'танцор', *укуыусы* 'учащийся', *алыусы* 'получатель', *караусы* 'смотритель', *һатыусы* 'продавец'. Мы также придерживаемся этого мнения.

В своей работе мы хотим показать, что причастие настоящего времени в языке башкир действительно имеет две формы образования – простую и сложную, однако они в корне отличаются от тех, которые традиционно представляют себе башкирские ученые. Простая форма образуется при помощи аффикса *-ған*: *Ауылда йәшәгән әсәйемде һағынам* 'Скучаю по маме, которая живет в деревне'; сложная форма образуется сочетанием деепричастия на *-п* или на *-а* со служебным глаголом на *-ған*: *Инде баланы табырға өмөттәрен өзгәндә генә кар астынан сығып торған бер тукыма кишәген күрәп калалар.* (М. Кәримов) 'В тот момент, когда уже отчаялись найти ребенка, они увидели кусок материи, торчащий из-под снега'.

Ключевые слова: башкирский язык, глагол, причастие, настоящее время, аффикс, простая форма, сложная форма.

Причастие – особая неспрягаемая глагольная форма. Обозначая действие предмета или лица как признак, протекающий во времени, причастие, подобно глаголу, имеет формы прошедшего, настоящего и будущего времени.

В башкирском языкознании принято считать, что для выражения причастия настоящего времени используются две формы. Башкирские ученые называют их по-разному. В частности, авторы учебников для педучилищ и вузов Ф. С. Фаритов, Г. Гумеров, профессор М.В. Зайнуллин называют их первая и вторая формы [Фәритов, Гумәров 1949: 219; Зәйнуллин 2002: 205–207], профессор Дж.Г. Киек-

баев – простая и сложная формы [Кейекбаев 1966: 125–126], Р.И. Байсурина-Бердигулова и профессор К.Г. Ишбаев – аналитическая и синтетическая формы [Байсурина-Бердигулова 2007: 67; Ишбаев 2012: 388–392], А. Мансуровым эти две формы не именованы [Мансуров 1951: 184, 1953: 147–148], ученым В.Ш. Псянчиным и профессором Ю.В. Псянчиным представлен только один способ образования [Псәнчин, Псәнчин 2001: 156–158], К.З. Ахмеровым в трудах ранних лет также представлен единственный способ образования причастия настоящего времени – форма от имени действия с аффиксом **-сы** [Эхмәр 1941: 102; Ахмеров 1958: 785], однако в солидном приложении “Краткий очерк грамматики башкирского языка” к “Башкирско-русскому словарю” 1958 г. такая информация не приводится. По мнению башкирских лингвистов, первая (простая) форма причастия настоящего времени образуется при помощи аффикса **-ыусы** (фонетические варианты **-еусе**, **-усы/-үсе**, **-өүсе/-оусы**). Примеры приведены из трудов ученых, все они, кроме примеров Р.И. Байсуриной-Бердигуловой, на русский язык переведены нами: **укутыусы** ‘учитель’, **языусы** ‘писатель’ [Эхмәр 1941: 102], **йөрөүсе** ‘ходок’, **укузан кайтыусы балалар** ‘дети, которые возвращаются из школы’, **тегеүсе** ‘портной’, **укутыусы** ‘учитель’, **укуыусы** ‘ученик’, [Мансуров 1951: 184, 1953: 147], **укуыусы** ‘ученик’, **эшләүсе** ‘работник’, **языусы** ‘писатель’, **белеүсе** ‘знаток’, **осоусы** ‘летчик’, **йөзөүсе** ‘пловец’ [Фәритов, Ғумәров 1949: 219], **килеүсе** (*кеше*) ‘тот, который приходит’, **укуыусы** (*бала*) ‘школьник’, **кайтыусы** (*кеше*) ‘уезжающий человек’, **ярзам итеүсе** ‘помощник’ [Кейекбаев 1966: 125], **онотоусы** букв. ‘забывчивый человек’, **һайраусы коштар** ‘певчие птицы’, **газапланыусы кеше** букв. ‘человек, который мучается’, **саңғы шыуыусы малай** ‘мальчик, который катается на лыжах’, **кайғыртыусы эсә** ‘мать, которая заботится’, **юлдан яззырыусы кеше** букв. ‘человек, который сбивает с истинного пути’, **тура юлга йүнәлтеүсе иптәш** ‘товарищ, который направляет на путь истинный’, **орлок азыулаусы машина** ‘машина, которая протравливает семена’ [Зәйнуллин 2002: 205], **караусы** 1) ‘тот, кто присматривает, ухаживает за кем-либо’; 2) ‘смотритель’; **эшләүсе** ‘работник’, **барыусы** ‘тот, который намерен куда-то ехать (идти)’, **килеүсе** ‘тот, который приходит’, **осоусы** ‘летчик, пилот’, **көлөүсе** ‘тот, который смеется’ [Ишбаев 2012: 388–392], **йыуыусы** ‘тот, который моет’, **йыйыштырыусы** ‘уборщик’, **укуыусы** ‘ученик’, **эшләүсе** ‘работник’, **ярзамлашыусы** ‘помощник’, **ярзам итеүсе** ‘помощник’ [Псәнчин, Псәнчин 2001: 157], **өй төзөүсе** ‘строящий дом’, **яратыусы** ‘любящий’, **йыйыусы** ‘собирающий’, **койоусы** ‘наливающий’ и др. [Байсурина-Бердигулова 2007: 67]. Некоторые ученые отмечают существование отрицательной формы причастия настоящего времени, образованной при помощи аффикса отрицания **-ма/-мә**, которая в башкирском языке не имеет практического употребления, в связи с чем и перевод на русский является весьма условным: например, **язмаусы** букв. ‘тот, который не пишет’, **һөйләмәүсе** букв. ‘тот, который не рассказывает’ [Фәритов, Ғумәров 1949: 219], **алмаусы** букв. ‘тот, который не берет’, **килмәүсе** букв. ‘тот, который не придет (придет)’ [Кейекбаев, Ғәлләмов, Фәритов 1969: 193], **яратмаусы** ‘не любящий’, **бармаусы** ‘не идущий’ [Байсурина-Бердигулова 2007: 67].

Отметим, что примеры Р.И. Байсуриной-Бердигуловой, переведенные и представленные как причастия настоящего времени – **өй төзөүсе** ‘строящий дом’, **яратыусы** ‘любящий’, **йыйыусы** ‘собирающий’, **койоусы** ‘наливающий’ и др.

[там же: 67], в действительности являются существительными, соответственно, и переводить их нужно как существительные: *өй төзөүсе* ‘строитель дома’, *яр-тыусы* ‘I. любитель; II. создатель; творец’, *йыйыусы* ‘собиратель, сборщик, заготовитель’, *койоусы* ‘литейщик, плавильщик’. [БРС 1996: 241, 365, 627, 844].

Вторая (сложная) форма причастия настоящего времени, по мнению башкирских ученых, образуется посредством сочетания деепричастия на *-а (-ә, -й)* и вспомогательного глагола *тор-* в форме причастия на *-ган*. Например, *Көлтә ташый торған егеттәр эшкә башланылар*. букв. ‘Парни, которые возят снопы, начали работу’ [Мансуров 1953: 148]; *яза торған кағыз* ‘бумага, на которой обычно пишут’, *һөйләй торған кино* ‘звуковое кино’ [Фәритов, Ғумаров 1949: 219], *тиз бөтә торған (ауырыу)* букв. ‘болезнь, которая обычно быстро кончается’, *шал бәйләй торған (әнә)* ‘спицы, которыми вяжут шаль’ [Кейекбаев 1966: 125], *кеше йәшәмәй торған утрау* букв. ‘остров, где не могут жить люди’, *безҙең еңеүҙе белдерә торған факт* ‘факт, который показывает нашу победу’ [Зәйнуллин 2002: 206], *илай торған курсак* ‘кукла, которая плачет’, *бара торған урын* букв. ‘место, куда предстоит поехать (пойти)’ [Ишбаев 2012: 390]; *Ул да хәстәр-лекле, тыштан һизҙермәй торған яғымлы кеше* букв. ‘Он тоже доброжелательный, не подавающий виду, милостивый человек’ (И. Абдуллин) [Байсурина-Бердигулова 2007: 72]. По мнению ученого К.З. Ахмерова, в образовании сложной формы причастия настоящего времени может участвовать и сочетание деепричастия на *-н (-ын/-ен, -он/-өн)*, и служебного глагола на *-ган (-гән, -кан/-кән)*, например, *эшләп торған* ‘работающий’ [Әхмәров 1958: 785].

Обзор трудов ученых дает нам такую картину: большинство исследователей в качестве примера первой (или простой) формы причастия настоящего времени приводят только одиночные причастия (например, *осоусы* ‘летчик, пилот’, *тегеүсе* ‘портной’), а некоторые дают словосочетания, содержащие причастия с существительными (*юлдан яззырыусы кеше* букв. ‘человек, который сбивает с истинного пути’, *укуысы (бала)* ‘школьник’); кроме того, часть ученых признают факт образования причастий настоящего времени с аффиксом *-ма (алмаусы)* букв. ‘тот, который не берет’, а другие нет. Неизбежно возникает вопрос, с чем может быть связано такое разногласие?

Мы предлагаем следующий ответ на поставленный вопрос:

— во-первых, все примеры, приведенные нашими уважаемыми учеными как простая (первая) форма причастия настоящего времени, по сути не являются таковыми, все они отглагольные существительные. В свое время профессор Н.К. Дмитриев констатировал, что по смыслу такие формы, как *һатыу-сы*, скорее соответствуют русскому ‘продавец’, чем ‘продающий’, т.е. не выражают никакой динамики действия, но для современного языка эта форма уже не является причастием [Дмитриев 2007: 159];

— во-вторых, в башкирском языке после отглагольного существительного еще одно существительное не употребляется, поскольку в этом случае мы будем иметь смысловую тавтологию, т.к. в самом отглагольном существительном уже заложено значение субъекта. В частности, башкиры никогда не употребляют в своей речи такие, например, выражения, как *хат язгыусы кеше* (букв. *хат язгыусы* ‘человек, который пишет письмо’ + *кеше* ‘человек’), как это приводится в учебнике для вузов [Зәйнуллин 2002: 205], т.к. в слове *язгыусы* уже заложено значение

субъекта действия, и дополнительно указывать на то, что это человек, для башкирского языка бессмысленно; ср. также *тура юлга йүнәлтеүсе иптәш*: *тура юлга йүнәлтеүсе* ‘человек, который направляет на путь истинный’ + *иптәш* ‘товарищ’. Поэтому, наверное, в большинстве списков примеров все же отсутствуют подобные словосочетания, содержащие причастия с существительными.

В башкирском языкознании относительно аффикса **-ыусы** существует и другая точка зрения. Известный языковед А. Бейеш пишет, что башкирские ученые аффикс **-ыусы** сначала не считали показателем формы причастия настоящего времени. Поэтому А. Мансуров не включил данный аффикс в учебник «Грамматика», изданный в 1933 г. (1-е издание) как нормативный школьный учебник. В этом учебнике были представлены только два аффикса причастия: **-ған** и **-сак**. «После первого издания учебника А. Мансуров, – пишет А. Бейеш, – возможно, считая, раз в русском языке есть отдельный аффикс для причастия настоящего времени, то он должен быть и в башкирском языке, во второе издание, выпущенное в 1934 году, добавляет аффикс **-ыусы** как форму причастия настоящего времени» [Бейеш 1999: 77].

Мы считаем, что автор учебника А. Мансуров не учел один важный момент, введший его в заблуждение. Дело в том, что некоторые слова в башкирском языке (в единственном и множественном числах), образованные от имени действия с аффиксом **-сы** на русский язык переводятся как причастия. Однако в башкирском языке они являются существительными, содержат в себе значение агенса и после них не следует употреблять еще одно существительное. Например, *Беренсе булып һөйләргә теләүсе бармы?* ‘Есть желающий выступить первым?’. Однако это же понятие можно выразить и по-другому – сочетанием причастия на **-ған** и существительного *кеше* ‘человек’: *беренсе булып һөйләргә теләгән кеше бармы?*. Перевод тот же: ‘Есть желающий первым выступить?’. Еще примеры: *Ләкин законды белмәйенсә закон бозоусы – барыбер еңәйтсе* (Н. Ғәйетбаев). ‘Однако, не зная закон, нарушивший его, все равно преступник’. *Кызырастың был өлгөрөшкә ниндәй катмарлы, көсөргәнешле юлдар аша килеүе ошо залда ултырыусыларзың бәтәһенә лә билдәле* (З. Биешева). ‘Всем сидящим в этом зале известно, какими сложными путями пришел Кидрач к этому успеху, сколько усилий пришлось ему приложить’; *Унан, эскәмйәләр араһында йүгереп йөрөп, аттестат алыусыларга букеттар биреп сыжтылар* (З. Биешева). ‘Затем, бегая между скамейками, вручили букеты всем получившим аттестаты’.

Далее А. Бейеш отмечает, что в башкирском языке не существует целостного аффикса **-ыусы**, есть аффикс **-сы**. Данный аффикс на базе существительных образует существительные со значением профессии, ремесла: *эшсе* ‘рабочий’, *һалсы* ‘плотовод’, *ялсы* ‘наемник’, *димсе* ‘сват, сваха’, *балтасы* ‘плотник’, *курайсы* ‘кураист’, *игенсе* ‘хлебороб’, *мәгрифәтсе* ‘просветитель’, *алдаксы* ‘обманщик’, *еңәйтсе* ‘правонарушитель’ и др. Аффикс **-сы**, точно так же присоединяясь к именам действия, образует слова, обозначающие профессию, род занятий: *укытыусы* ‘учитель’, *тегеүсе* ‘швея’, *бейеүсе* ‘танцор’ и др.

Кроме этих слов, которые вошли в разряд башкирских существительных, в разговорной речи иногда встречаются временно существующие слова, также образованные от имени действия с аффиксом **-сы**. Например: *Йәтим кыз артынан йөрөүсе булманы* [Бейеш 1999: 77] ‘На девушку-сиротку никто не обращал вни-

мания', т.е. букв. 'За девушкой-сироткой никто не ухаживал'. В данном контексте *йөрөүсө*, образованное от глагола *йөрөү* 'идти' и аффикса *-сы*, употреблено в значении 'тот, кто ухаживает, ухажер'. Действительно, в башкирском языке к временным существительным относятся слова, образованные от имени действия с имяобразующим аффиксом *-сы*, не ставшие еще полноправными существительными (их в словарях пока нет), но выполняющие в конкретной ситуации функцию существительного. Например, *Ауылда атайыңды исләүсө (белеүсө) юк шул* букв. 'В деревне уже нет человека, который помнил бы (знал бы) твоего отца'. Данное предложение в башкирском языке можно выразить и по-другому – используя причастие на *-ған*, употребляющееся здесь в значении настоящего времени, в сочетании с существительным: *Ауылда атайыңды исләгән (белгән) кеше юк шул*.

Помимо этого, в башкирском языке, особенно в разговорной речи, встречаются словосочетания, состоящие из имени действия с аффиксом *-сы* и существительных, указывающих на род (мужской или женский) или на возраст агенса. Например: *укытыусы агай* 'учитель', *укытыусы апай* 'учительница', *көтөүсө малай* 'пастух', *бейеүсө егет* 'танцор', *бейеүсө кыз* 'танцовщица' и др. В подобных сочетаниях слова *укытыусы*, *бейеүсө*, *көтөүсө* не являются причастиями, они, по словам профессора Н.К. Дмитриева, утратили черты глагольности и перешли в разряд существительных со значением профессиональности [Дмитриев 2007: 159].

Также отметим, что в словосочетаниях, состоящих из имени действия с аффиксом *-сы* и антропонимов (имя, фамилия), как, например, *языусы М. Карим* 'писатель М. Карим', *юлаусы Исламов* 'путник Исламов', слова *языусы* 'писатель' и *юлаусы* 'путник' являются именами существительными и выполняют функцию приложения. Например:

– *Аңла, мин ашығам, бик тә ашығам, – тине языусы Толстой, Перовскийзың тәкдиме менән ризалашмайынса* (Я. Хамматов). 'Пойми, я тороплюсь, очень тороплюсь', – сказал писатель Толстой, не соглашаясь с предложением Перовского.

По мнению А. Бейеша, причиной того, что башкирские языковеды *-ыусы* относят к аффиксам причастия, является неполное выяснение значений аффикса *-ған* в башкирском языке [Бейеш 1999: 77]. Он указывает на то, что А. Мансуров уже в своей первой книге пишет, что говорящий использует аффикс *-ған*, когда «констатирует результат или следствие действия (факта), не являясь свидетелем самого процесса, и в конечном счете судит о нем по косвенным данным со слов других» [Бейеш 1999: 77]. А профессор Н.К. Дмитриев отмечает, что такое объяснение значения аффикса *-ған* своими корнями уходит в дореволюционные татарские грамматики, «где аффикс *-ған* является аффиксом прошедшего времени и указывает на факт, свидетелем которого говорящий не был. Искусственность такого объяснения очевидна, однако башкирские языковеды все еще придерживаются такого мнения» [Дмитриев 2007: 132]. Попутно отметим, что данного мнения башкирские языковеды придерживаются и сейчас, спустя 90 лет.

Вышеприведенные примеры, взятые из учебников для школ и вузов, отчетливо показывают, что в грамматиках башкирского языка неверно трактуется образование причастий настоящего времени. В 1934 г., вследствие уподобления рус-

скому языку, аффикс **-ыусы** был искусственно введен в качестве показателя причастия настоящего времени. Чтобы подтвердить искусственно придуманную теорию, авторы учебников вынуждены были даже внести изменения в причастные формы в пословицах и произведениях писателей. Например, *Бөгөн эшләйсәк эште иртәгәгә калдырма* [Мансуров 1953: 143]. *Биреүсегә бишәү зә куп, алыусыга алтау за аз* [Зәйнуллин 2002: 206]. А пословицы звучат так: *Бөгөнгө эшеңде иртәгәгә калдырма*. 'То, что надо сделать сегодня, не оставляй на завтра'. *Биргәнгә бишәү зә куп, алганга алтау за аз* 'Отдающему и пяти много, а берущему и шести мало'. Они приводятся в оригинале в словаре пословиц профессора М.Х. Ахтямова [Әхтәмов 2008: 131, 138].

Все ученые в своих трудах отмечают, что слова с аффиксом **-ыусы** легко переходят в разряд существительных и функционируют как полноправные существительные, однако они считали и продолжают считать их причастиями настоящего времени. Аффикс **-ыусы** как форма причастия настоящего времени с легкой руки автора учебного пособия для педучилищ А. Мансурова (1934 г.) вот уже почти 90 лет без изменений переходит из одного учебника в другой, меняются только авторы. Не обращают внимание даже на высказывания классика отечественной тюркологии Н.К. Дмитриева (1950 г.). Он подчеркнул, что формы типа *алыу-сы* 'берущий', *барыу-сы* 'идуший' и т.д. в современном башкирском языке утрачивают черты глагольности и постепенно переходят в разряд отглагольных существительных со значением профессиональности: *укуу-сы* 'ученик', *укытыу-сы* 'учитель', *алыу-сы* 'покупатель', *һатыу-сы* 'продавец', *тотоу-сы* 'ловец', *языу-сы* 'писец' и т.д. Едва ли кто-нибудь посчитает причастиями настоящего времени такие слова, как *языусы* 'писатель', *укуусы* 'ученик', *укытыусы* 'учитель', а потому поместить их в раздел причастия настоящего времени будет искусственно и едва ли правильно [Дмитриев 2007: 159].

Таким образом, в башкирском языкознании существуют две точки зрения:

— первая: при помощи аффикса **-ыусы** образуются причастия настоящего времени: *осоусы* 'летчик', *ярзам итеүсе* 'помощник', *һайлаусы* 'избиратель' и др. [Әхмәр 1941: 103; Мансуров 1953: 145; Фәритов, Ғумәров 1949: 216–220; Зәйнуллин 2000: 214; Ишбаев 2012: 390; Псәнчин, Псәнчин 2001: 156–158; Байсурина-Бердигулова 2007: 69] и др.;

— вторая: профессор Н.К. Дмитриев и ученый-языковед А. Бейеш считают, что от имени действия на **-ыу** и аффикса **-сы** образуются отглагольные имена существительные: *тегеүсе* 'портной', *бейеүсе* 'танцор' [Бейеш 1999: 77], *укуусы* 'ученик', *алыусы* 'получатель' [Дмитриев 2007: 159, 2007: 222].

Мы придерживаемся второго мнения и считаем, что аффикс **-ыусы** не является формой причастия настоящего времени и что от имени действия (*исем кылым*) при помощи имяобразующего аффикса **-сы** образуются только существительные. Например, *бейеүсе* 'танцор', *бала караусы* 'няня', *һүз йөрөтөүсе* 'сплетник' и мн. др. [Усманова, Абдуллина 2013: 113–114; Түймебаев, Ескеева, Усманова 2018: 201–202].

Принадлежность отглагольных слов *алып барыусы*, *алыусы*, *языусы*, *ярзам итеүсе*, *барыусы* и др. к существительным или причастиям настоящего времени легко проверить: попробуем образовать от них причастия с аффиксом отрицания **-ма**. Как видим, от данных слов отрицательная форма не образуется: башкиры

никогда не говорят *язмаусы, алмаусы, ярзам итмәүсе, бармаусы*, значение которых по-русски и передать невозможно. Тем не менее такие формы в грамматиках были и есть: *эикә китмәүсе иптәштар* ‘товарищи, не идущие на работу’ [ГСБЛЯ 1981: 313], *язмаусы, һөйләмәүсе*. [Фәритов, Фумаров 1949, 218–219], *алмаусы, килмәүсе, ярзам итмәүсе*. [Кейекбаев, Фәлләмов, Фәритов 1969: 193; Кейекбаев һ.б. 1983: 233], *яратмаусы, бармаусы* [Байсурина-Бердигулова 2007: 67]. Таким образом, можно утверждать, что эти слова являются не причастиями настоящего времени, а существительными. Тем более, что отрицание наличия кого-либо/чего-либо в башкирском языке осуществляется с помощью модальных слов *юк* ‘нет, не имеется’, *түгел* ‘нет, не’, частиц *-һыз* (варианты *-һез, -һөз/-һөз*): *алып барыусы түгел* ‘он не ведущий’, *алып барыусы юк* ‘нет ведущего’, *алып барыусыһыз* ‘без ведущего’ и др.

Следует отметить, что анализ огромного количества фактического материала (художественная литература, фольклорный и диалектологический материалы, повседневный язык самих башкир и др.) показывает, что в башкирском языке глагольный аффикс *-ған* является универсальным: он выражает не только прошедшее время, но и настоящее и будущее времена. Данная особенность аффикса *-ған* относится и к причастиям. Заметим, что «широко представленное во всех современных кыпчакских языках и в тюркских памятниках, отражающих черты этих языков, причастие на *-ған* обнаруживает следы временной недифференцированности и нейтральности в залоговом отношении. Ср.: башк. *Xämzä jäšägän auiul* ‘Деревня, в которой жил Хамза...’; тат. *Xörmä üskän İspanija* ‘Испания, где растут финики’; ног. *Tamaqlary toq, qajqylary bolmagan balalar* ‘Дети, которые были сыты и у которых не было забот’ и т.д.» [СИГТЯ 1988: 457].

Причастие настоящего времени в башкирском языке действительно имеет две формы образования – простая и сложная формы, однако они в корне отличаются от форм, представленных башкирскими учеными.

Простая форма образуется при помощи аффикса *-ған* (фонетические варианты *-ған, -кан/-кән*). Сравните:

Повествовательное наклонение	Причастие настоящего времени
1) <i>Әсәйем ауылда йәшә-й</i> ‘Мама живет в деревне’.	<i>Ауылда йәшә-ған әсәйемде һағынам</i> букв. ‘Скучаю по маме, которая живет в деревне’. (Башкиры не говорят <i>Ауылда йәшәү-се әсәйемде һағынам</i>)
2) <i>Һине уйла-й-ым, көн дә искә ал-а-м</i> ‘Думаю о тебе, каждый день вспоминаю’.	<i>Һине уйлама-ған, искә алма-ған көн юк</i> букв. ‘Нет ни дня, когда бы не думал, не вспоминал тебя’.
3) <i>Безгә каршы бер машина кил-ә</i> ‘К нам навстречу едет машина’.	<i>Улым, безгә каршы килгән машинаны туктат әле</i> ‘Сынок, останови-ка машину, которая едет (или едущую) к нам навстречу’.

Анализ предложений дает основание сделать следующий вывод: в первых двух предложениях аффикс *-ған* выражает все три времени (прошедшее, настоящее и будущее). Например, в прошлом мама *жила* в деревне, *живет* сейчас, *бу-*

дет жить и в будущем. В третьем предложении аффикс **-ган** обозначает только настоящее время.

Приведем еще примеры: *Атайыңды белеусе юк (белеусе – существительное) // Атайыңды белгән кеше юк (белгән – причастие настоящего времени)* ‘Нет человека, **знающего** твоего отца’; *Арагызза тактала язылганды укый алмаган кеше бармы?* (обозначает настоящее время) букв. ‘Среди вас есть человек, который не может прочесть то, что написано на доске?’; *Ә шулай за йәмәгәтселектә төрлө имеш-мимештәр таратыла, былай за тыныс булмаган халыктың аңын кузгыта тора* (М. Хужин). ‘И все-таки среди общественности распространяются всякие слухи, будоражат без того беспокойный народ’; *Һезең атайыгыззы беләм булһа кәрәк, әгәр зә ул мин хәтерзә тоткан кеше булһа* (С. Карамов). букв. ‘Мне кажется, я знаю вашего отца, если он тот, которого я представляю в памяти’; *Түбәндә ашказан ауыртканда ашарга ярамаган ризык исемлеге бирелә* ‘Внизу дается список продуктов, которые не рекомендуется принимать при болезни желудка // которые нельзя принимать при болезни желудка’; *Хөрмәтле сәнгәт һөйөүселәр! Һеззе курайсы Роберт Юлдашевтың 12 майза Х.Әхмәтов исемендәге филармонияның зур залында булган концертына сақырабыз!* (Рекламанан). ‘Уважаемые ценители искусств! Приглашаем вас на концерт, который состоится 12 мая в большом зале филармонии’ (из рекламы).

Сложная форма образуется двумя способами: посредством сочетания деепричастия на:

а) **-а/-ә, -й** и вспомогательного глагола **тор-** в форме причастия на **-ган**. Например, *һыуга йөрөй торган һужмак* ‘тропинка, по которой ходят за водой’, *йәшелсә-емеш турай торган комбайн* ‘комбайн, которым измельчают овощи и фрукты’, *шал бәйләй торган энә* ‘спицы, которыми вяжут шаль’ и др.;

<i>Бейектә оса козгон кош,</i>	‘Высоко летает в небе ворон,
<i>Унан бейек осар ыласын бар.</i>	Еще выше сокол ввысь взмывает,
<i>Ыласындан да бейек оса торган</i>	Еще выше сокола могучий
<i>Кош батшаһы – кыйгыр бөркөт бар.</i>	Беркут, птичий государь, летает’.

(С. Юлаев)

б) **-п** (его фонетические варианты **-ып/-еп, -оп/-өп**) и вспомогательного глагола **тор-** в форме причастия на **-ган**. Например, *Сәхнәлә йырылап торган егет миңең ейәнем Ильяс* ‘Джигит, поющий на сцене, – мой внук Ильяс’; *Бер як ситтә япа-яңгызы горур киәфәттә торган* указлы мулла һәм мөхтәсип дәрәжәһендәге *Ишкужа карт оло улына, Камалетдинга, низер әйтте* (Я. Хамматов) ‘Одиноко и с гордым видом стоящий в сторонке указной мулла и мухтасиб старик Ишкужа что-то сказал старшему сыну, Камалетдину’.

Отрицательная форма образуется при помощи частицы **-ма**: *тотонмай торган акса* ‘деньги, которые нельзя тратить’, *бөтәһе лә белмәй торган хәбәр* ‘весть, которую не все должны знать’ и др.

Аффикс **-ган**, как уже было сказано, выражает значения всех трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. В частности, значения действия и состояния, содержащиеся в нижеприведенных примерах, свойственны всем трем плоскостям времени: *Сибайга барган юл беззең ауыл аша үтә* ‘Дорога, ведущая в Сибай, проходит через нашу деревню’; *Кыззар урманга китеп күп тә үтмәне,*

Сөнәгәт кәртә артына сызып яр буйлап киткән юл менән һыу үренә табан атланы (Дж. Кейекбаев). ‘Через некоторое время, как девушки ушли в лес, Сунагат вышел за хлев и по дороге, идущей по берегу, направился к верховью реки’; *Күгәрел тә ятқан Урал тауы – // Ете лә ырыу илдең төйәге* (Народная песня), букв. ‘Вдали синеющая гора Урал тау – это родина семи родов (башкир)’; *Кунагын яратмаган хужа бесәйен әрләр* (Пословица) ‘Хозяин, не любящий гостя, будет ругать своего кота’; *Туган телен кәзерләгән халык кәзерле булыр* (Пословица) ‘Народ, уважающий свой язык, будет уважаемым’.

Следует отметить, что ошибочное указание аффикса **-ыусы** как показателя формы причастия настоящего времени, невыяснение полной картины значений аффикса **-ган** (данный аффикс во всех грамматиках по башкирскому языку указывается только как показатель прошедшего времени) и неопределение его места в башкирском языке приводят к появлению грубых стилистических ошибок. Примеры:

Стилистически неправильное предложение	Исправленный вариант
<i>Улар был тупракты балсык сүлмәккә һаласактар за, бер касан да һаргаймаусы, япрак коймаусы гөл ултыртасактар</i> (И. Абдуллин).	<i>Улар был тупракты балсык сүлмәккә һалырзар за, бер касан да һаргаймаган, япрак коймаган гөл ултыртырзар</i> ‘Они положат эту землю в глиняный горшок и посадят никогда не желтеющий, не увядающий цветок’.
<i>Әйзәгез, без зә Өфө урамдары буйлап барыусы Юлдашка әйәрәйек</i> (журнал “Башкортостан укытыусыһы”, 2011).	<i>Әйзәгез, без зә Өфө урамдары буйлап барган Юлдашка әйәрәйек</i> ‘Давайте и мы присоединимся к Юлдашу, идущему по улицам города Уфы’.
<i>Матурлыкты шашып яратыусы Әхмүш Ямаев шул ук ярһыулык менән дан да һөйөүсе бер кеше ине</i> (Б. Бикбай).	<i>Матурлыкты шашып яраткан Әхмүш Ямаев шул ук ярһыулык менән дан да һөйгән бер кеше ине</i> ‘Ахмуш был человеком страстно любящим не только красоту, но и славу’.
<i>Ундай игландар хәзер эш табырға булышылык итеүсе махсус порталдарзагына түгел, ... тулып ята</i> (газета “Башкортостан”, 2016).	<i>Ундай игландар хәзер эш табырға ярзам иткән махсус порталдарзагына түгел, ... тулып ята</i> ‘Таких объявлений очень много не только на специальных порталах, помогающих найти работу, но и везде’.
<i>“Илен һөйөүсе кеше – яңгыз за яланда яугир!”</i> (И. Ғиззәтуллин).	<i>“Илен һөйгән кеше – яңгыз за яланда яугир!”</i> ‘Любящий свою родину человек и один в поле воин’.

Анализ печатных изданий, речи ведущих радио и телевидения показывает, что авторы и ведущие используют аффикс **-ыусы** и в тех случаях, когда в предложении имеются слова и даты, указывающие на прошедшее время. Например:

Әзәмдең һәм унан һуң хакимлык итеүсе Шамғундың (1118–1135) эске сәйәсәте халықта ризаһызлык тыузыра (журнал “Ағизел”, 2016).	Әзәмдең һәм унан һуң хакимлык иткән Шамғундың (1118–1135) эске сәйәсәте халықта ризаһызлык тыузыра ‘Внутренняя политика Адама и после него господствующего Шамгуна (1118–1135) вызывает недовольство народа’.
Урта быуаттарза йәшәүсе урта Волга буйы, Урал һәм көнбайыш ханлыктары (журнал “Ағизел”, 2016).	Урта быуаттарза йәшәгән урта Волга буйы, Урал һәм көнбайыш ханлыктары ‘Среднеповолжские, уральские и западные ханства, жившие в средние века’.
Кисә беренсе урын алыусы Кәримова Әлигә диплом тапшырыла (Поздравительное слово преподавателя вуза).	Кисә беренсе урын алған Кәримова Әлигә диплом тапшырыла ‘Вручается диплом Алии Каримовой, занявшей вчера первое место’
Батырша – башкорт ихтилалын ойоштороусы шәхес. (Ғ. Хөсәйенов)	Батырша – башкорт ихтилалын ойошторған шәхес. ‘Батырша – организатор башкирского восстания’ (Батырша – историческая личность, мулла и идеолог восстания 1755–56 гг. в Башкирии. – М.У.).

Иногда аффикс **-ыусы** используется и в тех случаях, когда в предложении есть наречие *һәр ваҡыт* ‘все время; вечно’, которое указывает на постоянную особенность чего-л./кого-л. во всех трех временных плоскостях (прошедшего, настоящего и будущего)

Шомбаев, кағыз кеүек, ап-ак йөзлө, ас яңаклы, һәр ваҡыт йылмайып тороусы акһыл зәңгәр күзле кеше. (И. Абдуллин)	Шомбаев, кағыз кеүек, ап-ак йөзлө, ас яңаклы, һәр ваҡыт йылмайып торған акһыл зәңгәр күзле кеше ‘Шомбаев был человеком с белым, как лист бумаги, лицом, с впалыми щеками, вечно улыбающимся бледно-голубыми глазами’.
Театр яратыусы дустарыбыз, һәр ваҡыт рәхим итегез! (Реклама по телевидению, 8.09.16).	Театр яратқан дустарыбыз, һәр ваҡыт рәхим итегез! ‘Всегда добро пожаловать, друзья наши – любители театра!’

Следует особо подчеркнуть: несмотря на то, что почти 90 лет во всех башкирских образовательных учреждениях учили, что аффикс **-ыусы** является формой причастия настоящего времени, большинство башкир грамотно пишут и разговаривают, используя древнейшую и наиболее свойственную языку форму причастий на **-ған**. Например:

Уның күззәре үлән төбөндәге үзенең бәләкәс кенә өңөнән имгәкләп **сыгып килгән** куңызга тукталды (М. Кәрим). ‘Его взгляд остановился на жуке, ползком вылезавшем из своей очень маленькой норы у корня стебля’.

– *Һинең әллә кайза урың араһында йөрөгән энең алма кеүек кызымды бирәһем юк!* (Дж. Кейекбаев). ‘Не выдам я свою красавицу-дочь за твоего брата, живущего невесть где среди русских’.

Тауыш күтәрәп, якынлашкан халыкка һыр бирмәскә тырышып, бай яһалма асыулы тауыш менән кысқырҙы (Я. Хамматов). ‘Стараясь не подавать виду приближающейся толпе народа, бай неестественно сердитым голосом закричал’.

Ә Бөркөтлө карағас, кайын, карагай урмандары менән капланған тауҙар араһында – Урал итәгендә ултыра (М. Кәрим). ‘А деревня Буркутлу расположена среди гор, покрытых карагачевыми, березовыми и сосновыми лесами – у подножия горы Урал’.

Етеп килгән // Килә яткан Яңы йыл менән котлайбыҙ! ‘Поздравляем с приближающимся // наступающим Новым Годом!’.

Также отметим, что некоторые русские прилагательные переводятся на башкирский язык в форме причастия настоящего времени с аффиксом *-ган*. Например, *незрелое яблоко – өлгөрмәгән, өлгөрөп етмәгән, беשמәгән алма; несовершеннолетний ребенок – бәлиг булмаган бала; неженатый сын – өйләнмәгән, буйзак улым; пушистая подушка – кабарып торған мөндәр* и др.

Таким образом, в башкирском языке с аффиксом *-ыусы* образуются только имена существительные, а не причастия настоящего времени.

Форма причастия настоящего времени в башкирском языке выражается аффиксом *-ган* (простая форма: *белгән тема* ‘тема, которую знаю’, *тәмәке тартмаган егет* ‘некурящий парень’) и сочетанием деепричастия на *-и* или *-а* со вспомогательным глаголом *тор-* на *-ган* (сложная форма: *йоклап яткан бала* ‘спящий ребенок’).

И все же возникает вопрос: для чего тогда нужна форма *-ыусы*, которую даже сами ученые-языковеды не всегда используют для выражения причастия настоящего времени? В частности, объясняя теорию о причастии настоящего времени с *-ыусы*, ученые используют не ту форму, которой они сами же учат, т.е. не форму с *-ыусы*, а совершенно другую – причастие на *-ган*, функционирующее в языке народа, но не представленное ими ни в одной из грамматик по башкирскому языку. Например, А. Мансуров, формулируя в учебнике для педучилищ правило о причастии настоящего времени, сам же употребляет форму причастия на *-ган*: *Хәзерге заман сифат кылымдар, гәзәттә, һөйләмдә исем алдында килеп, предметтың хәзер эшләнеү өстөндә булган эше буйынса билдәһән белдерәләр*. ‘Причастия настоящего времени обычно стоят перед существительным и обозначают признак предмета по действию, который совершается в данный момент’. Далее приводит пример на *-ыусы*, не свойственный языку башкир: *Көлтә ташыуысы егеттәр ашарға ултырҙылар* [Мансуров 1951: 184]. ‘Парни-возчики снопов сели кушать’. Правильно составленное предложение выглядит так: *Көлтә ташыган егеттәр ашарға ултырҙы*. ‘Парни, которые возят снопы, сели кушать’. То же самое наблюдается во всех учебниках и научных трудах по грамматике. В частности, в теоретических материалах о причастии и заданиях для учащихся, приведенных в учебнике «Башкорт теле» за 10–11 классы учеными В.Ш. Псян-

чиным и Ю.В. Псянчиным, причастия настоящего времени также употреблены с аффиксом на **-ган**. Например: *Сифат кылым тип зат менән үзгәрмәй торган һәм үзәндә кылымдың да, сифаттың да билдәләрен туплаган кылым формаһы һанала*. ‘Причастием называется безличная форма глагола, объединяющая в себе признаки глагола и прилагательного’; *Якшы белгән берәй уйынды тасуирлағыз, унда төрлө йүнәлешкә караган кылымдарзы кулланығыз*. ‘Опишите игру, которую вы хорошо знаете, при этом используйте глаголы различных залогов’; *Сифат кылымдың был формаһының мәгәнә үзәнсәлеге шунда, ул аңлаткан эш-хәрәкәт киләсәктә мотлак үтәләсәк* ‘Особенность значения данной формы причастия в том, что обозначенное им действие в будущем непременно сбудется’ [Псәнчин, Псәнчин 2001: 156, 158]. В учебнике «Башкорт теле», написанном для филологических факультетов вузов, на 30 страницах насчитывается 78 причастий настоящего времени с аффиксом **-ган**. Приведем несколько примеров: *Ижтимағи күренеш буларак, тел йәмғиәткә хас булган башка күренештәрҙән ни яғы менән айырыла һуң?* [Башкорт теле 2012: 5]. ‘Чем же язык, как общественное явление, отличается от других свойственных обществу явлений?’; *Башка телдәрҙәге кеүек үк, хәзерге башкорт телендә лә паронимия байтак киң таралган семасиологик күренештәрҙән һанала* [Башкорт теле 2012: 27]. ‘Паронимия в современном башкирском языке, как и в других тюркских языках, считается широко распространенным семасиологическим явлением’; *Төньяк-көнбайыш диалектка Башкортостандың төньяк-көнбайыш, көнбайыш райондарында, Пермь крайында, Свердловск өлкәһендә һәм Татарстандың айырым райондарында йәшәгән башкорттарзың теле карай* [Башкорт теле 2012: 9]. ‘К северо-западному диалекту относится язык башкир, проживающих в северо-западных, западных районах Башкортостана, в Пермском крае, в Свердловской области и в отдельных районах Татарстана; *Һузынқы өндәр буйынса айырылган варианттар*’ [Башкорт теле 2012: 24]. ‘Варианты, различающиеся по гласным звукам’. Примеры из труда академика М.В. Зайнуллина: *Әлбиттә, был хезмәт морфологияға караган бәтә проблемаларзы хәл итеү бурысын куймай...* [Зайнуллин 2002: 5]. ‘Естественно, данный труд не ставит перед собой цель решить все проблемы, касающиеся морфологии’; *Аныкlausы функцияһын үтәгән үткән заман сифат кылым таркау булырға мөмкин* [Зайнуллин 2002: 202]. ‘Причастие прошедшего времени, выполняющее функцию определения, может быть распространенным’; *Тейешлекте, кәрәклекте белдергән сифат кылым хәзерге башкорт телендә актив кулланыла* [Зайнуллин 2002: 211]. ‘Причастие, обозначающее долженствование, необходимость, активно используется в современном башкирском языке’ и мн. др.

Приведем статистические данные из электронного ресурса «Машинный фонд башкирского языка». Нами были рассмотрены по 150 предложений с аффиксами **-ыусы** и **-ган**. В общей сложности в 300 предложениях 135 словоформ являются причастиями настоящего времени, из них **47** с аффиксом **-ган**, а **88** с аффиксом **-ыусы**. Вновь следует отметить, что примеры на **-ыусы** очень трудно, почти невозможно перевести на русский язык, так как они чужды нашему языку и практически не используются в речи.

Приведем наиболее показательные примеры на **-ыусы**:

*Шул сак ул юл аша алпан-толпан атлап **сыгып барыусы** йозрок саклы йән эйәһен күреп калды: атын капыл туктатты* (И. Абдуллин). ‘В это время он заметил маленькое существо, которое переходило дорогу’;

Ә ырзын артында һыйыр ашатыусы малайзар туп һугып уйнай. ‘А за гумном мальчики, которые кормили коров, играли в мяч’;

*Бсынлап та, иҫ китмәле хәл: ук һымак ялт итеп кенә **калыусы** йәшендең көсө лә 50 миллион вольттан артык* (Ә. Байрамов). ‘Действительно удивительное дело: сила молнии, которая мгновенно мелькает как стрела, свыше 50 миллионов вольт’;

*Бригадир кабырғалары уттай кызған «буржуйка» тирәһендә **ултырыусы** эшселәрҙе күңеләнән генә барлап сықты* (Ә. Байрамов). ‘Бригадир про себя подсчитал рабочих, которые сидели вокруг сильно нагретой «буржуйки»’.

Примеры на **-ған**:

*Тоня, кем ул әле һинең эргәңдә **ултырған** кеше?* (А. Абдуллин). ‘Тоня, а кто это сидит рядом с тобой?’;

*Артта **ултырған** кешегә һак кына боролоп караны*. (С. Агиш). ‘Он с опаской посмотрел на человека, который сидел сзади’;

*...йомшаҡ кына йылмайып-көлөмһөрәп **барған** кыззарға Сергей куз төшөрҙө лә, хикәйәһен ялғап алып китте*. (А. Абдуллин), ‘Сергей бросил взгляд на мило улыбающихся-ухмыляющихся девушек и продолжил свой рассказ’;

*Ишек янында бәләкәй төргәк тотоп **баһып торған** Сергейҙы күреп, ул кәңәгәтһезлеген белдерҙе*. (А. Абдуллин). ‘Увидев у порога Сергея с маленьким свертком в руках, он выразил свое недовольство’.

Проанализировали мы и книгу (сборник статей) академика З.Г. Ураксина о башкирском языке «Телем миңең – язмышым». В 64 страницах башкирского текста (остальные статьи написаны на русском – 47 стр., 5 стр. на татарском языках) 119 словоформ представляют собой причастие настоящего времени, из которых 110 переданы формой **-ған**, а 9 – формой **-ыусы**.

Примеры на **-ған**:

Башкорттар был күрһәткес буйынса Республикала йәшәгән урыстарзан да, татарзарзан да калыша [Ураксин 2002: 11] ‘Башкиры по этим показателям отстают и от русских и от татар, проживающих в Республике’;

Бер генә илдә лә, бер генә республикала ла төп халықтың телен белмәгән президент булганы юк һәм булмаһ та (Башкортостан ғына шундай бер төбәккә эйләнеп куймаһа) [Ураксин 2002: 17] ‘Ни в одной стране, ни в одной республике не было и не будет президента, не знающего язык коренного народа (если только Башкортостан не превратится в один из таких территорий)’.

Улар тотош бер системаны тәшкил итә һәм бик әүзем кулланылған һүзәр рәтенә инә [Ураксин 2002: 71] ‘Они представляют собой целую систему и являются активно употребляемыми словами’.

примеры на **-ыусы** (приводим перевод данных предложений, преобразовав их в форму, соответствующую истинно башкирскому языку, так как формы с **-ыусы** переводу не подлежат):

Милли ұзаң иһә милләтте билдәләүсе мөһим сифаттарзың береһе. [Ураксин 2002: 84]. Правильно составленное предложение: *Милли ұзаң иһә милләтте билдәләгән мөһим сифаттарзың береһе* ‘Национальное самосознание один из важнейших качеств, определяющих нацию’;

Тел бынан тыш тотош халыктың рухи донъяһын, мазәниәтен сағылдырыуысы, быуындан-быуынга тапшырылыуысы берзән-бер кабатланмаҫ корал [Ураксин 2002: 97]. Правильно составленное предложение: *Тел бынан тыш тотош халыктың рухи донъяһын, мазәниәтен сағылдырған, быуындан-быуынга тапшырылған берзән-бер кабатланмаҫ корал* ‘Кроме этого язык является единственным и неповторимым орудием, отражающим духовный мир и культуру целого народа, который передается из поколения в поколение’;

Әзербайджанда ошо журналды нәшер итеүсе бер дуҫым әсенеп... әйткәйне [Ураксин 2002: 66] букв. ‘Один мой друг – издатель журнала в Азербайджане с горечью сказал ...’. Правильно составленное предложение: *Әзербайджанда ошо журналды нәшер иткән бер дуҫым әсенеп ... әйткәйне.* ‘Один из моих друзей, издающий в Азербайджане этот журнал, с горечью сказал ...’.

В языке радио и телевидения использование словоформ с аффиксом **-ыусы** встречается очень часто. В частности, вместо *бер нисә йыл ойошторолоп килгән спорт* ‘спорт, который организуется уже несколько лет’ по радио говорят *бер нисә йыл ойошторолоп килеүсе спорт* [БСТ., 12.04.14; вр. 18.50]; вместо *ихлас күңелдән ярҙам иткән дуҫтарығыз* ‘от чистого сердца помогающие друзья’ звучит *ихлас күңелдән ярҙам итеүсе дуҫтарығыз* [БСТ., 28.11.17; вр. 9.15]; вместо *Уларзың йөкмәткәһен ... һәр сәғәт һайын сыжқан һуңғы хәбәрҙәр... тәшкил итә* ‘Их содержание составляют выходящие каждый час последние новости...’ говорят *Уларзың йөкмәткәһен... һәр сәғәт һайын сығыуысы һуңғы хәбәрҙәр ... тәшкил итә* (Радио «Юлдаш», 10.02.14).

Применение башкирскими учеными, вопреки своим теориям, причастий на **-ған** говорит о том, что это и есть истинно народная, правильная форма, которая лежит у них в подсознании и которую они, сами того не осознавая, употребляют правильно, а подрастающему поколению преподносят искусственно придуманную, не свойственную башкирскому языку форму. Из-за этой теории ученых за 88 лет изрядно испортился истинный язык башкир, так как этих придуманных, искусственно созданных правил обязаны придерживаться печать, культура, радио и телевидение, не говоря уже обо всех образовательных учреждениях республики. Дело дошло до абсурда: должностные лица издательств добросовестно и исправно выполняют свою работу, полагаясь на правило, написанное нашими учеными в 1934 г. по примеру русского языка и дошедшее до наших дней без изменений, т.е. старательно исправляют в предоставляемых материалах формы с аффиксом **-ған** на **-ыусы**.

Башкиры свободно общаются на своем национальном языке, и у них достаточно правильных языковых средств, способных выражать значения насильно

внедренных форм, в нашем случае формы **-ыусы**. Нам необходимо приостановить распространение неуместного использования данного аффикса. Для этого необходимо просто понять и принять, что нет единого аффикса **-ыусы**, а есть имя действия на **-ыу**, от которого с помощью имяобразующего аффикса **-сы** образуются существительные со значением профессиональности (*әзерләүсе* ‘заготовитель’, *һайлаусы* ‘избиратель’), в которых утрачены черты глагольности, и вернуть башкирской грамматике родную форму **-ған** (*үсеп килгән быуын* ‘подрастающее поколение’, *мине кызыкһындырған һорау* ‘интересующий меня вопрос’).

Таким образом, нами поднята весьма серьезная и давно назревшая проблема, требующая своего правильного и грамотного разрешения. Надеемся на отклик научной общественности.

Литература

- Ахмеров 1958 — *Ахмеров К.З.* Краткий очерк грамматики башкирского языка // Башкирско-русский словарь. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. — С. 743—802. {*Akhmerov K.Z.* The brief essay on the Bashkir grammar // Bashkir-Russian dictionary. — М.: The State publishing house of foreign and national dictionaries, 1958. — P. 743—802.}
- Байсурина-Бердигулова 2007 — *Байсурина-Бердигулова Р.И.* Причастия в современном башкирском языке. Монография. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. {*Baysurova-Berdigulova R.I.* The participles in the modern Bashkir language. Monograph. — Ufa: Editorial and Publishing Centre of Bashkir State University, 2007.}
- БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / Ответ. редактор З.Г.Ураксин. — М.: Издательство “Дигора”, “Русский язык”, 1996. — 866 с. {Bashkir-Russian dictionary. / Executive editor: Z.G. Uraksin. — М.: Publishing house “Digora”, “The Russian language”, 1996. — 866 p.}
- Абдуллина Вәлиева Ишбаев 2012 — *Абдуллина Г.Р., Вәлиева Г.Д., Ишбаев К.Ф. һ.б.* Башкорт теле. Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. — Өфө: Китап, 2012. — 615 бит. {*Abdullina G.R., Valieva G.D., Ishbayev K.G. et al.* The Bashkir language. A course for students of a high educational philological faculty. — Ufa: Kitap, 2012. — 615 p. In Bashkir.}
- Бейеш 1999 — *Бейеш Ә.* Тел хикмәттәре. — Өфө: Китап, 1999. {*Beyesh A.* The wisdoms of language. — Ufa: Kitap, 1999.}
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / Под редакцией А.А.Юлдашева. — М.: Наука, 1981. — 495 с. {Grammar of the modern Bashkir literary language / Edited by A.A. Yuldashev. — М.: Nauka, 1981. — 495 p.}
- Дмитриев 1948 2007 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — Л., 1948; М.: Наука, 2007. {*Dmitriev N.K.* Grammar of the Bashkir language. — Leningrad, 1948; М.: Nauka, 2007.}
- Дмитриев 1950 2008 — *Дмитриев Н.К.* Башкорт теленең грамматикаһы. — Л., 1950; Өфө, 2008. {*Dmitriev N.K.* Grammar of the Bashkir language. — Leningrad, 1950; Ufa, 2008. In Bashkir and Russian.}
- Зәйнуллин 2002 2005 — *Зәйнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. — Өфө: БДУ, 2002; Өфө: Китап, 2005. {*Zaynullin M.V.* The modern Bashkir literary language. Morphology. — Ufa: Bashkir State University, 2002; Ufa: Kitap, 2005. In Bashkir.}
- Ишбаев 2012 — *Ишбаев К.Ф.* Кылым // Башкорт теле. Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. — Өфө: Китап, 2012. — 353–397-се биттәр. {*Ishbayev K.G.* The Verb. // The Bashkir language. A course for students of a high educational philological faculty. — Ufa: Kitap, 2012. — P. 353–397. In Bashkir.}
- Кейекбаев 1966 — *Кейекбаев Ж.Ф.* Хәзерге башкорт теле. — Өфө, 1966. {*Keyekbayev Zh.G.* The modern Bashkir language. — Ufa, 1966. In Bashkir.}

- Кейекбаев Ғәлләмөв Фәритов 1969 — *Кейекбаев Ж.Ф., Ғәлләмөв А.А., Фәритов Х.С.* Башкорт теле дәреслеге. 5—6 кластар өсөн. Фонетика һәм морфология. — Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1969. {*Keyekbayev Zh.G., Gallyamov A.A., Faritov Kh.S.* The Bashkir language: a school textbook. For 5th and 6th grades. Phonology and morphology. — Ufa: Bashkortostan book publishing house, 1969. In Bashkir.}
- Кейекбаев Ғәлләмөв Фәритов Азнабаев Сәйетбатталов 1976 1983 — *Кейекбаев Ж.Ф., Ғәлләмөв А.А., Фәритов Х.С., Азнабаев Ә.М., Сәйетбатталов Ф.Ф.* Башкорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. — Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1976; 1983. {*Keyekbayev Zh.G., Gallyamov A.A., Faritov Kh.S., Aznabayev A.M., Saitbattalov G.G.* The Bashkir language. A textbook for pedagogical colleges. — Ufa: Bashkortostan book publishing house, 1976; 1983. In Bashkir.}
- Мансуров 1951 1953 — *Мансуров Ә.* Башкорт теле грамматикаһы. I китеп. Фонетика һәм морфология. Ете йыллыҡ һәм урта мәктәптең V—VI кластары өсөн дәреслек. — Өфө: Башгосиздат, 1951; 1953. {*Mansurov A.* The grammar of the Bashkir language. The 1st volume. Phonology and morphology. A textbook for 5th and 6th grades of a 7-year and middle school. — Ufa: Bashgosizdat, 1951; 1953. In Bashkir.}
- Псәнчин 2001 — *Псәнчин В.Ш., Псәнчин Ю.В.* Әсә теле. 10—11 кл. — Өфө: Китап, 2001. {*Psyanchin V.Sh., Psyanchin Yu.V.* The mother tongue. 10th and 11th grades. — Ufa: Kitap, 2001.}
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. редактор Э.Р.Тенишев. — М.: Наука, 1988. — 560 с. {The comparative and historical grammar of Turkic languages. Morphology. / Executive editor: E.R. Tenishev. — M.: Nauka, 1988. — 560 p.}
- ТГ 2002 — Татар грамматикасы. Өч томда. Морфология. II том. — Мәскәү—Казан: “Инсан”, “Фикер”, 2002. — 448 бит. {The Tatar grammar. In three volumes. Morphology. The 2nd volume. — M.—Kazan: “Insan”, “Fiker”, 2002. — 448 p.}
- Түймебаев Ескеева Усманова 2018 — *Түймебаев Ж., Ескеева М., Усманова М.* Қазақ және башқұрт тилдерінің салыстырмалы грамматикасы. Түркітану сериясы. — Алматы: Казыгурт, 2018. {*Tuytebayev Zh., Yeskeyeva M., Usmanova M.* The comparative grammar of Kazakh and Bashkir languages. The Turkological series. — Almaty: Kazygurt, 2018. In Kazakh and Bashkir.}
- Ураксин 2002 — *Ураксин З. Г.* Телем — миңең язмышым. — Өфө: “Ғилем” нәшриәте, 2002. 118 бит. {*Uraksin Z.G.* My language — my destiny. — Ufa: “Ghilem” publishing house, 2002. 118 p. In Bashkir.}
- Усманова, Абдуллина 2013 — *Усманова М.Ф., Абдуллина Ф.Ф.* Башкорт теле. 5—9 кл. Теория. — Өфө: Китап, 2013. {*Usmanova M.G., Abdullina F.F.* The Bashkir language. 5th to 9th grades. Theory. — Ufa: Kitap, 2013. In Bashkir.}
- Фәритов Ғумәрөв 1949 — *Фәритов Х.С., Ғумәрөв Ф.* Башкорт теленең грамматикаһы. Фонетика һәм морфология. Педучилищелар өсөн дәреслек. — Өфө: Башгосиздат, 1949. {*Faritov Kh.S., Gumerov G.* Grammar of the Bashkir language. A textbook for pedagogical colleges. — Ufa: Bashgosizdat, 1949. In Bashkir.}
- Әхмәр 1941 — *Әхмәр К.* Башкорт теле. Педучилищелар өсөн дәреслек. — Өфө, 1941. {*Akhmer K.* The Bashkir language. A textbook for pedagogical colleges. — Ufa, 1941. In Bashkir.}
- Әхтәмөв 2002 — *Әхтәмөв М.Х.* Хәзерге башкорт теле. — Өфө: БДУ, 2002. {*Akhtyamov M.Kh.* The modern Bashkir language. — Ufa: Bashkir State University, 2002. In Bashkir.}
- Әхтәмөв 2008 — *Әхтәмөв М.Х.* Башкорт халыҡ мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. — Өфө: Зәйнәб Бишшева исемендәге “Китап” нәшриәте, 2008. {*Akhtyamov M.Kh.* Dictionary of Bashkir national proverbs and sayings. — Ufa: Publishing house “Kitap” named after Zaynab Biisheva, 2008.}
- [Электронный ресурс]: <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusv4> (15–16.04.2018). {[An electronic resource]: <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusv4> (15–16.04.2018).}

Сокращения

- башк. – башкирский
 БСТ – Башкирское спутниковое телевидение
 тат. – татарский
 ног. – ногайский

The Present Participle Active and ways of its expression in the Bashkir language

Minsylu Usmanova

Ufa

Summary: It is considered in the Bashkir linguistics that for expression of notion of *the Present Participle* two forms are used. According to the Bashkir linguists, the simple form is formed by an affix **-ыусы**: *языусы* 'writing', *йәшәүсә* 'living', *озатыусы* 'seeing off', etc.; the complex form — by combination of so called adverbial **-a**-participle with an auxiliary verb **тор-** in the form of so called **-ған**-participle: *шәл бәйләй торған (әнә)* 'needles, which are used to knit the shawl', etc.

There is also other point of view concerning an affix **-ыусы** in the Bashkir linguistics. The scientists N.K. Dmitriyev and A. Beyesh consider, that verbal nouns in Bashkir are formed by an action noun (a form with the **-ыу-** affix) followed by the **-сы-** affix: *мәзәүсә* 'dressmaker', *бейеүсә* 'dancer', *укуыусы* 'pupil', *алыусы* 'recipient', *караусы* 'inspector', *һатыусы* 'seller'. We also adhere to this opinion.

The Present Participle Active in the Bashkir language has virtually two forms — one is *simple*, and another is *complex*, however, our data are completely different from the forms, presented by other Bashkir scientists. *The simple form* is formed by an affix **-ған**: *Ауылда йәшәгән әсәйемде һағынам.* — literally: 'I miss my mother, who lives in the village'; the *complex form* is formed by the combination of an adverbial participle, ending in **-п** or **-а** with an auxiliary verb ending in **-ған**: *Инде баланы табырға өмөттәрен өзгәндә генә кар астынан сығып торған бер тукыма кичәген күрәп калалар.* (М. Кәримов). 'While have already despaired to find the child, they have seen the piece of matter which is sticking out from under snow'.

Keywords: Bashkir language, verb, participle, the present tense, affix, simple form, complex form.

Сведения об авторе

Усманова Минсылу Губайтовна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ ХАКАСОВ

Н.С. Майнагашева

г. Абакан

Резюме: В процессе исследования национальной специфики культуры того или иного народа важно выявление особенностей национального образа мира. Пространственные представления хакасов проявляются в произведениях фольклора и художественной литературы в наиболее часто встречающихся образах воды/реки и земли/горы/степи, которые являются основными компонентами космогонии хакасов.

Многократно повторяющиеся в эпосе хакасов и шорцев образы степи, горы, реки-моря с эпитетами *ах* 'белый', *кõк* 'зеленый' и 'синий' – это не только эпитеты, выражающие особенности определенного географического пространства, но и важнейшие понятия, отражающие специфику мифопоэтического пространства. Народ придавал этим объектам особое значение и непременно включал их образы в свои песни, сказания, передавая из поколения в поколение. Литература как преемница художественных традиций фольклора отражает эти основополагающие понятия пространственных представлений народа. Н.Г. Доможаков и К.Т. Нербышев в своих романах отразили свою национальную среду с ярко выраженной, своеобразной пространственной структурой мира.

Ключевые слова: национальный образ мира, образ пространства, эпос, лирическая песня *тахпах*, хакасский роман, Н.Г. Доможаков, К.Т. Нербышев

Пространство является одной из важнейших категорий в восприятии мира любого народа, и каждый народ в пространстве выделяет объекты, в которые вкладывает определенный смысл. Особенности восприятия пространства отдельным народом непременно получает отражение в его культуре. Как отмечает А.Ф. Кофман, художественный образ «своего» пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных или региональных культур [Кофман 1997: 25].

Рассмотрим специфику отражения пространственных представлений хакасского народа в произведениях фольклора и литературы. Актуальность этой темы заключается в том, что в процессе исследования национальной специфики культуры того или иного народа важным становится выявление особенностей национального образа мира как воплощения этнического менталитета. Также исследование этнической идентичности народов в век глобализации представляется важ-

ным и интересным, так как в эпоху глобальных кризисных процессов наиболее уязвимыми становятся народы с малой численностью, языки и культура которых находятся на грани исчезновения. К малочисленным народам относятся и хакасы.

Для выявления специфики образа пространства в произведениях литературы хакасов нами были рассмотрены наиболее часто встречающиеся этнокультурные образы и мотивы. В качестве материала для исследования были выбраны тексты романов Н.Г. Доможакова «Ыраххы аалда» («В далеком аале», 1960) и К.Т. Нербышева «Кӱгӱм хорымнарда» («У Синих утесов», 1983). Изучение пространственных представлений народа, проявляющихся в художественной литературе, пожалуй, невозможно без раскрытия данного аспекта в произведениях фольклора. В этой связи нами были рассмотрены специфические особенности отражения образа пространства в жанре лирической песни – *тахпах*, а также в эпосе – *алыптыг нымах*. На наш взгляд, роль народной песни в формировании национального самосознания и выражении образа мышления, характера народа достаточно высока. Пение в народе всегда связано с эмоциональными переживаниями, с образом жизни – как с событиями в жизни отдельного человека, так и с повседневностью. Слова «Песня – душа народа» истинны и неопровержимы. В традиционной песне народа не может не проявляться специфика его образа мира. Хакасы говорят: «Что вижу, о том и пою». Это важное замечание, которое характеризует тахпах. С целью выявления специфики национального образа мира, а вместе с тем и пространственных представлений народа, нами рассмотрены наиболее часто встречающиеся в хакасском тахпахе этнокультурные образы и мотивы, воссоздающие национальный мир – природу, быт и психологию народа.

В тахпахе традиционным является упоминание объектов родной природы: гор, рек, озер, степи, неба, а также связанных с этими объектами образов – наиболее устойчивых, часто повторяющихся, особо выделяемых и обладающих определенной семантикой. Например, в рассмотренных нами тахпахах из сборника «Хакасские народные тахпахи» [Унгвицкая 1980], посвященных разным темам (родина, природа, труд, любовь, женитьба и др.), *земля/гора, степь и река* встречаются чаще всего. Можно сказать, что эти универсалии в представлении хакасов неразделимы и лежат в основе всех других. На хакасском языке *чир-суз* (буквально ‘земля-вода’) означает ‘родина’. При этом эти два слова употребляются и по отдельности в значении конкретной местности и могут заменять друг друга. М. Унгвицкая отмечала, что «отдельные картины природы, нарисованные во множестве тахпахов, воссоздают реальную картину родной стороны – таежной и горной, степной Хакасии, края многих рек и озер. Образ родины ассоциируется с родной рекой...» [там же: 14].

Таким образом, многократно повторяющиеся в тахпахе образы *ах тасхыл* ‘белая вершина’, *кӱк тасхыл* ‘синяя вершина’, *ах чазы* ‘белая степь’, *кӱк чазы* ‘зеленая степь’, *ах талай* ‘белое море’, *агыр/игір суз* ‘извилистая река’ – это не только художественная специфика тахпаха или выражение особенностей географического пространства, но и важнейшие мотивы, выражающие особенности мифопоэтического пространства и мировосприятия народа. Хакасы, издавна видя перед глазами широкие степи и обживая их, поклоняясь высоким горам, непременно включали их образы в свои песни. Это, скорее всего, не набор простых эпитетов, а «типовые, народно-отстоявшиеся зрительные представления» [Гачев

1988: 70] хакасов о степи, горах и реке, своеобразные общезначимые для мировосприятия народа понятия и характеристики. Хакас, испокон веков осваивая пространство широкой степи и высоких гор, стал гармоничным с ним, он принял все его координаты, и это пространство стало для него «своим», поэтому и поет он о том, что окружает его изо дня в день. Здесь установлен его сакральный центр – дом, здесь пасутся его стада коров, табуны лошадей и отары овец. Такую же характеристику степи наблюдаем и в других произведениях фольклора: в сказках, преданиях, героических сказаниях. Например, в героическом сказании «Албынчи»: *Хадарганда көп малы Ах чазаа чайылып парган. / Ах одын оттап чөріпчедедір, / Көк одын чіп чөріпчедедір* [Алыптыг нымахтар 1951: 13]. ‘Скот [его] многочисленный / Разбрелся по белой степи. / Пасется на белой траве [степи], / Ходит-ест зеленую траву [степи]’. (Перевод наш. – Н.М.).

При анализе художественного пространства хакасского эпоса нами выделены следующие повторяющиеся образы, наделенные особым смыслом: *сын* ‘гора’, ‘хребет’, ‘перевал’; *хыр* ‘возвышенность’, ‘гребень горы’; *тасхыл* ‘высокая безлесная гора’, ‘цепь высоких гор’; *чазы/сөл* ‘степь’; *талай суу* ‘великая река’, ‘море’. Наиболее часто встречающийся образ горы, хребта или перевала в хакасских сказаниях характеризуется как *ах сын* ‘белый горный хребет’, ‘белый перевал’; *хара сын* ‘черный горный хребет’; *аргалыг сын* ‘хребет с высоким гребнем’; *тастыг сын* ‘каменистый хребет’; *азырых сын* ‘горный хребет с ветвями’; *таг пөзігі* ‘самая высокая из [всех] гор’; *пөгіні чох сын* ‘бесчисленное количество гор/хребтов’; *кілің сын* ‘сверкающая гора’; *ат асчаң аргалыг сын* ‘горный хребет, через который [обычно] лошади спускаются’; *ат аспас аргалыг сын* ‘горный хребет, с которого конь не спускается’.

В эпосе отчетливо прослеживаются пространственные оппозиции. Гора выступает своеобразной границей между «своим» и «чужим» пространством. Незвестность, опасность, «чужая» территория за горой в хакасском и шорском языках обозначается как *аархы чир* ‘дальняя сторона’, ‘противоположная сторона’. В противоположной стороне горы/хребта сама природа не такая, как на земле богатыря. Например, Пора Хан в сказании «Тюлгю хызыл Алып Хыс» («Рыжая дева богатырша») поднимается на белый хребет и видит, что там «нет леса, чтобы спрятаться зверю, нет даже ручейка, чтобы птице сесть» [Алыптыг нымахтар 1951: 80]. Горам как месту обитания солнечного человека противопоставляется подземный мир, называясь в эпосе *чир чабызы* ‘низина земли’, ‘самое низкое место во Вселенной’. Также солнечная земля богатыря противопоставляется подземному миру как райская земля, ср. *күн сыгызы чир* ‘земля, где солнце всходит’ vs. *күн кірізі чир* ‘земля заката’.

Горами, рядом горных хребтов защищена земля богатыря – сакральное пространство, которое обозначается сочетаниями *ах сын* ‘гора’, *ах/көк чазы* ‘белая/зеленая степь’, *алтын сарчын* ‘золотая коновязь’, *ах өрге/уб* ‘белый дворец/юрта’. В свою очередь, эти объекты сформированы вокруг одного из важнейших опорных элементов космогонии – *чир-суу* ‘родина’. В эпосе чаще всего именно на горе происходят самые важные события: битва богатыря с богатырями-захватчиками, переговоры с богатырями-чужеземцами, состязания с другими богатырями и суженым (или суженой), с горы богатырь осматривает не только свои земли, свой народ и скот, но и владения других ханов-богатырей.

*Аргалыг сынның үстүнде
Аттарын тохтадып,
Аархы сарин ікі чахсы,
Айланып, көр турганнар.
Ах хум сынның алтында
Синемча мал чөр парган,
Ах хум талай хазында
Синемча чон чуртап парган*
[Алтын Арыг 1988: 141].

На вершине высокого хребта
Коней своих осадили,
Придерживая [коней] двое благородных
Стали осматривать другую сторону [хребта].
У подножия хребта Ах-хум
Скота ходило не очень много.
На берегу великой реки Ах хум
Народа жило не очень много
[Алтын Арыг 1988: 142].

Образ горы непременно связан с трудностями, которые преодолевает богатырь, – это может быть и непроходимая тайга, и крутые скалистые хребты. Порой богатырь проходит через множество хребтов, чтобы достичь цели. У многих народов гора наряду с мировым деревом (как порождением земли) является архетипом центра Вселенной. Гора у хакасов входит в число священных объектов. В.Е. Майногашева отмечает, что в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» дева Ай-Чарых «как вознаграждение за спасение сил и ума Ай-Хуучин Богом-творцом навечно определяется жить на вершине горы Ах-сын (Белый хребет), куда взлетает, приняв облик ласточки» [Майногашева 2015: 84]. В эпосе *таг* ‘гора’, пожалуй, всегда упоминается вместе с *чазы* ‘степь’. *Ах чазы* и *көк чазы* (‘белая степь’ и ‘зеленая степь’) являются органической частью «своего» пространства, здесь чаще всего находится дом родной, скот и владения богатыря – *чурт* (см. [Майногашева 2017]).

*Ах иб алнында айланып,
Харап көр турадыр,
Халын чахсы чуртын
Тобыра көр турадыр,

Сөл чазыдагы малын
Сани көр турадыр
Улус – аймах чон
Улуг чыргалда чуртапчадыр,
Чалбах чазыда хадарган мал
Чайылып, отапчададыр.*

[Алтын Арыг 1988: 11]

Повернулась и на улицу вышла,
Перед белым домом она ходит,
Пристально смотрит,
Свое богатое, хорошее владение
Внимательно рассматривает,
Скот, что в пустынной степи [пасется],
Оглядывает и считает.
Народ – разные люди
Живут [здесь] в свое удовольствие,
Пасущийся в просторной степи скот
Во все стороны разбредается

[Алтын Арыг 1988: 12].

Образы степи, горы и реки могут выступать как элементы «чужого» пространства, преграждая путь герою. Таков, например, образ сухой, колючей степи, пришедший в фольклор из шаманской мифологии. И эта степь характеризуется как неживая: *сөл чазы*, *хум чазы* ‘пустыня’; *саасхан түспес сарыг сөл*, *хухун түспес хуба сөл* ‘желтая степь, на которую сорока не спускается’, ‘голая степь, на которую ворон не садится’.

Важной частью «своего» пространства в эпосе являются *талай* или *тиңіс талай* ‘великая река’ и *сүттiг көл* ‘молочное озеро’ как образы праматери жизни. Великая Река обозначается как *ах талай* ‘белая великая река’, *хара талай* ‘черная великая река’ и *көк талай* ‘синяя великая река’. Владения богатыря-хана и народ его со скотом обязательно находятся на берегу великой реки, реки-моря

или молочного озера. В эпосе ханы-богатыри выходят к белому морю, умываются белой пеной, мылом с лошадиную голову или просто водой, обретая при этом силу и молодость. Так, например, в хакасском эпосе «Рыжая дева-богатырша» Хан-Арыг после того, как сама разрешила пуповину после рождения ребенка, отправляется умыться к *ax талай* как бы с целью искупления греха, так как пуповину должны отрезать старухи. Вода имеет очистительную силу. В шорском эпосе процесс именнаяречения богатырей часто происходит на берегу великой реки-моря.

Насыщенность текстов сказаний образами горы, степи, реки-моря свидетельствует о своеобразии пространственной структуры мира хакасов, в которой воплотились особенности миропонимания народа, система ценностей и традиции. По традиционным представлениям хакасов, Вселенная состоит из трех миров: нижнего, срединного (или солнечного) и верхнего. В эпосе это четко прослеживается. Все вышеописанные объекты относятся к срединному – солнечному – миру и, как в зазеркалье, могут наличествовать в нижнем мире, так как богатыри солнечного мира легко перемещаются в подземный мир через *чир тўнўзи* ‘отверстие в подземный мир’, а богатыри подземного мира приходят в солнечный мир. *Чир алты* ‘подземный мир’ относится к «чужому» пространству. Пожалуй, у хакасов нет такого сказания, где бы не упоминались богатыри – разные демонические существа подземного мира – как обычные враги богатырей солнечного мира. В потустороннем мире обычно текут черные реки (или вовсе отсутствуют), цветут черные тальники, богатыри спускаются с черного хребта на песчаную степь, а у черного дворца-юрты стоит черная коновязь, к коновязи привязана черная или серая лошадь. Солнце и луна здесь половинчатые (*чамдых ай* ‘половинчатая луна’; *чамдых кўн* ‘половинчатое солнце’). Порой сказители не объясняют особенности этого мира, а просто говорят «земля с другой почвой» или «реки с другой водой», что означает «чужое» пространство.

Как нам представляется, многократно повторяющиеся в эпосе хакасов образы степи, горы, реки-моря, как и в тахпахе, отражают специфику пространственных представлений народа, и литература, как преемница фольклорных традиций, в свою очередь, отводит этим образам особую роль. В прозаических произведениях современных хакасских писателей достаточно глубоко и панорамно раскрывается жизнь и быт народа. Несомненно, и Н.Г. Доможаков и К.Т. Нербышев в своих романах живо и масштабно отразили свою национальную среду.

Роман Н.Г. Доможакова «В далеком аале» был переведен Г.Ф. Сысолятиным на русский язык, и за полвека пережил многочисленные переиздания в центральных изданиях нашей страны; также роман переведен на тувинский, латышский, киргизский языки. По мотивам романа Свердловской киностудией (режиссер В. Лысенко) в 1977 г. снят фильм «Последний год Беркута». Первый в хакасской литературе роман отображает глубокие социальные перемены в жизни хакасской деревни после революции 1917 г. Именно поэтому первый хакасский романист, как и многие авторы того времени, не избежал идеологизированного изображения событий и характеров, стремления показать в центре конфликта социально-классовые отношения. Непреходящим и ценным является присущее Н.Г. Доможакову живое, полное и яркое отображение жизни народа, явлений окружающего мира. В романе пространственно-временная хронология прослеживается в истории семьи русского кузнеца Федора Полинцева, по воле случая оказавшейся в

незнакомом хакасском селении. В то же время сюжет романа многолинеен – в нем одновременно присутствует несколько параллельных сюжетных линий. Это события, связанные с судьбой семьи деда Хоортая – дочери Домны, зятя Сагдай, внуков Сабиса и Кнай, семьи местного богача Хапына, его брата Пичона Почкаева, шамана Аларчона, людей из народа – Каноя, Марик, Ату, Онис, Апах и др. Н.Г. Доможаков с интересом воспроизводит обычаи, традиции, вековой уклад жизни хакасов.

В романе Н.Г. Доможакова, как мы обнаружили, значительное место отведено описанию *чазы* ‘степи’ как «своего» пространства, как исконного места жительства хакаса-скотовода. *Чазы* представляется как великое, бесконечное пространство, как место, где пасутся тысячи лошадей, коров и овец. Основными его обитателями являются люди-скотоводы и скот. В этой степи огромному количеству скота хватает еды на круглый год, а упитанный скот предполагает благосостояние самого человека и народа в целом. Реальное пространство – *чазы* – не пусто, а наполнено жизнью, и прежде всего скотом. И именно количеством скота, а не золотом мерили богатство и состояние человека в этом пространстве. В романе Н.Г. Доможакова этот пасущийся скот принадлежит богачам Пычону и Хапыну, но пасут и ухаживают за ним в степи батраки: Каной со своей супругой пасут молодняк, Домна с дочерью смотрят за овцами, а ее муж с сыном (Сагдай и Сабис) – за табуном лошадей. Каждый из них свое дело знает и с любовью относится к своим питомцам. И неважно, чей это скот – хозяйский (чужой) или свой, все они смотрят за ним, как за своим. Тем самым автор показывает исконное отношение народа к традиционному роду деятельности – скотоводству. Каной со своей супругой не представляют свою жизнь без степи и скота. «*Хомай нимес чуртас Каной ирепчинің. Хачан даа тизек, арых чызы хада. Оң-пазы түктіг инек малларны көрерге сіліг. Каной ирепчи хайди поларчыхтар, сынап Хапың оларны малдаң сыгарыбысса? Арыг өлім. Мал чох олар чуртап полбасчыхтар аалда – эрістіг*» [Доможаков 1960: 62]. ‘Неплохая жизнь у Каноя с супругой. Всегда здесь запах навоза. Красиво наблюдать за коровами разных мастей. И что бы с ними было, если Хапын освободил бы их от этой работы? Смерть, да и только. Они бы не смогли прожить без скота – скучно’ (*Подстрочный перевод текста романа здесь и далее наш. – Н.М.*¹).

Степь в романе Н.Г. Доможакова выступает доминирующей координатой. Образ степи в романе, как и в фольклоре, обладает глубокой значимостью. Степь и кормит, и одевает, и греет. Растительность степи, на первый взгляд, скудна, но в ней есть пища для скота – круглый год. Сагдай, глядя во время водопоя на лошадей на берегу реки Чобат² и эту безграничную степь, каждый раз радуется, как

¹ Несмотря на то, что роман Н.Г. Доможакова имеет достаточно полный художественный перевод на русский язык, автор статьи предпочел подстрочный перевод, т.к. в тексте перевода встречаются все же некоторые неточности.

² *Чобат* в переводе на русский язык означает ‘печаль’, ‘мука’, ‘страдание’; производное слово от глагола *чобадарга* ‘мучить’, ‘печалить’. В романе Н.Г. Доможакова многие топонимы символичны. Здесь река Чобат выступает как мощный символ уходящей жизни и времени. А гора Чалбах – Широкая гора – выполняет своеобразную функцию защиты «своего» пространства.

будто впервые видит эту картину: *«Сагдай пу хоосты төремил көредір, че көрген сай агаа пасха ла хоостар осхас пілдірче. Ол пу сомны пір дее харах азырбин көр турарчы, хачан даа өрінер: о, хайди өрінмес! Пу чатхан чир чалбахта Сагдай мўнген аттарның туйгахтары теңмеен орын чох таа полар. Пу маллар чи? Оларны ол прайзын тўктеп таныпча; мында Сагдай изер салбаан чабас мал чоғыл, оларның чалаң хайдаг чөрізін, нинче сыдамағын – прай пілче»* [там же: 134–135] ‘Сагдай эту картину каждый раз наблюдает, и каждый раз ему она кажется новой. Эту картину он наблюдал бы вечно, не спуская глаз, и всегда будет радоваться: о, как же не радоваться! На этой земле нет такого отрезка, где бы ни ступали копыта лошадей, которых оседлал Сагдай. А эти лошади? Каждую из них он знает по масти; здесь нет ни одной смирной лошади, которую бы Сагдай не оседлал, их ход, выносливость – все знает он’.

Через образы Сагдая, Домны, Каноя автору удается передать традиционное представление народа об окружающем мире и о степи в частности. Для них степь – дом родной, они являются органической частью этого простора, только здесь они чувствуют свою нужность, здесь они видят смысл жизни. Сагдаю, пасущему лошадей, ничего не стоит заночевать в степи, ему с детства знакомы все звуки и запахи ночной степи: *«Сагдайга чазыда аалдаң даа истіг хонарга. Сагдай хырых сигіс чазының чарымызын чазыда хонган полар»* [там же: 128] ‘Сагдаю ночевать в степи даже лучше, чем в селе. Из своих сорока восьми лет он большую часть, пожалуй, ночевал в степи’.

Точно так же и скот бая Хапына уходит иногда на сотни верст от Хызыл кёл (Красного озера) и ночует там, где ночь застанет. Художественное воплощение образа степи в романе Н.Г. Доможакова таково, что это открытое пространство хотя и бескрайнее, но в то же время имеет свои границы и свои законы. В степи человек-скотовод живет не одно тысячелетие полной, самодостаточной жизнью. Деревянные юрты, жилище скотоводов-хакасов, находящееся посреди степи, в романе Н.Г. Доможакова сливаются с пейзажем и ничем не выделяются на общем фоне. У хакасов юрты деревянные – капитальные, свидетельствующие об оседлости, привязанности к родной земле, определенному участку земли – горе, степи и реке. Границы степи как «своего» пространства тоже имеются, и это непременно горы. Домна в моменты тревоги за мужа и сына, пасущих лошадей, мысленно обходит эти границы: *«Аның сағызы пірде Хуу хырзар, Оглах тагларзар нар килче; пірееде хыр азыра хой хадарчатхан Кнай хызычаанаң хада чөрчетче»* [там же: 69–70]. ‘Мысленно она то на вершине горы Хуу, то на горе Оглахты, а то и за сопками, где доченька Кнай пасет овец’.

Другой составной частью этого пространства в романе является река Чобат. Н.Г. Доможаков дает описание реки как живой субстанции. Река Чобат имеет свой характер: *«Улуг чолдаң тастых аал Чалбах тигейінің хабырғазында хоостал турған. Тигей төзінче хуба чазыны өтіре Чобат суг чат партыр. Чалбах тигейінің үстүнең көрзең, Чобат суг, хара чохыр хыл аргамчы тартыл парган чіли, көрін турған: пірее чирде аның суу хазарчададыр, пірее чирде чарлары харалызадыр. Чобат, ыраххы көк тасхыллардаң сас ат чіли атығып сығып, тўс чазыда, казаң ат чіли, чадап ла чылчатхан... Че Чобат сагамгы ізіг чайгы кўннерде амыр, эрінчек ахчатча. Пірее чирлерде аның суу орчык чіли, тірлектен турча, пірее чирлерде оох сайны азыра сыбыранып толапча. Оогас тастар суг өтіре үзүгі чох*

харах сыгынысчалар...» [там же: 27] ‘Вдали от большой дороги на склоне горы Чалбах виднелась деревня. Под горой по белой степи тянется река Чобат. С вершины горы Чалбах река Чобат смотрится черно-пятнистой шелковой нитью: то в некоторых местах воды ее сверкают, то берега чернеют. Река Чобат начинает свой ход с далеких синих горных вершин, словно конь дикий, в ровной степи ползет ленивой клячей... Сейчас в жаркий летний день Чобат бежит тихо и лениво. Местами ее воды крутятся в воронке, а кое-где река журчит, перескакивая через мелкую гальку. Мелкие камешки сквозь прозрачную воду без конца подмигивают’.

По сути в романе Н.Г. Доможакова мы наблюдаем ту же картину, что и в героических сказаниях: у подножья горы, в степи, находится поселение народа (это его земля), и здесь же течет река Чобат, по своим функциям выполняющая роль эпической великой реки или реки-моря, которая дает жизнь обитателям этого пространства, она поит людей и скот, дает им силы, питает землю и все живое: *«Чобаттың түрлілектіг толгалызы орты күннің пызыңназына күмүстеліп сағылчатхан. Тас итчең орынның алтынзар тарта кизек ухустыг таглар алтында Чобат суг, хызымның чарлар үтеп, чазаа сыхчатхан; чазаа сыхпинаң, Чобат аллыг-аллыг чайындылар тастап парыбысхан. Эне ол чайындыларда чылгылар хоос кизектернең суға турглапчалар. Хайзы тумзухтарын суға сас салган, аны хынып чыстаан чіли, турглапчатханнар, пірее маллар хумда чатх-лапчатханнар, хайзылары чар хамаан кимірчеткеннер, хучурлыг чирні тайнап, пасхалары – чеенчїлерї, ізіг дее полза, тахталган даа чир полза, тайнанчаан на тайнан чөргеннер; хулуннар, чарга сегіріп, суға кире сегірізіп, күрегїсчеткеннер...»* [там же: 133]. ‘Блестящие завитки Чобата серебром блестели на полуденном солнце. Ниже места, где дробили камень, ниже группы островерхих гор, Чобат, пробиваясь между узкими берегами, выходит в степь; выйдя в степь, широко разливается. Вот на этих разливах лошади красиво группами стоят на водопое. Некоторые стоят, носом уткнувшись в воду, как бы с удовольствием нюхая ее, другие валяются на песке, третьи грызут что-то у берега, учуяв солончак, а самые прожорливые, несмотря на жару и вытоптанную траву, все жуют и жуют; жеребята играют, то заходят в воду, то выскакивают на берег’.

А.Ф. Кофман отмечает, что «в литературе все пространственные характеристики функционируют гораздо более широко, представляясь одновременно характеристиками психологическими, онтологическими и культурологическими. Создавая образ национальной среды, писатель сознательно или бессознательно выстраивает модель своей культуры» [Кофман 1997: 25]. Природный мир в романе Н.Г. Доможакова противопоставляется городскому через описание города Минусинска. Двадцать третья глава романа так и называется – «Невиданное», в которой описывается повседневная жизнь города. Город как «чужое» пространство для хакаса раньше освоен в романе отрицательными героями – Пычонном, Хапыном, Тоёном. Они со многими другими баями давно пользуются услугами города и успели здесь стать своими: *«Пычоннаң Тойоң – туңмалыг ачалыг ол харазын тооза арага іскеннер, чиис чееннер, карт ойнааннар. Ниме зе паза! Хапыңнинаң хаап халганнар Пычонның сылтаанда. Тойоңа хыныг ла. Ачазы Пычон агаа көрбеен татхыннарны сыннатырча. Мындох садынчатхан, кізі омазын чідір салган ипчїлер тимде. Картчы пайлар – хаас, хойбал пайлары... Минсугда андаг туралар тутчалар, хайда ісчелер, карт ойнапчалар, ипчї садыт алчалар.*

Кір тур оларға істенчі парасханның хуруғ тамырының ханы, пұғұр пилінің тирі хакас пайларның ханнығ холлары пастыра» [там же: 296]. ‘Пычон и Тойон – дядя с племянником – всю ночь пили, ели, играли в карты. Что же еще! Благодаря Пычону отхватили у Хапына. Тойону весело. Старший родственник дает попробовать ему то, чего он раньше не знал. Здесь же рядом женщины легкого поведения. Картежники баи – качинские, койбальские богачи... В Минусинске держат такие дома, где выпивают, в карты играют, женщин покупают. Кровь и пот бедняка-труженика дает им прибыль через кровавые руки хакасских баев’.

Это начало изменения родного мира, начало разрушения «своего» пространства. Об изменении родного мира свидетельствует тот факт, и это достаточно подробно описано в романе, что Минусинск, ранее хакасское селение, с прибытием русских стал превращаться в город. Но изначально здесь народ жил таким же образом, как и во всех других селениях хакасов – стояли юрты под горой, рядом с речкой: *«Ол тустарда хойыг харагайлыг пөзік тағлар төзінде сірлезіп ахчатхан улуг кічіг Мин сууцахтар хастада, Тағыр чілең хастада көс чөрүең хакастарның киис иблері анда-мында турчаңнар»* [там же: 297]. ‘В те времена под высокими горами с соснами вдоль мелких речушек Мин и высохшей протоки Тағыр там и здесь стояли переносные войлочные юрты хакасов’.

Теперь здесь все по-другому, чем ранее, как было в традиционном мире хакаса – форма жизни, быт, ценности, дома. Большая река в романе разделяет два мира – свой и чужой, два по-разному организованных мира. Неспроста героиня романа Домна, отправившись в Минусинск, подходя на подводах к парому, выпрыгивает и пытается бежать прочь. Автор романа смотрит на этот «чужой» мир своим и сторонним взглядом, глазами Арины Петровны, русской женщины, волей судьбы оказавшейся со своей семьей среди хакасов, и глазами представителя далекой хакасской деревеньки – Домны.

Таким образом, сформированное мифологическим и фольклорным сознанием пространственное представление хакасов о степи как об особом пространстве – *чазы* – сохраняется в литературе, что демонстрирует роман Н.Г. Доможакова «В далеком аале».

В романе «У синих утесов» К.Т. Нербышева предпочтение при описании пространства отдается горе, как это видно и из самого названия. Роман К.Т. Нербышева написан спустя тридцать три года с момента выхода в свет романа Н.Г. Доможакова и тоже посвящен теме установления советской власти в хакасских селениях. Это событие стало одним из ключевых в истории хакасского народа, определившее всю его последующую жизнь, поэтому художественное осмысление этого исторического факта важно для национальных писателей. В национальной литературе оно продолжается и поныне. Герои К.Т. Нербышева, жители маленького села, разделились на два лагеря в процессе борьбы за новую и старую жизнь. По одну сторону – герои, принявшие советскую власть и ведущие за нее активную борьбу (Ягор Чисперов, Хызапья Софоновна, Рамей, Потылицын), по другую – те, кто хочет остаться независимым и вести отдельное хозяйство (Уртунчек, Чулгус-Торчых, Хара Хыс, Хабан-Кешке).

Пространственный образ горы в романе К.Т. Нербышева также является репрезентативной реалией «своего» пространства. Мифообраз горы занимает важное место в культуре хакасов. Горы испокон веков считались священными. Сами

хакасы считали себя вышедшими из горы. А хозяева и духи гор могут наказывать или покровительствовать человеку. Восхождение на гору в романе связано с обзором определенной территории, близлежащих земель. С вершин этих гор видны дали, степи, реки. Герои романа – Ягор, Хызапыя, Иван Петрович – смотрят на деревни с вершины горы (холма или сопки), раздумывая о своем будущем и будущем всего народа. Они уподобляются тем богатырям из эпоса, которые с вершины белого хребта осматривают свой *чурт* – владения. Объезжая близлежащие деревеньки, которые нужно было организовать в новообразованный колхоз, герои романа «У синих утесов» всегда с восхищением смотрят на горы и тайгу и наслаждаются их видом. «*Ягор таңнап көрген төреен чирин. Ол партизан чолларында Ким индире тайгалыг пөзик сыннарны көргөнөк, че мында аринча пасха полган. Тайгалыг өзеннер көк түдүн өңниг кииде ыгым турганнар. Хачан даа кизи азагы паспаан осхас пос, аллыг чатхан тайгалар*» [Нербышев 1983: 112]. ‘Ягор с восхищением рассматривал родную землю. В годы партизанства вниз по Енисею он видел высокие перевалы с тайгой, но здесь все было иначе. Таежные ложбины плотно стояли в синеве. Словно никогда нога человека не ступала здесь, дикая, бесконечная тайга’.

Картину тайги, гор на протяжении всего романа сопровождает синева как признак священного (небесного) и символ чистоты замысла действий героев. «*Хайхастыг чир Көгим Хорымнар! Чайгыда, хысхыда хайдаң тартылча неер андаг чуга көк киш! Ол түдүн нимес. Ап-арыг киш. Че, чарым даа пирста иртин, хайбагын көр – пайаа ла турган орның андагох чуга көк түдүн кииде. Неке аннаңар мында чылның ноо даа тузы иң сiliг полча. Аннаңар, неке, хус табызы даа өтиг сыңырап истилче Көгим Хорымнарда. Абахай хайраххан чирим! Өңниң иң аймагы, үнниң иң хоозы синде полар. Анзын хатап оңарган Хызапыя Софоновна*» [там же: 77]. ‘Удивительная земля эта – Синие утесы! Откуда летом и зимой тянется здесь эта тонкая синева! Это не дым. Чистый-пречистый воздух. Но, пройдя полверсты, оглянешься – место, где недавно стоял, в той же тонкой синеве. Наверное, поэтому у Синих утесов птичьи голоса звонче. Красива, божественна родная земля! Разнообразие цветов, красота звуков в тебе. Все это заново открывала для себя Хызапыя Софоновна’. «*Көк кииге сүргенип, хоостал турчалар Хакас чириниң пир пулиш, көгилбей өңниг таглар*» [там же: 206]. ‘Укутавшись синевой, стоит уголок Хакасии – синие горы’.

В романе К.Т. Нербышева все лирические отступления связаны с рассуждениями о родной природе, горах и тайге. Так, Хызапыя, возвращаясь на родину через много лет, чувствует свою вину перед родиной, что, покидая эту землю, она проклинала ее из-за бандита, насильника Сакиса. Но теперь она, увидев родные горы, преображается внутренне и внешне, она понимает, что именно к этому миру шла всю жизнь, пройдя через многие другие, чужие, земли. Именно эти места видела много лет во сне. И ничего дороже нет родных гор, непременно соотносящихся с родной землей и водой/рекой: «*Аның көрізінде читі хорым таглар сыннары, Ат киспес чулычах істі, Марачылыг чамдых теен часпаң орыннар. Азбанның оң чарларына теере парчан чазыл чадыбысханнар. БІрах нместегі Көгим хорымнар аалдаң адайлар үрізі вата осхас нымзах кииче үзікти истіл парчалар. О! Кізінің төреен пулуцазы! Полган на төңіеенең, хайаачаанаң таныстыг. Аннаңар, неке, хайда даа чөрзе, иң чахсы түстерінде түзелчең полар пу*

орыннар...» [там же: 59]. 'Перед ее взором вершины семи синих утесов, поймы речки Ат киспес, Солончаковые места с отлогими спусками. Тянутся до самого правого берега Абакана. С деревни Синие утесы, что расположено невдалеке, по мягкому, как вата, воздуху, доносится лай собак. О! Родной уголок! Знакомы каждый пригорок, каждая скала. Поэтому, наверное, где бы ни была она [Хызапья], в лучших своих снах видела эти места'.

Хызапья приходит к мысли, что никогда больше ее не оставит. И родная земля отблагодарила ее: трудилась и прожила она здесь до глубокой старости, строила новую жизнь, и в девяносто лет имела возможность видеть эту синеву гор.

Границы «своего» пространства для героев романа обозначены Саянскими горами, куда ушли многие противники новой власти, в том числе и Сакис. Родная земля священна для всех и каждого, в том числе и для отрицательных персонажей. Так, Сакис, хорошо устроив свою жизнь на чужой стороне, все время вспоминает местечко у Синих утесов, с тоской смотрит в сторону гор: *«Өзелітігі хайланып-сарнанып көрчеткен ол часпаң көк тайгалар үстүн азыра»* [там же: 113]. 'Напевая, тоскливо смотрел он через отлогую синюю тайгу'. Однажды он пытается вернуться, но на границе встречает пограничников, путь его оказывается закрыт: *«Ўр дее полбаанда, чабызах күрең хамаан чырылдыра тудыбызып, тоң хакас тілінең хысхырып, чоохтаныбысхан: «Чирімзер ізік чабых ноо! Сакис саңай халча ба мында?! Чарирох, – хычаныстыг үннең хысхырыбызып, нандыра адына хамчы сапхан»* [там же]. 'Чуть погода, сморщив невысокий загорелый свой лоб, на чистом хакасском языке крикнул: «Дверь закрыта, оказывается, на мою родину! Сакис навсегда остается здесь?! Что ж, пойдет, – крикнул угрожающим голосом и ударил коня плетью'.

Эту землю считают своей и другие отрицательные персонажи, такие как Хулатай, Чоос, Тодан, которые чужими считают «красных», в том числе Ягора. Они считают, что ни к чему новая жизнь, что эти «красные» – люди без родины, а они сами «живут на своей земле, и никто не вправе что-то им диктовать». Для жителей этого горно-таежного края «свое» пространство – особое; они считают «чужими» даже тех хакасов, которые прибыли из степи. Таков, например, Ягора, который впервые в жизни встретил живого медведя и не знает, как себя вести, так как он не знает законов гор и тайги. А Сакис, оказавшись в Туве и увидев сначала в чужой стороне голые степи, чуть не заплакал, он не увидел похожих на свою землю гор и тайги: *«Иң настан Соян тагларын азыра киліп, Сакис, ээн чазы чирлерні көр салып, сала ылгап салыбыспаан»* [там же: 116]. 'Впервые перевалив через Саянские горы, Сакис, увидев голые степи, чуть не заплакал'.

Родная мать-земля в романе представлена в образе горы и связывает всех своих детей, разделенных идеологией, войной и временем.

Таким образом, вода и земля (гора и степь) являются важнейшими компонентами космогонии хакасов. Это наиболее часто встречающиеся в произведениях фольклора и литературы образы. На примере романов Н.Г. Доможакова и К.Т. Нербышева можно говорить о существовании в хакасской литературе достаточно цельного и специфического образа «своего» пространства, идущего от мифа и фольклора.

Литература

- Албынчи 1951 — Албынчы // Алыптыг нымахтар (Героические сказания на хакасском языке) / сост. В. И. Доможаков, Д. И. Чанков. — Абакан, 1951. С. 13—98. {Albynchy // Alyptygh nymakhtar (The heroic stories in Khakass) / Compilers: V.I. Domozhakov, D.I. Chankov. — Abakan, 1951. P. 13—98.}
- Алтын Арыг 1988 — Алтын Арыг. Хакасский героический эпос / запись и подг. текста, статья, перевод и коммент. В. Е. Майногашевой. — М., 1988. {Altyn Arygh. The Khakass heroic epic literature / Writing down and preparation of text, article, translation and commentary by V.Ye. Maynogasheva. — M., 1988.}
- Гачев 1988 — Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. — М., 1988. {Gachev G.D. National images of the world. The general questions. Russian. Bulgarian. Kirgiz. Georgian. Armenian. — M., 1988.}
- Доможаков 1960 — Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. Роман. — Абакан, 1960. {Domozhakov N.G. Yrakhkhy aalda. (In a faraway aal). A novel. — Abakan, 1960.}
- Кофман 1997 — Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. — М., 1997. {Kofman A.F. The Latin American artistic image of the world.}
- Майногашева 2015 — Майногашева В. Е. Некоторые мифологические и эпические сюжеты и мотивы фольклора хакасов и древневосточные космические легенды // Хакасский героический эпос алыптыг нымах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). Абакан, 2015. С. 71–89. {Maynogasheva V.E. Some mythologic and epic subjects and motives of the Khakass folklore and ancient Eastern cosmic legends // Khakass heroic epic poem alyptygh nymakh: in search of historic facts and periodisation (selected works). Abakan, 2015. P. 71–89.}
- Майногашева 2017 — Майногашева Н.С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев // Вестник Северо-Восточного университета. № 4(08) 2017 С. 17–28. {Mainagasheva N.S. Reflection of the traditional image of the world in the Khakass and Shor epic (literature) // Vestnik of North-Eastern Federal University. No. 4(08), December 2017. P. 17–28.}
- Нербышев 1983 — Нербышев К.Т. Көгим Хорымнарда. Роман. — Абакан, 1983. {Nerbyshhev K.T. Kögim Khorymnarda. A Novel. — Abakan, 1983. In Khakass.}
- Тюлгю хызыл Алып Хыс 1951 — Тюлгю хызыл Алып Хыс // Алыптыг нымахтар (Героические сказания на хакасском языке) / сост. В.И. Доможаков, Д. И. Чанков. — Абакан, 1951. С. 101—156. {Tyulgyu khyzyl Alyp Khys // Alyptygh nymakhtar (The heroic stories in Khakass.) / Compilers: V.I. Domozhakov, D.I. Chankov. — Abakan, 1951. P. 101–156.}
- Унгвицкая 1980 — Унгвицкая М. А. Хакасские народные тахпахы. — Абакан, 1980. {Ungvitskaya M.A. The Khakass folk takhpakhs. — Abakan, 1980.}

The image of space in Khakass folklore and literature

Nina Maynogasheva

Abakan

Summary: It is crucial to identify the peculiarities of the national image of the world in the process of studying the national specificity of the culture of a particular ethnos. Spatial representations of the Khakass people are manifested in the works of folklore and fiction in the most frequently encountered images of water / river and earth / mountains / steppes, which are the main components of the cosmogony of the Khakass.

The images of the steppes, mountains, rivers-seas with the epithets *ax* “white”, *көк* “green” and “blue”, which are frequently repeated in the epos of the Khakass and Shors, are not only the epithets expressing the peculiarities of a certain geographical space, but also the most important concepts reflecting the specificity of the mythopoetic space. The people attached special importance to these objects and permanently included their images in their songs and legends, passing them from generation to generation. Literature as a successor to the folklore artistic traditions reflects these fundamental concepts of the spatial representations of the nation. N.G. Domozha-

kov and K.T. Nerbyshev reflected their national environment with a clearly expressed, peculiar spatial structure of the world in their novels.

Keywords: national image of the world, image of space, epos, lyric song takhpah, Khakass novel, N.G. Domozhakov, K.T. Nerbyshev

Сведения об авторе

Майнагашева Нина Семеновна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского НИИЯЛИ, г. Абакан, e-mail: Nina_71@inbox.ru

ОТРАЖЕНИЕ ТРАГЕДИИ ВОЙНЫ В ПОЭМЕ И. ЮСУПОВА «ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ»

К.П. Мамбетов

г. Нукус

Резюме: Творчество каракалпакского поэта И. Юсупова разнообразно как по тематике, так и своему жанровому составу. Различные аспекты творчества известного мастера слова были изучены рядом каракалпакских ученых-литературоведов. В данной статье изучается отражение трагедии войны в поэме И. Юсупова «Гнездо соловья» и предпринимается попытка на основе проведенного анализа определить жанровую природу произведения.

Ключевые слова: поэма, жанр, художественный образ, синтез

Видный представитель каракалпакской литературы, народный поэт Каракалпакстана и Узбекистана И. Юсупов внес неоценимый вклад в развитие национального искусства слова, став достойным продолжателем традиций Мактымкули и Ажинияза. Различные аспекты творчества И. Юсупова были ранее исследованы рядом ученых-литературоведов Каракалпакстана [Есемуратов 1976; Максетова 1991; Хамидова 1999]. В данной статье мы исследуем поэму И. Юсупова «Гнездо соловья» с целью определения жанровой природы данного произведения.

Поэма И. Юсупова «Гнездо соловья», посвященная теме Второй мировой войны, стала заметным явлением в поэзии 1990-х годов. Основная идея поэмы – призвать к предотвращению войн во всем мире, показывая трагедию, пережитую Каракалпакией во время Второй мировой войны:

*Дунья ҳазир аласатлы, топанлы,
Огыры хуреили, еси алаңлы.
Ол қәўип-қәтерли шеңгел астында,
Курық басқан бүлбил уясы яңлы.
Бузыўға қаст етип даўыллар келер,
Сел-буришағын айдап, жаўынлар келер,
Сагаллар сүйкелер, жылан өрмелер,
Көз-қулақ болмасақ биз оған егер.
Сары аўыз, темир қанат палапан,
Еплеп улар оны еписиз алақан,
«Егер түсип кетсем, жуўапкерсең!» деп,
Шүйкилдеп турғандай туйылар маған... [Юсупов 1987: 122]¹*

¹ Здесь и далее отрывки из поэмы цитируются по указанному источнику.

Перевод: ‘Сейчас мир беспокойный, тревожный, очень страшный, взбудораженный. Он как гнездо соловья с насиженными яйцами, (свитое) под опасным терновником.

Налетают ураганы, стремясь разрушить (его), дожди идут, нагоняя ливни и грады, шакалы трусят (об него), змеи приползают, если мы не будем за ним следить.

Желторотый птенец с железными крыльями (т.е. только-только оперившийся), неуклюжие ладони осторожно берут его, кажется мне, что он пищит, говоря: «Если упаду, (будешь) ты в ответе!»...²

С целью творческого воплощения данной гуманистической идеи автор проводит параллель между Природой и Человеком, и описание вечного их единства способствует глубокому проникновению содержания произведения в сознание и душу читателя.

Следует отметить, что в поэме вырисовываются три сюжетные линии. Первая и основная – это судьба человека, переданная через описание событий из жизни сладкоголового соловья – каракалпакского учителя, точнее – Человека. Вторая сюжетная линия, которую можно назвать социальной, исходит из первой; в ней раскрывается трагическая судьба соловья как частички природы. В поэме проступает и третья, завуалированная сюжетная линия, которая вытекает из синтеза предыдущих двух, – это повествование о вечной борьбе между Добром и Злом.

Конечно, такой подход не нов для поэта, ибо И. Юсупов и ранее продуктивно использовал в своём творчестве различные художественные приемы. Например, соединяя в своей творческой лаборатории легенды, предания и другие образцы каракалпакского фольклора с историческими сведениями, в поэме «Тумарис» поэт создал незабываемый образ царицы массагетов Тумарис (Томирис), полностью совпадающий с идеалом каракалпакского народа. Через синтез мифологического сюжета и реалистического описания в аллегории «Гнев Посейдона» на первый план выдвигается извечная тема единства Человека и Природы.

И. Юсупов как поэт стремится к тому, чтобы каждое его новое произведение имело большую силу эстетического воздействия, чем предыдущее, воспринималось с особым чувством и, преследуя эту цель, находится в постоянном поиске своеобразных, неповторимых красок. Поэт выступает против стереотипного мышления, следовательно, он сознательно подходит к выбору творческого материала и, таким образом, выходит за рамки обычного читательского восприятия.

Как видим, наряду с описанием истории жизни соловья, И. Юсупов во главу повествования поэмы «Гнездо соловья» ставит стремление показать судьбу человека, и, таким образом, в композиции произведения наблюдается попеременное чередование описываемых событий.

В первой части автор сумел мастерски синтезировать описание разрушения свитого в терновнике соловьиного гнезда и заботу лирического героя о восстановлении гнезда; во второй – параллельно с образной передачей красивой природы и будней каракалпакского аула, поэт воссоздает красочную картину из жизни сладкоголового учителя и его семьи; также аллегорически описывается

² Подстрочный перевод автора статьи.

сцена разрушения теплого гнезда, когда учитель вместе с другими джигитами отправляется на защиту Родины против фашистских захватчиков:

*Уясы бузылган, шөби шашылып,
Шеңгелликке кирдим тырналып эсте,
Сары аўзы топыраққа басылып,
Жерде жатыр қус баласы нәресте. [там же: 123]*

*Ел абат, бағларда ашылды гүллер...
Бирақ, урыс басланды, хәммеге мәлим.
Аўыл толы тасырлаған жигитлер
Бәри кетти, кетти муғаллим. [там же: 125]*

Перевод: ‘Гнездо разрушено, разбросаны травы (т.е. прутья), осторожно пробрался в терновник, поранившись (о колючки), желтый рот землей испачкан, на земле лежит ребенок птицы, младенец...’

Страна процветает, в саду раскрылись цветы... Но началась война, (как) всем известно, аул, полный рослых джигитов, все ушли на войну, ушел (и) учитель.’

Созвучна с третьей четвертая часть, в начале которой автор показывает насиживание соловьем одного-единственного яйца, «признание им законов жизни с светлыми стремлениями, благими порывами», долгое ожидание момента выхода птенца из яйца и появление на свет птенца после томительного ожидания; далее – тяжелую работу оставшихся в тылу девушек и женщин, стариков и старух; томительное ожидание момента, когда их сыновья, братья и мужья наконец-то вернутся с войны; самоотверженный труд жителей аула ради Победы и, наконец, получение первых весточек с фронта, а в семье учителя – появление на свет младенца – его первенца:

*Шеңгел арасына уя салганда,
Тикен тырнамаған жери қалған ба?
Сол сызлап аўырған жаралар питип,
Жата берди уйқылы-ояў салманда.
Қурқ басқан қуслардың сабыры зыяда,
Азып-тозып сарғаяды уяда.
Сепкил мәйек бир күнлери жарылып,
Қус нәсили шықты жақты дұньяға. [там же: 126]*

Перевод: ‘Было ли у него (на теле) место, не поцарапанное колючками, когда свивал гнездо среди терновника? Эти ноющие раны зажили, лежал он там, сонный и бессонный.’

Сильнее всех терпение у птиц, которые насиживают яйца, (и, сидя) в гнезде худеют, устают (в ожидании). Когда однажды конопатое яйцо, в светлый мир вышел потомок птицы.’

*Аишы қамшы тийген аттай артынан,
Күнлер өтер аўыр мийнет тарпыған.
Алыстағы қанлы мийнет жалыны
Жүреклерди жас қайыңдай шарпыған.*

...Атыз басындагы бүктиң ыгында,
 Хаяллар қулперең, машақат шегип. –
 Жабырласып атты еркек жолатпай,
 Мәс болып қулисти көпке узатпай.
 – Сүйинши сора мугаллимниң үйинен,
 Хәй, табилшик бала, жууыр, қууат? хай! [там же: 127–128]

Перевод: ‘Как будто конь, стегнутый сзади огненной камчой, проходят дни, полные тяжкого труда, пламя кровавых трудов тех, кто находится вдалеке, словно молодую березу, опалило.

... В безветренной стороне кустарника (, растущего) на меже поля, женщины уставшие, терпят трудности, галдят, не давая подойдя мужчине. Чуть он отошел, засмеялись весело:

– Эй, мальчик – табилшик (т.е. табельщик), беги, силы мои! Проси суинши («сүйинши» – поощрение за хорошую весть) у домашних учителя?.

Далее в поэме рассказывается о том, как в гнездо соловья пробирается змея, как соловей был спасен ежом (6-я часть), а молодая жена учителя стала объектом домогательств «плохого» аулаткома («аулатком» – председатель аульского исполнительного комитета), как молодой табельщик поддерживал жену учителя (7-я часть) – все эти события взаимодополняют друг друга.

Картина, в которой соловей, так и не сумев выстоять против превратностей судьбы, погибает, а под его холодным телом остается в живых маленький птенец (8-я часть), мастерски переплетена со сценой, где, получив «черную бумагу» («қара қағаз» – повестка о смерти воина), молодая жена учителя, обесчещенная аулаткомом, не вынесла такого позора и, оставив маленькую дочь свекрови, покинула аул, после чего старая мать учителя была вынуждена одна воспитывать свою внучку (9-я часть).

И. Юсупов достигает эпической целостности содержания произведения, целенаправленно придерживаясь последовательной связи композиционных частей поэмы, что дает возможность обеспечить логическую неразрывность цепочки событий.

В заключительных частях поэмы автор приводит эпизод, когда птенец соловья уже подрос и улетел в поисках цветника; дочь учителя становится сладкоголосой артисткой и отправляется со своей матерью на поиски отца, объявившего себя погибшим, но им не суждено было свидеться...

Одной из важных особенностей поэмы является её глубокий лиризм, т.е. преобладание в «Гнезде соловья» описания чувств и переживаний. Но данное обстоятельство не может в полной мере служить основанием, чтобы утверждать: «“Гнездо соловья” – в жанровом отношении лирическое произведение» [Мамбетниязов 1993: 194]. Ибо «в лирике властвуют собственные раздумья, мечты, настроение и мысли... “Я” в стихотворении не должно принадлежать только самому автору, а присуще многим, и если он далек от этого (включено мной – К.М.), то становится скучным для читателя, остужает его душу. Характерные черты лирики в следующем: в ней имеет место (включено мной – К.М.) образность, законченность мысли, описанные автором события, чувства, хотя и отражают любовь или ненависть, или же присущие всем свойства, лирика пишется

только стихами. Здесь нет сюжета, явно бросающегося в глаза, что обычно наблюдается в других жанрах, а мысли и раздумья поэта, полные пафоса, замещают собой (включено мной – К.М.) сюжет» [Есемуратов 1976: 82].

Наряду с лиризмом, в поэме «Гнездо соловья» основное место занимает реалистическое повествование событий. Выражаясь точнее, персонажи произведения, и даже сам лирический герой показаны через действия и поступки. А это, как известно, присуще эпическому произведению, когда автор – свидетель событий – наблюдает за происходящим и вырабатывает собственное, критическое отношение к действительности. И «помимо основной особенности (событийности), в эпическом роде в качестве изобразительного средства широко применяются элементы лиризма и драматизма» [Султон 1980: 233].

Общеизвестно, что в эпическом произведении предметом отображения являются события, что позволяет автору по мере их развертывания раскрыть правду жизни и показать характеры персонажей в развитии. И независимо от того, описывается ли историческое прошлое или же действие происходит в настоящем, в произведении события передаются в прошедшем времени, как уже произошедшие. Например, в романе широко известного каракалпакского писателя, лауреата международной премии им. М. Кашгари Т. Каипбергенова «Дастан о каракалпаках» характеры народных героев, биев («бий» – руководитель общины) Мамана, Айдоса, и Ерناзара раскрываются постепенно, по мере развития нескольких сюжетных линий романа. К тому же все повествование событий ведется в прошедшем времени.

В отличие от эпического творения, в лирическом произведении предметом отображения является духовное состояние, чувства и переживания писателя, и, таким образом, в лирике отображается не целый сюжет, а лишь какая-либо его часть, т.е. эпизод события. Вследствие этого чтение лирического произведения позволяет глубже воспринять чувства и переживания поэта (или писателя), ощутить психологическое состояние автора, познать душу и внутренний мир человека. Например:

*Сен қосықсаң жыртық ңйде туўылған,
Аш халықтың әрманына жуўылған,
Туўылыўдан ызбал излеп халқыңа,
Жалаң аяқ қарды басып жуўырған.
Ел дәртине әрман болған гиясаң.
Халық әрманы туўған поэзиясаң.
«Атақ емес, сөз қуўағәр, балам» деп,
Коз алдымда турасаң да қоясан. (И. Юсупов)*

Перевод: ‘Ты – песня (стих), рожденный в рваной (здесь: старой) юрте, омытая мечтами голодного народа, родившись, сразу же побежавшая босиком искать счастья для своего народа.

Ты зелень, ставшая опорой в народном горе, поэзия, рожденная народной мечтой. Так и стоишь перед моими глазами, (как бы) говоря «Не за званием гоняйся, а (гоняйся) за словом».’

В вышеприведенном отрывке в качестве предмета отображения выступают чувства самого И. Юсупова как автора в отношении к личности классика кара-

калпакской литературы XIX в., представленные через повествование в прошедшем времени как только что произошедшее в действительности, и в настоящем времени, как происходящее в данный момент.

Как было сказано выше, в поэме «Гнездо соловья» помимо лиризма важное место занимает реалистическое описание событий, что в большей степени присуще эпическому жанру. В.Г. Белинский пишет: «Они (поэмы. – К.М.) принадлежат к эпическому роду: ибо основание каждой из них есть событие, да и сама форма их чисто эпическая. Впрочем, что уже эпопея нашего времени, эпопея смешанная, проникнутая насквозь и лиризмом, и драматизмом и нередко занимающая у них и формы. В ней событие не заслоняет собою человека, хотя и само по себе может иметь свой интерес» [5, С. 233] И хотя великий русский критик высказывается здесь в связи с анализом произведений Пушкина и Байрона, можно сказать, что реалистические поэмы «Возмездие», «Скифам», «Двенадцать» А. Блока, «Листопад» И. Бунина, «Первое свидание» А. Белого, «Зайнаб и Аман» Х. Алимджана, «Кукан» Г. Гуляма, «Ташкентнома» Максуда Шайхзаде, «Живительный источник» Рамза Бабаджана, «Беседа с духом» С. Зуннуновой, «Кокшетау» С. Сейфуллина, «Сулушаш» С. Муканова, «Певец» И. Жансугурова, «Мыркымбай» Б. Майлина, «Марьям, дочь Жагера» К. Бекхожина являются в русской, узбекской и казахской литературе эпопеей действительности XX века, тогда как в творчестве каракалпакских поэтов этого же периода реалии современности в эпическом масштабе нашли свое отражение в поэмах «Айпара», «Айымжамал» М. Дарибаева, «Сапура», «Родная земля», «Жизнь» А. Бегимова, «Борьба», «Победили в борьбе» Ж. Аймурзаева, «Бахадыр» А. Дабылова, «Бахтияр» С. Нурымбетова, «Моя звезда», «Сердце хорошего человека» Т. Матмуратова, «Человек без Родины» М. Сейтниязова, «Степные грезы», «Источник вечности», «Тумарис», «Горсть родной земли» И. Юсупова. Действительно, в данных поэмах в равной степени можно наблюдать наличие Человека, События, Драматизма и Лиризма, указанных В.Г. Белинским.

Вышеприведенные теоретические положения создают предпосылки для определения жанровой природы поэмы И. Юсупова «Гнездо соловья», где проявляется синтез лирического (наличие лирического героя) и эпического (наличие цепочки событий):

а) идея поэмы «Гнездо соловья» – призыв к предотвращению войн во всем мире; через использование символа ‘гнездо соловья’ поэт стремится на примере одной семьи раскрыть в лирическом плане трагедию Второй мировой войны, которая коснулась, помимо многих других народов, и «соловьев пустыни» – каракалпаков;

б) в поэме большое внимание уделяется взаимоотношениям Природы и Человека и тем самым подчеркивается, что для Человека самое святое, самое дорогое – это Природа со всеми ее явлениями. Идея гуманизма воплощена через параллельное описание событий в Природе и в судьбе Человека;

в) в композиционной структуре «Гнезда соловья» основное ядро составляют три ключевых направления: 1. отражение трагедии войны в судьбе отдельной личности; 2. описание трагических событий, произошедших в жизни соловья – частички (элемента) Природы; 3. утверждение окончательной победы высокой нравственности и душевной чистоты в вечной борьбе Добра со Злом;

г) через последовательное развитие событий и постепенное раскрытие образов поэт достигает глубокого лиризма, что, в свою очередь, обеспечивает равномерное развитие событий в трех основных направлениях. Лирический герой произведения является отчасти непосредственным участником, а отчасти – повествователем событий, живым свидетелем которых стал автор.

Все вышеперечисленное дает возможность утверждать, что «Гнездо соловья» И. Юсупова по своим жанровым характеристикам относится к лиро-эпическим поэмам.

Литература

- Есемуратов Г.* Поэзия Ибрагима Юсупова. Нукус, 1976. 156 с. (на каракалп. яз.) {*Esemuratov G. Ibragim Yusupov's Poetry. Nukus, 1976. 156 p. In Karakalpak.*}
- Максетова Ж.* Поэтическое мастерство И. Юсупова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1991. {*Maksetova J. I. Yusupov's Poetic skills: Abstract of the PhD Thesis. Tashkent, 1994.*}
- Мамбетниязов Т.* Поэзия – жизнь, борьба, стремление. Нукус: Каракалпакстан, 1993. 256 с. (на каракалп. яз.) {*Mambetniyazov T. Poetry – life, struggle, aspiration. Nukus, 1993. 256 p.*}
- Султон И.* Теория литературы. Ташкент: Укитувчи, 1980. 392 с. (на узб. яз.) {*Sulton I. The Theory of Literature. Tashkent. 1980. 392 p. In Uzbek.*}
- Хамидова А.* Творчество И. Юсупова и европейская литература (к проблеме литературного взаимодействия и взаимосвязи): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Нукус, 1999. {*Khamidova A. I. Yusupov's Creativity works and the European literature (On the problem of literary interaction and interrelation): Abstract of the PhD Thesis. Nukus, 1999.*}
- Юсупов И.* Гнездо соловья // Неспokoйный этот мир. Нукус: Каракалпакстан, 1987. 160 с. (на каракалп. яз.) {*Yusupov I. The Nightingale's Nest // This restless world. Nukus, 1987. 160 p. In Karakalpak.*}

Reflection of the tragedy of war in I. Yusupov's poem "The nightingale's nest"

Kabyl Mambetov

Nukus

Summary: The work of the famous Karakalpak poet I. Yusupov is diverse both in terms of themes and his genre composition. In this article through the study of the reflection of the tragedy of war in Yusupov's poem "The Nightingale's Nest", the genre features of the poem are investigated.

Keywords: poem, genre, artistic image, synthesis

Сведения об авторе:

Мамбетов Кабыл Пирниязович – докторант кафедры каракалпакской литературы Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ А. АМИНЕВА)

Ф.Ш. Сибагатов

г. Уфа

Резюме: Проза рубежа XX–XXI веков, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные эстетические системы и идет интенсивный творческий поиск, является существенным этапом в развитии национальной литературы. В литературе это ознаменовано переходом от традиций реалистического творчества к более свободной художественной образности, где осуществляется функционирование традиционных эстетических систем и открываются пути поиска новых художественных форм и новаторских идей, как в повести «Кытай-город» («Китай-город») А. Аминева. Появились художественные произведения, основанные на архаических слоях духовной культуры, мифопоэтических универсалиях и архетипах, как, например, повести «Бер кэмэлә» («В одном ковчеге») и «Йондоз сәскә» («Цветок-звезда») А. Аминева. Главной композиционной особенностью повести «В одном ковчеге» является библейско-кораническая легенда о пророке Нухе, который на своем ковчеге во время всемирного потопа спас не только детей, но и животный мир. В повести «Цветок-звезда» также гармонично сочетаются западные и восточные художественные традиции. Здесь можно указать на наличие трех основных архетипов. Автора привлекает исследование психологии человека и его реакция на различные события. В то же время его герои не супермены и идеальные люди, но они способны извлечь урок из своих прежних ошибок. В этом их жизненность и реалистичность. В статье делается вывод, что творчество А. Аминева представляет собой синтез национальных традиций, русской художественной словесности и восточной литературы.

Ключевые слова: архетип, литература, повесть, религия, символизм, синтез, сюжет, А. Аминев.

Башкирская проза рубежа XX–XXI веков, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные эстетические системы и идет интенсивный творческий поиск, является существенным этапом в развитии национальной литературы. Именно в конце XX века в общественно-политической жизни Российской Федерации произошел перелом. Это период смены исторических эпох и ломки устоявшейся социально-политической идеологии. В литературе это ознаменовалось переходом от традиций реалистического творчества к более свободной художественной образности, поиском новых художественных форм и новаторских идей. «Развитие башкирской условно-метафорической прозы начинается в конце 1980-х годов и связано с именами Р. Султангареева и А. Аминева («Люди», «Танкист», «Китай-город»). Миф, фантазмагория образуют необычный, но понятный читателям мир. Духовная деградация, потеря человеческого облика реализуются через фантастические допущения. Р. Султангареев и А. Аминев испытывают геро-

ев необычными соблазнами. За условными формами и приемами легко угадывается реальный мир» [Абдуллина 2009: 4].

Для произведений А. Аминова (род. 1953) характерен фантастический тип условности. Например, в повестях «Усман таштары» («Усманские камни»), «Танкист», в рассказе «Кар кешеһе» («Снежный человек») автором создается своеобразная проекция в будущее. В них, как и в повести «Кытай-город» (2003, «Китай-город»), реальное сочетается с фантастическим.

В повести «Китай-город» автор показывает, какие могут иметь последствия необдуманые решения даже в масштабе маленькой деревни. Основная сюжетная линия разворачивается в селе Хыбай, а в центре конфликта – колхоз «Алга». Здесь мы можем отметить иронию автора: колхоз с говорящим названием «Алга» («Вперёд») является самым отстающим в районе: поля не убраны, рабочие давно сидят без зарплаты, а хозяйство разваливается на глазах. Главу районной администрации, которого за глаза называют Хаким (правитель), хозяйственные вопросы мало волнуют: «В работе Хаким больше берет горлом, может и руку на ослушника поднять, любит хорошо поесть-попить – это всем известно, а кое-кто осведомлен и о том, что путается он с чужими женами» [Аминов 2003: 12] (*здесь и далее перевод наш*).

Изначально жители не знают о приезде иностранца. Председатель колхоза оповещает сельчан о приезде главы администрации района. Тот, в свою очередь, рассказывает, что должен прибыть чиновник из Уфы. Именно из уст чиновника жители узнают о приезде в деревню китайского бизнесмена. По этому случаю Хаким дает задание покрасить заборы, покосить траву и т. д. Застравший в поле грузовик рабочие просто укрыли сеном, чтобы он не портил вид.

Автор красочно описывает встречу иностранного гостя. В соответствии с башкирским гостеприимством, его встречают с хлебом-солью, песнями и танцами. Для этого, несмотря на финансовые затруднения, даже выписывают танцоров из соседнего района. После торжественного мероприятия китаец раскрывает карты – как выяснилось, в Конституцию страны внесли закон о том, что можно продавать землю иностранным государствам и компаниям. Так как колхоз «Алга» имеет отрицательные показатели производительности, его в рамках эксперимента было принято передать в руки иностранцев. Бизнесмен, выслушав лишь несколько робких вопросов, сразу поехал осматривать уголья. Уже вечером состоялся разговор, в ходе которого новоиспеченный хозяин предлагает жителям два варианта – либо они остаются на родине и работают по найму, либо получают квартиры в городе и оставляют дома и земли в аренду на 25 лет.

Во время прений большинство жителей, особенно молодые, высказались за переезд. Старик Файзулла, который долгие годы был председателем успешного колхоза, убеждал односельчан не поддаваться на провокации, мотивируя это тем, что «будущее – это наши дети и внуки. Разлучив их с родной землей, мы отлучим их и от родного языка. Лишатся они языка, считай – народу конец». Его слова звучат как наказ будущим потомкам: «согласившись уехать, мы совершим две непоправимые ошибки, больше того – два преступления. Во-первых, потеряем свою землю, во-вторых – свой язык. Родной язык сохраняется только в аулах, в городах приходит ему конец. От потери языка до исчезновения нации всего один шаг». Но народ не слушает увещания старика, и они подписывают договор.

Благополучно переселившись в город и прожив там некоторое время, сельчане вспоминают о своих домах и земле. Как выяснилось, на месте их колхоза китайцы построили настоящий Китай-город: с трамваями, дорогами и многоэтажными высотками.

В произведении затрагиваются и такие вопросы, как отношения власти и народа. По мнению автора, часто верхушка элиты коррумпирована и отстаивает лишь свои интересы, игнорируя положение простых людей. Власть готова спаивать водкой свой народ, продавать государственные земли, лишь бы услужить вышестоящему руководству.

Появились художественные произведения, основанные на архаических слоях духовной культуры, мифоэпических универсалиях и архетипах, как, например, повести «Бер кэмэлэ» (2010, «В одном ковчеге») и «Йондоз сэскэ» (2012, «Цветок-звезда») Амира Аминова. Сюжетно-композиционной основой повести «В одном ковчеге» является библейско-кораническая [Библия 2000: Бытие. 6–9; Коран 1963: сура 11] легенда о пророке Ное (Нухе): “И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, (и о всех птицах, и о всех гадах пресмыкающихся.) бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор» [Библия 2000: Бытие. 8:1–5]. В русской литературе подобное обращение к духовной традиции наблюдаем в пьесе М. Булгакова «Адам и Ева» (1931). Таким образом, возникает два стилистических слоя повествования, соответствующих двум рядам представлений: первый, основанный на религиозно-мифологическом сюжете, и второй, авторский. Создается своеобразный художественный прием психологического параллелизма. Как справедливо указывает Ю.В. Псянчин, в современной национальной литературе чаще стали уделять внимание религиозной тематике. Вследствие этого начал функционировать своеобразный стиль, обслуживающий сферу мусульманской общественной деятельности и соотносящийся с религиозной формой общественного сознания [Псянчин 2017].

Главный герой повести Габит предстает перед читателями спасителем животного мира и природы: Амир Аминов его в один ряд с пророком Нухом. Здесь автор как бы продолжает традицию Ш. Бабича, заложенную в произведении «Корбан байрамы мөнэсэбэте илэ» (1918, «По случаю курбан-байрама»), в котором он поднял весь народ до уровня пророков Исмагила и Ибрахима [Сибгатов 2011: 989–991]. Образ святой для башкир горы Торатау, которая сейчас сделалась объектом разработки и уничтожения усилиями «Башкирской содовой компании», объединяет легенду с современностью, а также связывает все происходящее с конкретной местностью и национальным колоритом. Герои Амира Аминова твердо убеждены: только основываясь на вечных культурно-духовных категориях, можно предотвратить опасное сползание общества в пропасть. Таким образом, в произведении миф выступает в качестве способа упорядочивания сложного и противоречивого мира.

В повести «Цветок-звезда» совмещаются реальные и ирреальные события, прошлое пересекается с настоящим, поднимаются проблемы морали и нравственности. Завязка произведения строится по схеме детектива. Главный герой Рауф Юламанов посреди ночи проснулся от громкого стука в дверь. Непрошенные гости вначале представились как сотрудники полиции, а при требовании ордера объявили себя сотрудниками государственной безопасности. Переполох случился не только в доме Рауфа: во всей деревне в окнах горел свет, лаяли собаки, плакали женщины, слышались отрывистые команды. Генетический страх напомнил людям страшный тридцать седьмой год... Эта картина вполне соотносится с реальными событиями прошлого.

Однако дальнейшее повествование убеждает нас, что, к счастью, подобное не может случиться в современном обществе. Внешность «сотрудников полиции» сильно отличается от обычных людей: «На пороге стояли трое мужчин двадцати пяти – тридцати лет в черных блестящих плащах и черных широкополых шляпах. Лица совершенно незнакомые, одинаковые, будто очищенные и сваренные картофелины, – ни рта, ни глаз, ни носа разобрать невозможно» [Аминев 2012: 72].

Данное описание, с одной стороны, напоминает комиксы про инопланетян, с другой – традиции национальной литературы 20–30-х годов, когда метод карикатурного портрета зачастую применялся к отрицательным персонажам. В следующем эпизоде мы видим, что они отличаются от обычных людей не только внешностью, но и поведением: «...трое в длинных, с развевающимися полами плащах саженными шагами пустились за беглецом. Хорошо бегут, проклятые, и, что самое интересное, как будто в строю: в одном ритме, отмашку руками делают одновременно, головы в шляпах держат прямо».

Амира Аминова всегда привлекала психология человека, его реакция на различные события. В то же время героини произведений Аминова не идеальные люди, у каждого из них есть свои слабые и сильные стороны. Но они умеют извлечь урок из прежних ошибок. В этом их жизненность и реалистичность.

В одном из эпизодов произведения Рауфа высадили на остановке в сопровождении конвоира. Здесь, вспомнив того храброго парня, он решился «испытать» себя. Растущий, несмотря на осенние заморозки, на краю грядки цветок-звезда, еще более укрепил его желание и дал надежду на спасение. На наш взгляд, именно эта деталь является толчком для дальнейшего развития сюжета. Цветок-звезда поднимается до уровня символа: «когда другие цветы, замерзнув, полностью почернели», он продолжал ярко цвести. Несмотря на хрупкость, он до последнего старается противостоять неизбежности событий, и поэтому становится символом надежды. Как писала в свое время Е.Г. Ковалевская в книге «Анализ текстов художественных произведений», «именно микрообраз, созданный на базе одного представления, становится основой традиционному поэтическим метафор-символов» [Ковалевская 1976]. Если рассматривать образ отдельно от контекста, то звезда в нашем представлении выступает символом счастья и социального благополучия. По мнению автора, наша жизнь полностью зависит от нас самих, наших духовных сил и желаний. Если слабый и беззащитный цветок своим желанием жить смог противостоять осенним морозам, значит, все возможно, нужна только воля.

Описание дома, где оставили Рауфа, снова напоминает тридцатые годы прошлого века. «Они оказались перед домом, похожим одновременно и на сельскую

школу, и на клуб, длиной восемь-девять, шириной около шести-семи метров. Дом высокий, стоит на бетонном фундаменте, крыша покрыта шифером, уже старым и позеленевшим. На коньке крыши – красный флаг, покосившаяся короткая антенна, скворечник с отвалившимся дном, откуда торчат солома и птичьи перья. На улицу глядят три окна, все заделаны железными решетками» [Аминев 2012: 72].

Напоминание о трагическом тридцать седьмом годе и подробное описание места заключения Рауфа имеет глубокий смысл: это напоминание о том, что у нас на генетическом уровне заложены страх, инертность, безынициативность прошедших лет, и предупреждение о том, что трагедия советского периода может повториться.

Мы будем правы, если скажем, что у повести несколько уровней толкования – или смысловых пластов, в том числе и глубинно-психологический пласт. Постараемся интерпретировать наше последнее утверждение в рамках научной теории глубинной психологии Карла Густава Юнга. Теория ученого основана на понятии «индивидуация», означающем обретение личностью самого себя, достижение своего духовного центра, высшего «Я». Индивидуация означает духовно-экзистенциальный путь к Истине и самоутверждение в ней. В этом высший смысл и предназначение человека. Ранее в арабо-мусульманской культуре данная теория была глубоко разработана в философских трудах суфийских ученых, например в произведении Ф. Аттара «Мантик ат-тайр» («Язык птиц»). В произведении А. Аминева железные решетки, высокий бетонный фундамент, образ женщины по имени Рауфа и другие образы подчинены именно этой цели.

Как известно, в области человеческой духовной реальности присутствуют архетипы – особые первосимволы, праобразы, имеющие огромное значение в мире идей и понятий. По мнению К.Г. Юнга, архетипы определяют направленность человеческой духовной и экзистенциальной самореализации, опосредуют желания, чаяния, интересы и интенции (намерения) людей – как отдельной личности, так и всего общества. Архетипы наполняют индивидуальное и коллективное подсознание – бессознательное. Они постоянно присутствуют в сновидениях и фантазиях. Архетипы характерны для фольклора в целом, особенно для сказок и мифов.

В повести можно указать на наличие трех важнейших архетипов. Самость – это психический центр личности, духовное ядро, высшее «Я». В процессе индивидуализации человек, чаще неосознанно, стремится к своему духовному центру, к обретению «Самости». Она проявляет себя в разных образах (Бога, Творца, духовного учителя, мудрого старца, пророка). Рауф после долгих мучений и трудов обретает свободу. Подкоп в погребке дома как бы символизирует возвращение главного героя к своим истокам, духовным корням. Если в начале собственных сновидений он видел картину Отечественной войны 1812 года, то затем – бичевания кнутом Салавата (Юлаева) и его отца Юлая Азналина, то есть картины более раннего этапа развития истории нашего общества. Чем больше становился подкоп, тем больше выходило человеческих костей. Это указывает на то, что путь к становлению советского строя, как и пути развития всех великих империй, лежал через огромное количество жертв. Даже фундамент дома, казавшийся снаружи высоким и цельным, был из костей. «Оглянувшись назад, увидел, что яма

до краев заполнилась костями, которые вываливаются из трещин фундамента, и сам фундамент, сплошь состоящий из костей, с треском разваливается, рушится, превращаясь в труху». Утром они увидели, что фундамент полностью исчез, и нижние венцы дома стояли на земле. Даже в таком положении дом не развалился и стоял крепко. Печь, символ семейного тепла и уюта, также выстояла. Превратился в ключья только висевший на крыше красный флаг» [Аминев 2012: 74].

Рауф неосознанно стремится к своему духовному центру – свободе, – избавляясь от тесных оков прошлого и настоящего. От уровня менталитета обычного школьного учителя он смог подняться в своем сознании до понимания античеловечности, антидуховности существующего строя.

Архетип Анима у мужчин и Анимус у женщин – это женское начало в мужчине и мужской образ в психике женщины. Поэтому в совпадении имен главных героев – Рауф и Рауфа – нет ничего странного. Анима иногда приобретает эротическую окраску, которая также нашла отражение в повести. В то же время ей присущи более высокие в духовном отношении стадии – помощницы и мудрой спутницы. Именно Рауфа сумела расшевелить своего спутника (уборка в доме, уют и кухня), потом посоветовала не сидеть сложа руки и сделать подкоп. У Рауфа мы тоже можем заметить женское начало – мягкость, неуверенность. Беременность женщины также символична – значит, последующие поколения будут морально свободными, а будущее – оптимистичным.

Огромное значение имеет и архетип Тени. Тень – это все негативное, отталкивающее, темное и постыдное в человеке, подавленное и скрытое в глубинах подсознания. Люди в черных плащах и шляпах полностью соответствуют этому архетипу. Это – страх, инертность и безволие, сидящие в наших сердцах.

Как видим, Амир Аминев, воспитанный на традициях русской (западной) классической литературы, сумел успешно соединить западные и национальные традиции с арабо-мусульманскими. Вследствие этого в повестях «В одной лодке» и «Цветок-звезда» мы наблюдаем удачный симбиоз западной реальности и восточного романтизма. Кроме того, автор не стремится к расширенному повествованию, а, взяв проблему морально-этического характера, склоняет читателя к философским размышлениям и обобщениям. Его герои – это обычные люди со своими слабостями, но под влиянием различных событий у них раскрываются сильные стороны.

Таким образом, появление в современной башкирской прозе новых художественных произведений, основанных на архаических слоях духовной культуры, мифоэпических универсалиях и архетипах, свидетельствует о том, что национальная литература переходит на новый уровень развития и способна привлечь внимание литературных критиков и широкого читателя.

Литература

- Абдуллина 2009 — *Абдуллина А.Ш.* Поэтика современной башкирской прозы: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. — М., 2009. {*Abdullina A.Sh.* Poetics of the modern Bashkir prose: Abstract of the Doctoral Thesis. — М., 2009.}
- Аминев 2003 — *Аминев А.* Китай-город // Ворота: Повести, рассказы. — Уфа: Китап, 2003. — 208 с. (на башк.яз.). {*Aminev A.* Kitay-gorod // The Gates: Novels, short tales. — Ufa: Kitap, 2003. — 208 p. (in Bashkir).}

- Аминев 2010 — *Аминев А.* В одном ковчеге // Агидель. Литературно-художественный журнал. 2010. №3. С. 33—72 (на башк.яз.). {*Aminev A.* On one ark. // Agidel. A fiction literature magazine. 2010. No. 3. P. 33—72. (in Bashkir).}
- Аминев 2012 — *Аминев А.* Цветок звезда // Агидель. Литературно-художественный журнал. 2012. №5. С. 68—89 (на башк.яз.). {*Aminev A.* The flower star. // Agidel. A fiction literature magazine. 2012. No. 5. P. 68—89. (in Bashkir).}
- Библия 2000 — *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / В рус. пер. с параллел. мест. и прил. — М.: Русское Библейское общество, 2000. — 1376 с. {*The Bible.* The Books of the Scriptures of the Old and New Testament. / In Russian translation with cross references and appendixes. — М.: The Bible Society of Russia, 2000. — 1376 p.}
- Ковалевская 1976 — *Ковалевская Е.Г.* Анализ текстов художественных произведений: учеб.-метод. пособие. — Л.: ЛГПИ, 1976. — 53 с. {*Kovalevskaya Ye.G.* The analysis of the fiction literature texts: a learning and methodological textbook. — Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute, 1976. — 53 p.}
- Коран 1963 — *Коран.* Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. — М.: Восточная литература, 1963. — 714 с. {*The Quran.* Translation and commentaries by I.Yu. Krachkovski. — М.: Oriental literature, 1963. — 714 p.}
- Псянчин 2017 — *Псянчин Ю.В.* Исламская составляющая в религиозном стиле башкирского языка (к постановке проблемы) // Развитие гуманитарной науки в регионах России. Материалы международной научной конференции. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. — С. 251—255. {*Psyanchin Yu.V.* The Islamic component in the religious style of the Bashkir language (on framing the issue) // The development of liberal arts in regions of Russia. Data of the International scientific Conference. — Ufa: The Institute on History, Linguistics and Literature, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. — P. 251—255.}
- Сибгатов 2011 — *Сибгатов Ф.Ш.* Отражение восточных поэтических традиций в произведениях «Газазил» и «По случаю курбан-байрама» Ш. Бабича // Вестник БашГУ. 2011. №3(1). Т. 16. С. 989—991. {*Sibatov F.Sh.* The reflection of the Oriental poetical traditions in the Sh. Babich's works "Gazazil" and "On the occasion of Kurban-Bairam". // The Bulletin of the Bashkir State University. 2011. No. 3 (1). Volume 16. P. 989—991.}
- Сибгатов 2013 — *Сибгатов Ф.Ш.* Куда зовет цветок-звезда? // Бельские просторы. 2013. — №4. {*Sibatov F.Sh.* Where does the flower-star take you? // The Bel'sk Expanses. 2013. — No. 4.}
- Сибгатов 2015 — *Сибгатов Ф.Ш.* Духовная литература башкирского народа. — Уфа: Гилем, 2015. — 151 с. {*Sibatov F.Sh.* The spiritual literature of the Bashkirs. — Ufa: Ghilem, 2015. — 151 p.}

Trends of development of modern Bashkir prose

Flyur Sibgatov

Ufa

Summary. The prose of the turn of the 20th and 21st centuries, in which various aesthetic systems coexist and interact and an intensive creative search is under way, is an essential stage in the development of national literature. In literature this marked a transition from the traditions of realistic creativity to a more free artistic imagery, where the functioning of traditional aesthetic systems was carried out and the ways of searching for new artistic forms and innovative ideas began. There were works of art based on archaic layers of spiritual culture, mythoepic universals and archetypes, such as the story "In one ark" and "Flower-star" by Amir Aminev. The main compositional feature of the story "In one ark" is the biblical-Koranic legend of the prophet Nuh, who in his ark during the Flood managed to save not only children, but also the animal world. In the story "Flower Star" also harmoniously blend Western and Eastern artistic traditions. Here we can point out the existence of three main archetypes. The author is attracted by human psychology, his reaction to various events. At the same time, his characters are not supermen and ideal people, but they are able to learn from their previous mistakes. This is their vitality and realism.

The article concludes that A. Aminev's work is a synthesis of national traditions, Russian fiction literature and eastern (oriental) literature.

Keywords: archetype, literature, novel, religion, symbolism, synthesis, plot.

Сведения об авторе

Сибгатов Флюр Шарифуллинович — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета (Россия); e-mail: jamachta@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

У ИСТОКОВ ТЮМЕНСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ (К 65-летию со дня рождения Ханисы Чавдатовны Алишиной)

Исполнилось 65 лет со дня рождения Ханисы Чавдатовны Алишиной, 45 лет ее педагогической деятельности, 25 лет со дня открытия татарской группы в Тюменском государственном университете.

Ханиса Чавдатовна Алишина стоит у истоков тюркологии в Тюменском государственном университете. По ее инициативе началось изучение и преподавание языка сибирских татар, возникло татарское отделение, где стала вестись подготовка преподавателей татарского языка с университетским образованием, была открыта аспирантура по специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации. Татарский язык». Ее трудами в университетской библиотеке возник фонд научной, учебной и художественной литературы на татарском языке.

Родилась Ханиса Чавдатовна в Тюмени в мае 1953 г. в семье капитана речного флота лесопромышленного комплекса «Тура». В 1972 г. Х.Ч. Алишина с успехом окончила Тюменское педагогическое училище, получив специальность «учитель начальных классов». Около 10 лет проработала по специальности учителем истории и завучем восьмилетней школы на юге Тюменской области. Одновременно заочно получила два высших образования в Тюменском государственном университете, став дипломированным специалистом – историком, а затем и филологом, преподавателем русского языка и литературы.

Поворотным в судьбе Х.Ч. Алишиной стал 1988 г., когда она поступила в очную аспирантуру по кафедре восточных языков Казанского университета, где интенсивно занималась изучением говоров сибирских татар юга Тюменской области под руководством крупного ориенталиста, академика АН Татарской АССР Д.Г. Тумашевой. В процессе обучения ей довелось побывать на стажировке в МГУ, стать участницей конгресса финно-угроведов в Венгрии и конечно, познакомиться со многими известными учеными, имеющими отношение к сфере ее научных интересов. В 1992 г. она с успехом защитила кандидатскую диссертацию «Говоры сибирских татар юга Тюменской области». В 1993 г. ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. В 1991–1992 гг. Х.Ч. Алишина работала научным сотрудником Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского научного центра АН СССР. Ее исследования становились все более востребованными.

По окончании аспирантуры Ханиса Чавдатовна поступила на работу в отдел энциклопедии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР. Но свою научную работу она защищала уже в новом статусе, работая доцентом кафедры русского языка Тобольского пединститута им. Д.И. Менделеева, куда приехала по приглашению заместителя председателя исполкома Тюменского областного Совета, ныне доктора социологических наук, профессора Ю.М. Конева.

В Тюменском государственном университете Ханиса Чавдатовна начала работать по приглашению своего бывшего научного руководителя декана филологического факультета Николая Константиновича Фролова. 1 сентября 1993 г. Х.Ч. Алишина возглавила работу татарской группы, в сентябре 2001 г. – работу отделения татарского языка и литературы, а в 2014 г. – Центр тюркологии ТюмГУ.

Под руководством Х.Ч. Алишиной подготовлено и защищено более 250 квалификационных работ, 10 кандидатских диссертаций. Многие из ее учеников сегодня работают в Тюменском государственном университете и помогают готовить национальные кадры.

В 1994 г. вышли две первых книги Ханисы Чавдатовны, посвященные татарскому языку. Одна в Тюмени, другая – в Казани. В тюменском издании нашли отражения публикации автора, сделанные в средствах массовой информации и представленные в материалах научно-практических конференций за 1990–1994 гг. Казанское издание посвящено научному исследованию автора, которое касается одного из интереснейших тюркских наречий Западной Сибири – тоболо-иртышского диалекта языка сибирских татар. Книга подготовлена на основе лингвистических данных, собранных автором во время экспедиций по югу Тюменской области.

В настоящее время Х.Ч. Алишина является автором 30 книг и монографий, 300 научных работ, 340 научно-популярных статей. Ключевая тема ее научных исследований – изучение имен собственных, распространенных на территории проживания сибирских татар. Результаты, полученные исследователем-тюркологом, нашли отражение в книгах «Ономастикон сибирских татар» (1999), «Антропонимия сибирских татар в сравнительно-историческом освещении» (2001); «Татарская микротопонимия юга Тюменской области», (2001), «Названия селений сибирских татар» (2004), «Тюркская топонимия юга Тюменской области» (2012), «Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья Нижней Оби и Иртыша (XX век)» (2014), «Исторический ономастикон сибир-

ских татар» (2016) и др. В 2017 г. ее монография «Исторический ономастикон сибирских татар» стала победителем регионального конкурса «Книга года» в номинации «Лучшая научная книга».

Х.Ч. Алишина входит в состав редколлегии целого ряда научных журналов, таких как «Российская тюркология», издающегося под эгидой Российской академии наук, Института языкознания РАН, Российского комитета тюркологов; международный журнал «Tatarica» (Казанский федеральный университет), журнал «Фэнни Татарстан» (ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ).

На протяжении многих лет Ханиса Чавдатовна принимает активное участие в научных мероприятиях разного уровня, является инициатором и организатором целого ряда научных конференций по изучению культурного наследия сибирских татар. Под ее редакцией подготовлены десятки сборников статей по материалам таких конференций, как «Сулеймановские чтения», «Занкиевские чтения», «Тумашевские чтения» и др.

Многогранна научная и творческая деятельность профессора. Занимаясь популяризацией и продвижением национальной татарской культуры, Ханиса Чавдатовна попробовала себя и в роли переводчика. Ей удалось перевести роман Я.К. Занкиева «Ялкында өтелгән мэхэббэт» («Любовь, объята пламенем») на русский язык и при поддержке Губернатора Тюменской области издать и даже переиздать его. В 2007 г. по рекомендации писателя, драматурга и депутата Туфана Абдуллина и профессора Казанского университета ученого-литературоведа Хатиша Миннегулова Х.Ч. Алишина была принята в Союз писателей Татарстана.

Ханиса Чавдатовна является лауреатом различных областных конкурсов: «За продвижение позитивных идей национальной культуры», «Люди земли Тюменской», «Книга года», «Лучшая научная книга» и др. В 2015 г. за художественный перевод рассказа Б. Сулейманова «Мама» Х.Ч. Алишина была удостоена денежной премии и диплома губернатора Тюменской области в области литературы. Сейчас несколько экземпляров книги «Мама» хранятся в библиотеке Мэра Москвы, о чем свидетельствует официальное письмо Управления делами Мэра и Правительства Москвы от 25.07.2018 г.

Огромную научно-методическую помощь профессор Х.Ч. Алишина оказывает учителям школ, сотрудничая с Департаментом образования и науки Тюменской области, с Тюменским областным государственным институтом развития регионального образования (ТОГИРРО). Она принимает активное участие в проведении ежегодных учительских конференций «Диалог культур: реализация этнокультурного компонента в содержании образования», конкурсах «Лучший учитель татарского языка», «Лучшая школа с этнокультурным компонентом». При ее непосредственном участии ежегодно проходит региональный этап Всероссийской олимпиады школьников «Татарский язык и литература», всемирная образовательная акция по проверке грамотности по татарскому языку «Татарча диктант», а также работают бесплатные курсы татарского языка.

Научная работа ученого переплетается с функциями общественного деятеля, автора, редактора, составителя книг с целью возрождения духовной культуры сибирских татар. Ярким событием в научной биографии ученого-тюрколога явилось содействие начальника отдела по развитию языков народов РТ Аппарата Кабинета Министров РТ, ныне доктора филологических наук, директора ИЯЛИ

им. Г. Ибрагимова Кима Миннуллина в издании словника к энциклопедии «Татары земли сибирской». Действительный член АН Республики Татарстан, заслуженный деятель науки РТ и РФ, профессор Д.Г. Тумашева так написала в своем предисловии к новой книге своей ученицы: «Эта книга, составленная известным ученым филологом, большим энтузиастом и патриотом своего народа Ханисой Чавдатовой Алишиной, представляет несомненный интерес не только в том плане, что в нее включены имена известных ученых, учителей, заслуженных людей культуры и производства земли сибирской, но и тем, что она является одной из довольно редких весточек от наших близких сородичей – сибирских татар, от самобытной и довольно многочисленной ячейки сибирской нации. Словник интересен и тем, что в нем наряду с именами выдающихся и заслуженных деятелей науки и культуры исконной земли сибирской, таких как Ниязбакый Атнометов, Рашит Ибрагимов, Нигматулла Хаджи, Хамит Ярми, Фуат Мансуров, Марат Мулюков, Саит Раинбаков, поэтов и писателей – Якуб Занкиев, Булат Сулейманов, Шавкат Сибгатуллин – приведены имена тех известных ученых, которые в те или другие годы работали среди татар. Это такие имена, как Роберт Нигматуллин, Габдулхай Ахатов, Азат Ахмадуллин, Фарит Хатипов, Гумер Саттаров и др.»

Высокая оценка и моральная поддержка ученых Казани послужили стимулом к новым свершениям. В 2010 г. под руководством Х.Ч. Алишиной на отделении татарского языка и литературы филологического факультета ТюмГУ было начато создание серии книг «Жизнь замечательных людей», посвященной выдающимся личностям Тюменской области и представляющей татарской общественности своих национальных героев, добившихся наилучших показателей и успехов в самых различных областях человеческой деятельности. Кто-то из них воевал на фронте, кто-то трудился в тылу, кто-то сделал многое в мирное время для развития малой родины. Активную поддержку в выпуске серии оказывает региональное отделение партии «Единая Россия». В серии выпущено уже более 15 книг: «Диляра Тумашева – выдающийся тюрколог XX столетия» (2011), «Азат Сагитов – первый редактор областной татарской газеты “Янарыш”» (2011), «Люция Хабибуллина – первый исследователь истории школ и литературы сибирских татар» (2011), «Булат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар» (2013), «Хамит Ярми – доктор филологических наук, первый татарский ученый-фольклорист» (2014), «Эрнест Валеев – государственный советник юстиции 1 класса, генерал-полковник, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ» (2016), «Хамит Неатбаков – Герой Советского Союза» (2017). Работа в этом направлении продолжается.

Х.Ч. Алишина является признанным экспертом научных работ по тюркологии. Ею написаны сотни положительных отзывов о кандидатских и докторских диссертациях, присылаемых секретарями диссертационных советов из Казани, Москвы, Чебоксар, Махачкалы, Новосибирска, Уфы и других тюркологических центров России. С 2002 г. является членом совета ТюмГУ по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.274.15. Неоднократно выступала официальным оппонентом на защите диссертаций в Казанском, Новосибирском, Тюменском, Башкирском государственных университетах. В 2013 г. назначена председателем областного жюри по татарскому языку и литературе Региональной олимпиады.

Значимой и яркой страницей в трудовых буднях нашей коллеги являются ее выезды в Симферополь. Профессор Х.Ч. Алишина приказом МОиН РФ утверждена председателем ГЭК факультета крымскотатарской филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Коллектив вуза, который осенью 2018 г. отпразднует свое 100-летие, с большой благодарностью воспринимает это сотрудничество и выражает признательность Тюменскому государственному университету за содействие.

Более 40 лет Х.Ч. Алишина занимается образовательной, научной, просветительской и общественной деятельностью. Ее заслуги были неоднократно отмечены благодарностями и грамотами разного уровня. Сегодня она не просто статусный ученый и руководитель в Тюменском государственном университете, но и заслуженный учитель школы РТ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной тюркской академии, почетный академик Академии наук РТ, член Российского профессорского собрания, лауреат областной премии им. В.И. Муравленко, лауреат Губернаторской премии в области литературы, член диссертационного совета в ТюмГУ, член Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, член Союза писателей РТ, член Союза журналистов РФ, член НКА сибирских татар и татар Тюменской области, член совета федеральной газеты «Татарский мир», региональный сотрудник журнала «Российская тюркология», член Общественной палаты Тюменской области, помощник депутата Тюменской областной Думы и Государственной Думы РФ на общественных началах. Всемирный конгресс татар отметил ее личный вклад в гармонизацию межнациональных отношений, наградив медалью «За заслуги перед татарским народом».

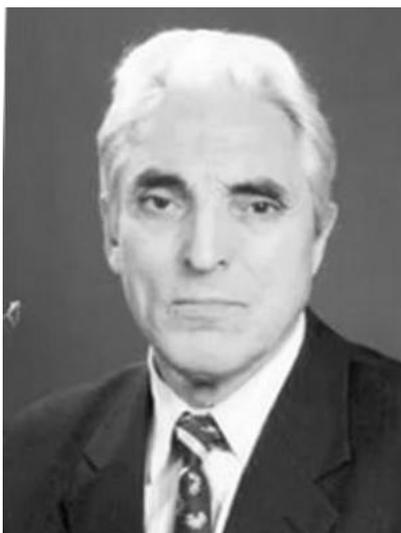
О Ханисе Чавдатовне Алишиной и ее научной, образовательной и общественной деятельности написано более 70 публикаций. О ней есть информация во многих энциклопедических изданиях как на русском, так и на татарском языке. Целый ряд статей опубликован в периодических изданиях региона. В последнее время Х.Ч. Алишина принимает активное участие в телевизионных передачах, дает интервью, в которых продолжает развивать тему национальной и культурной самобытности сибирских татар.

Настоящий профессионал, талантливый ученый и педагог, доктор филологических наук, профессор Ханиса Чавдатовна Алишина по праву является одним из ярких представителей современной отечественной тюркологии, которая на протяжении десятилетий неустанно и самоотверженно служит науке, делу сохранения, изучения и приумножения многовекового духовно-культурного наследия народа. Мы благодарны ей за ту огромную энергию, которую она вкладывает в дело воспитания научной молодежи, укрепления любви к татарскому и русскому языкам, дружбы народов в многонациональной России.

Поздравляем уважаемую коллегу с юбилеем! Желаем новых успехов и достижений, реализации намеченных планов, счастья, здоровья и благополучия!

Коллектив кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета
03 августа 2018 г.

РАИФ КАДИМОВИЧ АМИРОВ
(к 75-летию со дня рождения)

Совсем недавно свой юбилей отметил доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» в 1982–2007 гг., заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии высшей школы, лауреат Международной премии имени Кол Гали, премии имени марийского поэта Яныша Ялкайна, лауреат медали Исполкома Всемирного конгресса татар Раиф Кадимович Амиров.

Один из ведущих литературоведов-тюркологов и общественных деятелей Республики Башкортостан Р.К. Амиров родился 3 ноября 1941 г. на севере Башкортостана в деревне Начар Балтачевского района в семье колхозника. Отец, тракторист, погиб в возрасте 26 лет в боях за Прибалтику. Похоронен в поселке Эмбуте Приекульского района Латвийской ССР (Латвийская Республика). Мать с 1957 г. пенсионерка по инвалидности, умерла в 2000 г.

После окончания начальной школы в родной деревне получил семилетнее образование в Зилязекулевской, среднее – в Верхне-Карышевской школах Балтачевского района.

В 1958–1963 гг. – студент филологического факультета Бирского государственного педагогического института. В 1962–1963 гг. – преподаватель кафедры русской литературы родного вуза. С 1963 по 1965 г. – учитель русского языка и

литературы в Старо-Базановской средней школе Бирского района; учитель, заместитель директора по учебной работе Байгильдинской средней школы Нуримановского района (1964–1965).

В 1965–1967 гг. – аспирант кафедры советской литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Башкирский советский очерк (1917–1941)».

В 1968–1974 гг. – старший преподаватель, доцент кафедры литературы Бирского государственного педагогического института. В эти годы занимается активной общественной деятельностью: организует картинную галерею, создает литературно-творческое объединение студентов «Яшлек», отвечает за литературно-художественное просветительство населения в качестве руководителя Бирского городского отделения Всесоюзного общества «Знание».

С 1974 г. – доцент, декан филологического факультета в 1976–1982 гг., заведующий кафедрой литературы Башкирского государственного педагогического института (с 2000 г. – университета), профессор.

В 1986 г. в Институте языка и литературы им. А.С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР успешно защищает докторскую диссертацию по теме «Формирование и развитие художественно-публицистических жанров в башкирской литературе», в том же году утверждается в ученой степени доктора филологических наук, в 1987 г. ему присваивается ученое звание профессора.

Область научных интересов Раифа Амирова – это исследование системы жанров и стилей в литературах народов Российской Федерации, публицистика.

Благодаря его исследованиям восстановлена в полной мере история и современное состояние жанров художественной публицистики в башкирской литературе, а также роль и творчество абызов (мусульманское духовное лицо, мулла) и сэсэнов (народных сказителей) XVI–XVIII вв. как создателей художественно-публицистических текстов, идеологов и руководителей антиколониальных восстаний народов Башкортостана.

Анализ этапов рождения и эволюции такого жанра малой прозы, как *насер* (*наспр*), в башкирской и татарской литературах сочетается с историей развития эпических форм и влияния на них переводных произведений турецкой литературы в конце XIX – первые десятилетия XX в. Для работ ученого-писателя Р. Амирова характерен анализ фактов и явлений в контексте развития литератур народов России и шире – мировой литературы.

Раиф Амиров – автор многочисленных статей, рецензий в центральной и республиканской периодической печати и научных сборниках, более двух десятков книг, монографических исследований о башкирской литературе и многонациональной литературе народов страны.

Результаты исследований Р.К. Амирова нашли отражение в его монографиях «Тормош алкынында» («На стрежне жизни», Уфа, 1976), «Чтобы шагнуть в завтра» (Уфа, 1982), «Летопись современности: Развитие художественной публицистики в башкирской литературе» (Уфа, 1985), «Судьбы романские – судьбы народные» (Уфа, 1983), «На стремнине: История башкирской художественной публицистики» (Уфа, 1988), «Человек во времени» (М., 1991), «Становление. О судьбе татароязычной литературы в Башкортостане» (Уфа, 1996), «От личности – к народу» (в соавторстве; Уфа, 2001), «За ваше и наше завтра. О творчестве

Анатолия Генатуллина в контексте “Лейтенантской прозы”» (Уфа, 2010), «Учитель на все времена. Творчество Мустая Карима» (Уфа, 2014) и других.

Р.К. Амиров – член Союза писателей СССР с 1981 г.

В годы перестройки Р.К. Амиров в качестве председателя секции очерка и публицистики Союза писателей Башкирской АССР много сделал для повышения авторитета писательского слова, был инициатором и организатором проведения круглых столов по вопросам экологии, истории, культуры народов Башкортостана. Избирался членом редколлегии республиканских журналов «Русский язык в башкирской школе», «Агидель» и «Учитель Башкортостана». Возглавлял Секцию культуры Башкирской организации Всесоюзного общества «Знание» в качестве ее председателя, запомнился как активный член правления Башкирского республиканского отделения Всесоюзного общества охраны природы, Общественного совета Государственного комитета по природопользованию и экологии Республики Башкортостан.

В качестве члена Исполкома Всемирного конгресса татар (1992–1997 гг.), Исполкома Конгресса татар Башкортостана (с 1997 г.) Р. Амиров проделал большую работу по восстановлению и развитию татарской литературы Башкортостана.

Друзья, коллеги и единомышленники Раифа Кадимовича Амирова по экологическому движению Башкортостана желают юбиляру крепкого здоровья, новых успехов и творческих свершений!

З.А. Зарипова

РОБЕРТ НУРМУХАМЕТОВИЧ БАИМОВ
(к 80-летию со дня рождения)

Научная общественность Республики Башкортостан широко отметила 80-летие со дня рождения известного ученого-литературоведа и вузовского педагога, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Роберта Нурмухаметовича Баимова (1937–2010). Этой дате была посвящена Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы филологии народов России», организатором которой выступил Башкирский государственный университет. К началу этого научного мероприятия был издан сборник материалов конференции [Актуальные проблемы филологии 2017].

Роберт Нурмухаметович Баимов (башк. *Роберт Нурмөхәмәт улы Байымов*) родился 10 января 1937 г. в деревне Утяган Кармаскалинского района Башкирской АССР. Учился в Биш-Унгарской средней школе, после окончания которой работал учителем физики и математики в Старо-Киешкинской и Биштякинской семилетних школах, откуда был призван на службу в армию. После демобилизации поступил на филологический факультет Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. Здесь он участвовал в общественной жизни вуза, был секретарем комитета комсомола. Окончив университет с отличием, он стал работать там же ассистентом кафедры башкирской литературы и фольклора. В 1965–1968 гг. обучался в целевой аспирантуре Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на кафедре истории советской литературы, защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в родной вуз. В 1981 г. Роберт Нурмухаметович возглавил кафедру башкирской литературы и фольклора и до самой своей кончины в 2010 г. оставался ее заведующим.

В 1982 г. Р.Н. Баимов защитил в МГУ докторскую диссертацию по теме «Жанр романа в системе эпических жанров башкирской прозы», и через два года ему было присвоено звание профессора. В 1991 г. он стал член-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан. С этого же времени состоял в Отделении гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан. Р.Н. Баимов являлся главным редактором печатного издания АН РБ – научного журнала «Ядкарь» (ныне – «Проблемы востоковедения») в 1995–2010 гг.

Первые научные публикации Р.Н. Баимова появились в 1960 г. и были связаны с изучением башкирских историко-революционных романов. Посвященные этой теме монографии «Шаг в зрелость» (Уфа, 1975), «Творческие почерки» (Уфа, 1977), «Поискам нет конца» (Москва, 1980), «Башкирский историко-революционный роман» (Уфа, 1980), «Судьба жанра» (Уфа, 1984), «Истоки и устья» (Уфа, 1993) получили высокую оценку ученых-литературоведов страны. В общей сложности Роберт Нурмухаметович за свою научную карьеру написал свыше 500 научных работ, в том числе около 40 книг и монографий.

Роберт Баимов являлся одним из авторов и членов Научно-редакционного совета «Башкирской энциклопедии» и академического издания «Истории башкирской литературы» в шести томах, автором ряда учебников, учебных пособий для школ и вузов. Под его руководством созданы учебники для вузов «Восточная литература» (2001), «Башкирская литература XX века» (2003), «Великие лики и литературные памятники Востока» (1996, 2005). Последняя его работа по сей день продолжает оставаться учебником по предмету «Восточная литература», который изучается на национальных отделениях филологических факультетов вузов. Книга написана в научно-популярном стиле, проста в чтении, полезна и доступна широкому читателю.

Он являлся научным руководителем диссертационных работ многих аспирантов и докторантов, был членом диссертационных советов Башкирского и Якутского государственных университетов. Под его руководством подготовлено свыше трех десятков кандидатов и докторов наук, которые работают в вузах и научных учреждениях не только Республики Башкортостан, но и Якутии, Хакасии, Тувы, Татарстана, Бурятии.

Роберт Баимов был не только крупным ученым и педагогом, но и талантливым писателем. Его произведения получили широкую известность в Республике Башкортостан и за ее пределами. Его перу принадлежат такие произведения прозы, как повести «Жажда» («Сарсау», 1980), «Закрытое сокровище» («Бикле хазина», 1982), «Вернемся солдатами» («Кайтырбыз халдат булып», 1986) и крупные исторические романы «Расплата» («Яуап бирер көн», 1989), «Мятежный крик» («Сыбар шоңкар, 1995), «Караван идет из Багдада» («Карауан килә Багдадтан», 2010). В романе «Мятежный крик» впервые была высказана правда о руководителе башкирского национально-освободительного движения Ахмет-Заки Валиди (1890–1970). Действительно, этот роман по праву считается одним из первых произведений в башкирской литературе, наиболее полно отражающих его жизнь и деятельность. За это произведение в 1997 г. автор был удостоен Государственной премии Республики Башкортостан им. Салавата Юлаева.

В романе «Караван идет из Багдада» нашли отражение результаты многолетних научных разысканий Р.Н. Баимова в области литературы, культуры и искус-

ства Востока, истории башкирского народа и т.д., что и определило ярко выраженное исследовательское начало произведения, активное присутствие автора в повествовании. Умелое использование документа в художественном тексте позволило автору воссоздать эпическую картину, в высокой степени наделенную исторической верностью изображаемого времени.

В Роберте Нурмухаметовиче органически сочетались ученый-литературовед и писатель. Трудно определить, в какой области он более преуспел, скорее – в обеих. В нашей памяти он остался как сильный духом и телом мужественный человек. Таким он и был на самом деле. Занимался спортом, делал зарядку, зимой ходил на лыжах, с азартом молодости любил легковые машины и до последних дней постоянно сам был за рулем...

Р.Н. Баимова не стало 30 апреля 2010 г. Он похоронен на Аллее славы Южного кладбища г. Уфы.

В «Башкирской энциклопедии» имеется обширная информация о его жизни и деятельности на русском (I т., 2005) и на башкирском (I т., 2014) языках.

Литература

Актуальные проблемы филологии 2017 – Актуальные проблемы филологии народов России: Матер. Всеросс. научн.-практ. конф. (с межд. участием) 5 апреля 2017 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 662 с. {Aktual'nye problemy filologii narodov Rossii: Mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf. (s mezhd. uchastiem) 5 aprelya 2017 g. – Ufa: RITS BashGU, 2017. – 662 s.}

Ф.Ш. Сибгатов

ВЕНЕДИКТ ГРИГОРЬЕВИЧ КАРПОВ
(к 90-летию со дня рождения
и 70-летию научно-педагогической деятельности)

Карпов Венедикт Григорьевич, доктор филологических наук, профессор – награжден орденом Дружбы, орденом Хакасского регионального общественного движения родов хакасского народа «За благие дела», Государственной премией РХ им. Н.Ф. Катанова (2011 г.), почетным званием «Человек года – 2004», является Почетным работником ВПО РФ, Заслуженным деятелем науки РХ, Отличником народного просвещения, Почетным доктором ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Кök хустар тапсаза,
Кök тайгалар сооласча.
Күлүк кізінің пілізі
Көп чоннарға сабланча.

Хызыл питуктар хысхырза,
Хырның пастары сооласча.
Хыйға кізінің пілізі
Ыраххы чоннарға сабланча.

Тахпах хакасского хайджи С.П. Кадышева о том, что человека славят мудрость и знания, является отличным эпиграфом к жизни и творчеству известного ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова **ВЕНЕДИКТА ГРИГОРЬЕВИЧА КАРПОВА.**

26 марта 2017 г. он отмечает свой юбилей: 90 лет со дня рождения и 70 лет научно-педагогической деятельности. Эта дата знаменательна не только для юбиляра, но для всех многочисленных земляков Венедикта Григорьевича, знающих и уважающих его за широкий интеллект, высокую интеллигентность, необычайную душевность и личное обаяние. Эта дата важна для нас – его коллег, признающих его выдающийся вклад в разработку фундаментальной теории хакасского языкознания и образования. Эта дата дорога для нас – его учеников, чьей миссией стало дальнейшее развитие научного и образовательного потенциала хакасской филологической науки.

Вся биография этого удивительного человека, русского по происхождению, неразрывно связана с хакасским народом и хакасским языком.

Венедикт Григорьевич пятилетним мальчиком оказался в хакасском аале Чиланы Таштыпского района. Детство, проведенное среди местных жителей, позволило в совершенстве овладеть хакасским языком. «В те годы в Чиланах не было ни одной русской семьи, и Венедикт Григорьевич испытал на себе высокую эффективность метода погружения при овладении вторым языком в условиях естественного билингвизма», – отмечает доктор филологических наук Т.Г. Боргоякова [Summa summarum 2007: 5].

В 1942 г. поступил учиться в Хакасское педагогическое училище, где прошел подготовку учителя начальных классов для хакасских школ. После его окончания в 1945 г. он работал по профессии – учителем хакасского языка и заведующим сначала в Печенской, затем в Карагайской школах Таштыпского района.

В 1948 г. поступил на хакасское отделение литературного факультета Абаканского государственного педагогического института. Еще будучи студентом преподавал хакасский язык в Абаканском педагогическом училище.

В результате большого отсева в 1952 г. из хакасской группы закончили институт только трое из пятнадцати набранных. Но это был золотой выпуск, так как двое из них – Карпов Венедикт Григорьевич и Боргояков Михаил Иванович – впоследствии стали докторами наук, создали фундамент хакасской филологической науки.

В 1952 г. поступил в очную аспирантуру Института языкознания АН СССР по специальности тюркские языки (хакасский язык). В Москве пришлось осваивать немецкий язык самостоятельно, к тому же научный руководитель включил в план обучения изучение древнего монгольского и якутского языков. «Пользу от этого я осознал гораздо позже. Сравнивая и сопоставляя аналогичное, человек лучше доходит до сути исследуемого», – вспоминает В.Г. Карпов. Чтобы дотянуться до уровня московских светил, приходилось работать по 15–16 часов в сутки без выходных и каникул. Усердный труд и повышенная ответственность принесли свои плоды. За три года решил все задачи, стоявшие перед ним: сдал экзамены, выучил немецкий язык, изучил монгольский и якутский языки, подготовил и защитил диссертацию.

Тему диссертации со словами «Там у вас с глаголом черт ногу сломит, надо разобраться» определил научный руководитель, член-корр. АН СССР Николай Константинович Дмитриев [Summa summarum 2007: 125]. Диссертация была посвящена сложнейшей теме в грамматике хакасского языка – изъявительному наклонению глагола. Как известно, изъявительное наклонение выражается через

систему временных форм, которая в хакасском языке имеет очень разветвленную структуру: настоящее время представлено пятью формами, прошедшее время – семнадцатью, будущее – тремя. Из литературных текстов хакасских писателей им были определены все временные формы, до настоящего времени считающиеся убедительными и достоверными.

В январе 1956 г. после окончания аспирантуры и защиты диссертации вернулся в Хакасию и продолжил работу в ХакНИИЯЛИ в должности научного сотрудника и по совместительству в Абаканском государственном педагогическом институте на кафедре хакасского языка в должности старшего преподавателя, с 1958 г. работал на кафедре хакасской филологии как основном месте работы в должности заведующего кафедрой.

За время работы неоднократно менялись должности: заведующий кафедрой хакасского языка (1958–1963), декан историко-филологического факультета (1963–1966), заведующий кафедрой русского и хакасского языков (1966–1969), проректор по учебной работе (1969–1975), ректор (1975–1976), доцент кафедры хакасского языка и литературы (1976–1978), заведующий кафедрой хакасского языка и литературы (1978–1980), декан филологического факультета (1980–1985), доцент кафедры хакасской филологии (1985–1994).

В 1995 г. защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада на тему «Система глагола в хакасском языке» на соискание ученой степени доктора филологических наук на заседании Диссертационного совета Института языкознания РАН (г. Москва). В 1996 г. Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию присвоил ему ученое звание профессора.

С 1995 г. по настоящее время работает на кафедре хакасской филологии в должности профессора. Является научным руководителем магистерской и аспирантской программ. Под его научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации в Институте языкознания Российской Академии наук З.Е. Каскаракова, М.А. Медведева, Э.В. Кыржинакова. «Венедикт Григорьевич – мудрый человек, считающийся с мнением людей, с которыми он работает. Это человек, с которым всегда можно посоветоваться и мнением которого дорожишь. Он компетентен во многих областях, и не только научных, всегда найдет время для любого человека, никакие проблемы не кажутся ему чужими», – так нежно отзываются о своем научном наставнике его аспиранты, теперь – коллеги [Summa summarum 2007: 95].

В.Г. Карпов ведет активную научно-исследовательскую работу, имеет свыше 150 публикаций: монографий, словарей, учебников, статей, программ и методических рекомендаций.

Круг научных интересов В.Г. Карпова чрезвычайно широк, так как необходимо было решать разные насущные проблемы языка и образования как теоретического, так и практического характера.

Любимой научной темой В.Г. Карпова является самая сложная часть речи – глагол, парадигма которого, по его подсчетам, состоит из 3150 словоформ. Он исследовал все функциональные типы глагола (наклонение, инфинитив, причастие, деепричастие) и их категории (время, вид, залог). Теория глагола изложена им в академической «Грамматике хакасского языка» (М., 1975), научном докладе «Система глагола в современном хакасском языке» (М., 1995), учебном пособии

«Хакасский язык. Глагол» (Абакан, 2002), «Хакасский язык. Морфология» (Абакан, 2004), монографии «Изъявительное наклонение в современном хакасском языке» (2012) и многочисленных статьях.

Профессор В.Г. Карпов является создателем нового, сопоставительного, подхода к изучению хакасского и русского языков. Разработку данной проблемы начал в 1959 г. с научной статьи «Сопоставительное изучение русского и хакасского языков в хакасских школах», затем разработал программу для студентов (1991), подготовил ряд статей и издал два учебных пособия «Сопоставительная фонетика русского и хакасского языков» (1995), «Сопоставительная фонетика и грамматика русского и хакасского языков» (2010).

Изучая фонетику и орфографию хакасского языка, В.Г. Карпов открыл 18-ю гласную фонему (напряженный звук между *a* и *э*), обнаруживающийся при произношении слов типа *тайга*, *агас*, *күскү*, для обозначения которой нет специальной буквы в хакасском алфавите. Объяснил все фонетические законы и процессы, происходящие в хакасском языке, выявил различия в закономерностях сочетания звуков и их артикуляционных взаимодействиях в русском и хакасском языках. Эти знания помогут учителям и логопедам в специальной работе по формированию правильной речи у детей-билингвов. В.Г. Карпов определил, что в хакасском языке имеется фонематическая и позиционная долгота гласных, этот факт помог унифицировать их правописание.

Кроме научной работы, необходимо было решать проблемы учебно-методического обеспечения хакасских школ. В.Г. Карпов оказывал большую методическую помощь учителям Хакасии: читал им лекции, разрабатывал и издавал методические рекомендации, программы, таблицы, учебно-наглядные пособия. Он – один из авторов школьных учебников по хакасскому и русскому языкам (для хакасских школ). В 1990-х гг. стал одним из разработчиков программы для учащихся, слабо владеющих родным хакасским языком. Чтобы обучить взрослых родному языку В.Г. Карпов стал вести передачу по телевидению (1989) и рубрику в газете «Советская Хакасия» (1990).

Другое направление научной деятельности ученого – подготовка словарей и справочников. В.Г. Карпов участвовал в создании русско-хакасского словаря (1961), а также словарных статей о хакасском языке для центральных энциклопедий и справочников («Языки народов СССР», «Большая советская энциклопедия», «Государственные языки в Российской Федерации», «Энциклопедия Республики Хакасия» и др.).

Для развития хакасской филологии важны и ценны статьи В.Г. Карпова, посвященные истории хакасского языка и истории его изучения: «К вопросу о формировании хакасского литературного языка» (1961), «Первые школьные учебники на хакасском языке» (1967), «Хакасские диалекты и язык кыргызов» (1976, в соавторстве с М.И. Боргояковым), «Хакасские диалекты и язык кыргызов уезда Фууюй (КНР)» (1977, в соавторстве с М.И. Боргояковым), «Развитие хакасского языка и письменности за 50 лет» (1980), «Письменность и социальные функции языка» (1981), «Михаил Иванович Боргояков» (1984), «Николай Федорович Катанов – первый хакасский ученый» (1993), «М.И. Боргояков – исследователь хакасского языка» (2002), «Первые печатные издания на хакасском языке и трагическая судьба их авторов (1930–1938 гг.)» и др.

В.Г. Карпов считает, что с 1985 г. начинается новый период в истории формирования хакасского литературного языка, который совпадает с годами бурных событий в стране в связи с начавшейся перестройкой. В этот период в хакасский литературный язык вливается много новых слов через замену русских заимствований хакасскими новообразованиями, архаизмами, арабскими и монгольскими корнями. Такие пуристические преобразования в языке, по мнению В.Г. Карпова, необъективны и антиисторичны [Карпов 1997: 10–15].

Одним из актуальных, важных направлений научных размышлений В.Г. Карпова является проблема функционирования и сохранения хакасского языка и повышения его культуры. В.Г. Карпов отмечает, что сегодня хакасский язык наиболее активно развивается в сфере искусства [Карпов 1999: 10–15]. Указывает две причины, которые привели к сокращению числа лиц, владеющих родным – хакасским – языком:

1) объективно-историческая, связанная с экономическими изменениями (миграцией, индустриализацией, урбанизацией), малочисленностью хакасов (12% численного состава Республики Хакасия), языковым сдвигом в сторону русского языка и сплошным билингвизмом хакасов;

2) субъективная, связанная с политикой государства по языковому строительству и активной позицией, глубиной национального самосознания самого народа [Карпов 2008а, б].

В.Г. Карпов описывает работу, проведенную Правительством Хакасии, учеными и общественными организациями по восстановлению престижности хакасского языка, повышению его статуса до государственного, расширению сфер функционирования, однако, считает он, языковая ситуация продолжает оставаться сложной.

Спасти язык в нынешней ситуации может только семья, считает В.Г. Карпов. Профессор убежден, что «забыть» свой язык можно только по собственной воле, отказавшись от использования его в своей жизни, в семье, обеднив, таким образом, себя на ту долю мудрости и духовности, которая заключена в языке предков [Карпов 2008б: 34]. Политика же государства, по его мнению, должна быть направлена на возрождение, сохранение деревни, сельского хозяйства и сельских школ, так как «именно села являлись и являются хранителями языка» [Карпов 2011: 3].

Важной задачей вуза, считает он, является подготовка подлинных педагогов, умеющих не только учить, тренировать и обогащать знаниями мозг, но и воспитывать, т. е. совершенствовать самую сложную и тонкую субстанцию человека – его чувства, душу, такие качества, как совесть, честь, волю, патриотизм, трудолюбие и т.д. [Карпов 2014]. Талантливый педагог именно так организует учебный процесс, стараясь в каждую лекцию заложить воспитывающий фактор, особое внимание уделяя воспитанию интернационально-патриотических чувств и чувства ответственности за дело, чувство коллективизма. «Ол пісті хакас тілінің грамматикасына, глаголның хубулызына ла үгретпеен, че ідök чуртаста турыстың кізі поларынаңар, пос тілінің сілииненер, пайынаңар паза кізінің чуртазында туған-чағыннарның аарластың полчатханынаңар удаа чоохтар апарчан, чуртастан тастыхти турбасха, кізінің соона халбин, пістің чирде паза тилекейде нима пол-

чатханын пілерге кӱстечен», – вспоминает о его занятиях Нина Семеновна Майнагашева, теперь ведущий научный сотрудник ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук [Майнагашева 2007: 3].

Эффективные методы совершенствования духовных качеств молодежи и общества в целом он видит в работе общественных организаций, правильно организованном учебном процессе, в чтении художественной и учебной литературы. «Очень важно, чтобы люди читали – только в этом случае возможно интеллектуальное и духовное совершенствование», – наставляет профессор [Карпов 2014: 5].

Чтобы стимулировать мыслительную активность студентов, он практикует лекции-беседы, проблемные лекции. «Особое внимание я уделяю развитию у студентов лингвистического мышления, умению рассуждать», – пишет он в отчетах об учебно-воспитательной работе. С целью приобщения первокурсников к научному стилю хакасского литературного языка ввел традицию читать курс «Введение в языкознание» на хакасском языке.

Многие поколения благодарных учеников с большой теплотой отзываются о нем – «наш Учитель», «наш Отец». Писатели, коллеги, учителя, супруга и ученики посвящают ему стихи, журналисты – очерки, писатели – художественные рассказы. Не в этом ли всеобщее признание заслуг профессора, не в этом ли оценка легендарной личности нашего времени – русского хакаса Венедикта Григорьевича Карпова?

Венедикта Григорьевича всегда поддерживает его жена Валентина Александровна Савченко, кандидат филологических наук, доцент. Она его верный единомышленник и надежная опора. Не зря, видимо, они родились почти в один день. И в научной работе они прекрасно поддерживают и дополняют друг друга. Валентина Александровна использует в лекциях знания, полученные о хакасском языке от Венедикта Григорьевича, а он – сведения о немецком языке для сопоставительного анализа.

*Аарлыг Ыҕретчилерибис Венедикт Григорьевич, Валентина Александровна!
Чарых чолларың успазын, тирең сагыстарың соолбазын! Пу чуртас чолында
сүрнүкпин, матлама пас чөриңер!*

Пусть не меркнет светлый жизненный путь, пусть не иссякнет источник мудрости и знаний. Пусть поступь ваша будет крепкой, а жизнь светлой.

Литература

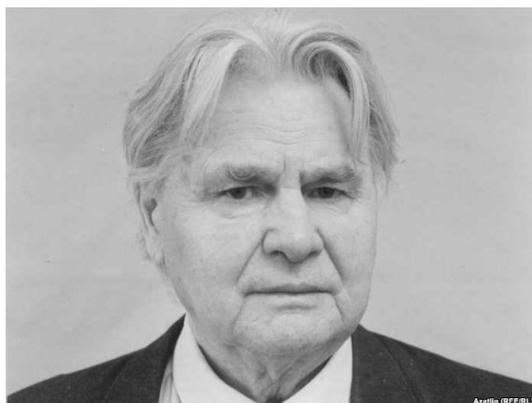
Summa summarum 2007 – Summa summarum: В.Г. Карпов. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности / сост. И.П. Амзаракова, В.В. Миндибекова; отв. ред. Т.Г. Боргойкова. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2007. 144 с. {Summa summarum: V.G. Karpov. Devoted to his 80th anniversary and to and to the 60th anniversary of his scientific and pedagogical activity. / Authors: I.P. Amzarakova, V.V. Mindibekova; есесutive editor: T.G. Borgoyakova. Abakan: The publishing house of the Khakassian State University named after N.F. Katanov, 2007. 144 p.}

Карпов 1997 – *Карпов В.Г.* Состояние современного хакасского литературного языка // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Вып. I. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1997. С. 10–15. {*Karpov V.G.* The modern state of the literary Khakass language. // The Yearbook of the Sayan-Altai Turkology of the Khakassian State University named after N.F. Katanov. 1st Issue. Abakan: The publishing house of the Khakassian State University named after N.F.Katanov, 1997. P. 10–15.}

- Карпов 1999 – *Карпов В. Г.* Функционирование хакасского языка в сфере искусств // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. III. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1999. С. 10–15. {*Karpov V.G.* Functioning of the Khakass language in the sphere of arts. // The Yearbook of the Sayan-Altai Turkology of the Khakassian State University named after N.F. Katanov. 3rd Issue. Abakan: The publishing house of the Khakassian State University named after N.F. Katanov, 1999. P. 10–15.}
- Карпов 2002 – *Карпов В.Г.* Пала тілге, кибірлерге иң пастап іче-пабазына көдігіп үгренче // Поиск: научно-образовательный и методический журнал. Абакан: Отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО «Роса», 2002. С. 16–18. {*Karpov V.G.* A child learns the language and the traditions from the very beginning through imitation of parents. // Search: scientific-educational and methodical magazine. Abakan: The Section of Publishing Field of the Khakassian Republican Institute of Advanced Training and Retraining of Educational Personnel “Rosa”, 2001. P. 16–18. In Khakass.}
- Карпов 2008а – *Карпов В.Г.* Ноға пос тілін пілбинчеткен хакастарның саны өсче? // Инесай №1. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Хакасии. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. С. 68–70. {*Karpov V.G.* Why the number of Khakass people without knowledge of the mother tongue is increasing? // Inesay No. 1. Fictional and socio-political magazine of Khakassia’s writers. Abakan: The Khakassian book publishing house, 2008. P. 68–70. In Khakass.}
- Карпов 2008б – *Карпов В.Г.* Прошлое, настоящее и будущее хакасского языка. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 36 с. {*Karpov V.G.* The Past, Present and Future of the Khakass language. Abakan: The Khakassian book publishing house, 2008. 36 p.}
- Карпов 2011 – *Карпов В.Г.* Как Хакасии остаться... Хакасией? // Хакасия: ежедневная республиканская газета. Абакан. 08.03. 2011. № 47. С. 3. {*Karpov V.G.* How can Khakassia remain... Khakassia? // Khakassia: Daily Republican Newspaper. Abakan. 08.03.2011. No. 47. P. 3.}
- Карпов 2014 – *Карпов В.Г.* Книга – мудрый воспитатель // Хакасия: ежедневная республиканская газета. Абакан. 15 мая 2014. № 90. С. 5. {*Karpov V.G.* Book – the wise mentor. // Khakassia: Daily Republican Newspaper. Abakan. May 15, 2014. No. 90. P. 5.}
- Майнагашева 2007 – *Майнагашева Н.С.* Чүреем толча // Наа чол: Сойан-алтай тюркология институтының газетасы. № 2. Көрік айының 26 күні 2007 чыл. 3 с. {*Maynagasheva N.S.* My heart is filled // New Way: The Newspaper of the Institute of Sayan-Altai Turkology, No. 2, April 26, 2007. 3 p. In Khakass.}

И.Л. Кызласова

СУФИЯН ШАМСУТДИНОВИЧ ПОВАРИСОВ
(29.08.1924–3.07.2016)

3 июля 2016 г. научная и литературная общественность Республики Башкортостана и Российской Федерации понесли тяжелую утрату. В г. Уфе на 92-м году жизни скончался видный лингвист-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры татарской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», член Союза писателей СССР, РФ и РБ, народный писатель Башкортостана, ветеран Великой Отечественной войны Суфийан Шамсутдинович Поварисов. Прощание с ученым и писателем состоялось 4 июля в здании Башкирской государственной филармонии, и в тот же день он был похоронен на малой родине – на кладбище с. Верхнеяркеево Илишевского района Республики Башкортостан.

С.Ш. Поварисов родился 29 августа 1924 г. в селе Тупеево Белебеевского кантона Башкирской АССР (ныне – Илишевский район Республики Башкортостан). После окончания семилетней школы работал в колхозе, а затем трудился в Сибири на строительстве железной дороги.

После возвращения домой был призван в действующую армию. С августа 1942 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. С.Ш. Поварисов, будучи командиром расчета 469-го минометного полка Резерва Ставки Верховного командования, принимал участие в освобождении Украины, Белоруссии, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Германии. Он прошел тяжелый путь советского воина от Курской дуги до Дрездена, где и встретил День Победы. За ратные подвиги был удостоен орденов Отечественной войны II степени и Славы III степени, многочисленных медалей.

Демобилизовавшись в 1947 г., вернулся в родную деревню. Любознательный с детства и беспокойный от природы, С.Ш. Поварисов рискнул уехать в Среднею

Азию. В те времена многие так поступали, но его больше всего к этому подтолкнула жажда достойной жизни. К тому же, несмотря на его подвиги на войне, он так и оставался для односельчан сыном сельского муллы. Работал в школах Кыргызстана и Узбекистана, там же получил среднее образование. В 1951 г. он поступил учиться на историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института.

Суфиян Поварисов начал заниматься наукой и литературным творчеством еще в студенческие годы. Он, будучи студентом второго курса, под руководством аспиранта Г.Х. Ахатова (позже – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языка и литературы в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября) написал курсовую работу по стилистическим особенностям произведений Габдуллы Тукая. Тогда же фронтовик С. Поварисов увлекся изучением творчества и подвига знаменитого татарского поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля и подготовил научную работу на тему «Сравнения в поэзии Мусы Джалиля и их роль в раскрытии идейного содержания произведений», которая была напечатана в журнале Министерства просвещения Татарской АССР «Совет мәктәбе» («Советская школа»). Чуть позднее он приступил к сравнительному изучению тюркских языков. Интерес к языкам у него проснулся ещё в послевоенные годы, когда он служил в Венгрии, где самостоятельно изучил венгерский, а в Кыргызстане и Узбекистане он овладел кыргызским и узбекским языками. В период учебы в педвузе способности к языкам подкрепились тягой к творческой деятельности. Он руководил работой студенческого творческого кружка.

Такая бурная деятельность студента-фронтовика не могла остаться незамеченной преподавателями и руководителями факультета. В литературных занятиях ему помогал советами татарский поэт Сибгат Хаким, в области языкознания – Латиф Зайяй, Вали Хангильдин и др. Именно они затем уговаривали молодого специалиста, но уже бывалого мужчину, продолжить учебу в аспирантуре. Однако, окончив институт с отличием в 1955 г., С.Ш. Поварисов в течении трех лет работал учителем родного языка и директором Барсуковской семилетней школы Актанышского района Татарской АССР. А в 1958 г. вернулся в Башкирскую АССР и работал в Уфе литературным сотрудником республиканской татарской газеты «Кызыл тан».

В 1960 г. С.Ш. Поварисов был приглашен на работу в Башкирский государственный университет на кафедру татарского языка и литературы, где прошел путь от старшего преподавателя до профессора. Он был не только талантливым преподавателем, подготовившим многочисленных учителей родного языка, но и опытным научным руководителем кандидатов и докторов наук, внес большой вклад в развитие отечественной филологии.

В области тюркологии он занимался изучением языка художественных произведений классиков татарской литературы, сделал многое для разработки проблем стилистики современного татарского литературного языка. Он исследовал проблемы формирования татарской стилистики на примере творчества великого татарского писателя Галимджана Ибрагимова. Индивидуальное своеобразие художественного слова произведений классиков татарской и башкирской литературы легли в основу его кандидатской и докторской диссертаций, написанных под руководством академика АН РТ М.З. Закиева. Его научные труды помогли поднять стилистику на уровень самостоятельного направления в татарском языкознании.

С.Ш. Поварисов написал по данной проблематике около 250 научных работ, 20 из которых представляют собой научные монографии и учебные пособия: «Язык и стиль прозы Г. Ибрагимова» (1979), «Система образных средств в художественной прозе Г. Ибрагимова» (1980), «Язык – зеркало души» (1982), «Искусство художественного слова» (1982), «Г. Ибрагимов и татарский литературный язык» (1992), «Сравнительные конструкции в татарском языке» (1996), «Слово и художественная речь» (1997), «Практическая стилистика татарского языка» (2002), «Сравнения в поэтике Г. Тукая» (2004) и др. Они имеют не только большое теоретическое, но практическое значение. Только за последние годы он опубликовал такие солидные научные работы, как «Проблемы изучения языка художественных произведений» (2013), «Педагогическая эстетика» (2015) и др., где детально анализируются проблемы языка и стиля художественных произведений, индивидуальное своеобразие словоупотребления (образность, идейность, эмоциональность) как новаторский прием писателя. Он раскрыл роль писателя в развитии литературного языка, его мастерство в употреблении изобразительных и выразительных средств, изучил романтические и реалистические краски языка, эволюцию стиля, лингвостилистическое влияние творчества мастеров художественного слова на формирование молодого писателя. Он обращал внимание на проблемы педагогической эстетики, философское учение об искусстве и о художественном творчестве, отношение искусства к действительности, сущность и проявления прекрасного в жизни и искусстве.

Естественно, результаты его исследований оказали существенное влияние и на развитие стилистики тюркских языков. Такая полнокровная и активная научная деятельность С.Ш. Поварисова нашла достойную государственную и общественную оценку: он был удостоен высоких званий «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан», «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

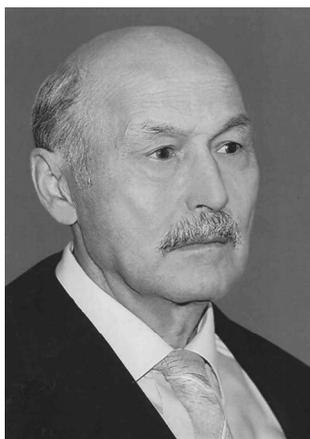
Научную деятельность С.Ш. Поварисов успешно сочетал с художественным творчеством. Его публицистические, стихотворные, драматические и прозаические произведения являются своеобразным этапом в развитии как башкирской, так и татарской литературы. Военный период оставил глубокий след в его творчестве, многие его произведения навеяны фронтовыми впечатлениями. Героизм советских солдат на фронтах Великой Отечественной войны, вечные морально-этические устои, самоотверженный труд земледельцев и простых сельских учителей – вот только некоторые темы его произведений.

Особой вехой в его творчестве является трилогия «Заря пророка» о трагической жизни государственного и общественного деятеля, ученого и классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова. Высокий уровень творчества, общественная деятельность и гражданская позиция С.Ш. Поварисова были высоко оценены присвоением ему в 2011 г. звания народного писателя Башкортостана, литературными премиями имени Галимджана Ибрагимова, Фатиха Карима и др.

Многочисленные ученики, коллеги, друзья и близкие скорбят об уходе из жизни этого замечательного человека – ветерана Великой Отечественной войны, видного языковеда и талантливого писателя. Мы всегда будем помнить его – нашего учителя и дорогого коллегу.

А.Г. Шайхулов, К.М. Миннуллин, И.С. Насипов

РАШИТ ЗАКИРОВИЧ ШАКУРОВ
(к 80-летию ученого)

11 января 2017 г. выдающемуся российскому и башкирскому ученому и писателю, языковеду-тюркологу, литературоведу, энциклопедисту, поэту, прозаику, публицисту, педагогу и общественному деятелю, доктору филологических наук, профессору Рашиту Закировичу Шакурову (Рашиту Шакуру) исполнилось 80 лет.

Р.З. Шакуров родился 11 января 1937 г. в д. Ново-Абдрахманово Альшеевского района Башкирской АССР (ныне эта деревня относится к Стерлитамакскому району Республики Башкортостан). Начальное образование получил в родной деревне, окончил Мурадымовскую семилетнюю школу Аургазинского района (1952), отделение геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений Октябрьского нефтяного техникума (1956). В 1956–1959 гг. служил в рядах Советской армии. Окончив с отличием филологический факультет Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября (1965), до 1969 г. работал заведующим отделами культуры и быта, литературы и искусства редакции республиканской газеты «Совет Башкортостаны».

В 1969–1972 гг. Р.З. Шакуров – аспирант Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского филиала АН СССР и Института языкознания АН СССР. В 1974 г. под руководством выдающегося советского языковеда-тюрколога Н.А. Баскакова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Топонимия бассейна реки Демы». В 1972–1992 гг. он являлся научным сотрудником ИИЯЛ БФ АН СССР, заведующим отделом редакции журнала «Агидель», литературным консультантом правления Союза писателей Башкортостана. В 1992 г. во исполнение Постановления Правительства Республики Башкортостан под руководством Р.З. Шакурова был организован отдел Башкирской энциклопедии при

ИИЯЛ УНЦ РАН, что позволило заложить основы нового научного направления в республике. С 1995 г. до января 1998 г. работал и.о. директора, директором и главным редактором научного издательства «Башкирская энциклопедия». В 1996 г. под его редакцией увидел свет фундаментальный труд в данной отрасли науки – краткая энциклопедия «Башкортостан» объемом более 140 научно-издательских листов – первый труд подобного рода не только в республике, но и в регионах России. В 1997 г. это капитальное издание под его редакцией было выпущено уже на башкирском языке.

С 1998 по 2012 гг. Р.З. Шакуров работал в должности профессора кафедры башкирского языка Башкирского государственного педагогического университета (БГПУ) им. М. Акмуллы. Здесь он в разные годы читал студентам факультета башкирской филологии лекции по таким научным дисциплинам, как «Введение в тюркологию», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Башкирская диалектология», вел спецкурсы по топонимии Башкортостана, «Печатные средства массовой информации».

Р.З. Шакуров – автор 430 научных публикаций, в том числе 7 монографических исследований, посвященных изучению топонимии современного и исторического Башкортостана, истории башкирской литературы, фольклора, диалектов и говоров башкирского языка. Кроме того, в периодической печати им опубликовано более 700 статей на различные темы. Будучи членом Главной редакционной коллегии, принял участие в подготовке многотомной академической «Истории башкирской литературы»: написал ряд разделов к томам, был редактором 4-го тома данного издания. Является составителем и ответственным редактором целого ряда научных трудов и научно-популярных книг, в том числе таких, как: Творчество Ризы Фахретдинова: исследования, материалы. – Уфа, 1988. – 136 с.; Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали: Поэтика. Проблематика. Язык произведения. – Уфа, 1988. – 124 с.; Миякинский район – родина Акмуллы: научно-справочное издание. – Уфа: Скиф, 2006. – 528 с.; Шакурова Ш.Р. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр». Архивный первоисточник и его текстологический анализ: монография. – Уфа: Гилем, 2007. – 384 с.; Мурзагильдин Р.Д. Тайны башкирского бортничества. – Уфа: Гилем, 2010. – 232 с. Владея в совершенстве башкирским и русским языками, в названных выше изданиях, особенно при подготовке краткой энциклопедии «Башкортостан», проявил себя как талантливый редактор научных и научно-популярных работ. Р.З. Шакуров принял активное участие и в создании 7-томной «Башкирской энциклопедии» (Уфа, 2005–2011) как автор огромного количества тематических и биографических статей и член Научно-редакционного совета.

Важнейшим направлением научной деятельности Р.З. Шакурова была и остается топонимика. Он один из авторов и ответственных редакторов «Словаря топонимов Республики Башкортостан» (Уфа, изд. 1-е, 1980; изд. 2-е, 2002), один из составителей «Русско-башкирского словаря водных объектов Республики Башкортостан» (Уфа: Китап, 2005). Издание этих словарей дало большой импульс для собирания и изучения богатейшего топонимического наследия Башкортостана. В монографии «По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы» (Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986) автор впервые в тюркологии разрабо-

тал оригинальную классификацию топонимов по их лексико-семантическим признакам, которая успешно используется и в последующих исследованиях топонимистов. Его перу принадлежат первые в башкирском языкознании научно-популярные книги по топонимике: «Память земли» («Ерзең хәтер китабы». – Өфө: Башк. китап нәшр., 1984) и «Свидетельствуют имена» («Исемдәрзә – ил тарихы». – Өфө: Китап, 1993).

Большим вкладом в развитие отечественной топонимической науки стала докторская диссертация Р.З. Шакурова «Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья», которую ученый успешно защитил в 1998 г. В настоящее время Р.З. Шакуров – один из ведущих представителей Башкирской топонимической школы.

Творчески развивая и критически осмысливая идеи и концепции своих предшественников, ученый в 1999 г. предложил новую классификацию диалектов и говоров башкирского языка, а в 2011 г. в издательстве БГПУ им. М. Акмуллы увидел свет созданный им первый стабильный учебник по этому предмету. В 2012 г. эта книга, получившая высокую оценку научной и педагогической общественности Башкортостана, была выпущена массовым тиражом в республиканском издательстве «Китап». В ходе работы по этой теме Р.З. Шакуров выявил и описал несколько ранее не изученных территориальных говоров (например, уршакский и зиганский говоры, а также асулинский говор, по какой-то причине выпавший из поля зрения диалектологов) и включил их в состав диалектов башкирского языка. Согласно разработанной им классификации, в современном разговорном языке башкир выделяются три диалекта (восточный, южный и северо-западный) и шестнадцать говоров.

Р.З. Шакуров снискал широкую известность как один из самых авторитетных знатоков жизни и творчества великого башкирского поэта-просветителя Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895). Его монография «Звезда поэзии», посвященная изучению творческого наследия поэта, стала в свое время своеобразным открытием в родном литературоведении и в 1981, 1996, 2006 гг. выдержала три издания большими тиражами, сделалась настольной книгой учителей родной литературы, истории и культуры Башкортостана, а автор первым удостоился премии им. М. Акмуллы.

Такие капитальные издания ученого и писателя, как «Заповедь веков» («Быуаттар аманаты». – Уфа: Китап, 2002), «Истоки духовности» (Уфа: Гилем, 2009), «Мой родной Башкортостан» («Баш йортобоз – Башкортостан». – Уфа, 2011), являются образцом исследования и пропаганды многовекового духовного и культурного наследия Башкортостана и башкир. В 1996 г. Р.З. Шакуров издал книгу статей и очерков о башкирском фольклоре, музыкальных инструментах, народных певцах и музыкантах Башкортостана под емким и образным названием «Страна поющих журавлей» («Сыңрау торналар иле». – Уфа: Китап, 1996). В ней автор увековечил имена более двух десятков выдающихся исполнителей и хранителей песен и мелодий родного народа. Совместно с известным музыковедом Ф.Х. Камаевым им подготовлен уникальный в своем роде сборник народных песен, мелодий и песенных преданий «Мелодии седого Урала» («Сал Уралдың мондары». – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988) из репертуара прославленного кураиста Карима Диярова. А в книге «Знаменитые башкиры» («Арзаклы

башкорттар». – Уфа: Китап, 1998; 2-е изд., 2005) представлены научные биографии более сорока известных исторических деятелей Башкортостана начиная с эпохи средневековья до начала XXI столетия.

Профессор Р.З. Шакуров принимал участие в подготовке научных кадров, оппонировал кандидатские и докторские диссертации. Он регулярно выступает с докладами на международных, региональных и республиканских научных конференциях. Его труды востребованы в вузах и школах Башкортостана. Они пользуются известностью как в России, так и за ее пределами.

Р.З. Шакуров (Рашит Шакур) – член Союза писателей СССР, России и РБ (с 1978 г.), Союза журналистов СССР и России (с 1961 г.), снискал широкую известность как автор целого ряда высокохудожественных произведений в разных жанрах родной словесности – в поэзии, прозе, публицистике, критике и литературоведении. Им выпущено 9 сборников стихотворений и поэм. Лучшее из поэтического творчества Р. Шакура вошло в 1-й том «Избранных произведений», увидевший свет в Башкирском издательстве «Китап» в 2017 г. к его 80-летию. Его стихи переведены на русский, украинский, казахский, болгарский, немецкий, турецкий, чувашский и др. языки. На стихи Р. Шакура композиторами Башкортостана написано более 50 песен, которые составили отдельный музыкально-поэтический сборник «Колыбель моя – седая степь» («Сәңгелдәгем – сал дала». – Уфа, 2003). Рашит Шакур – соавтор литературного текста Государственного гимна Республики Башкортостан.

Р.З. Шакуров много и плодотворно занимается общественной работой. С 1988 г. в течение четверти века был членом правления Союза писателей Башкортостана, в 1991–2011 гг. – членом Научно-редакционного совета научного издательства «Башкирская энциклопедия», в 1989–1991 гг. возглавлял Башкирский народный центр «Урал» и принимал деятельное участие в борьбе за суверенитет республики. С 1991 по 2010 гг. участвовал в работе Комиссии Администрации г. Уфы по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», Комиссии по административно-территориальному устройству РБ при Аппарате Президента Республики Башкортостан, в тот же период руководил Топонимической службой Комиссии по реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», в настоящее время является членом этой службы, а также научным консультантом научно-издательского комплекса «Башкирская энциклопедия», председателем комиссии по присуждению литературных премий им. М. Бурангулова Союза писателей Башкортостана. В 1995, 2002 и 2010 гг. избирался делегатом I, II и III Всемирных курултаев башкир.

Ученый и поэт Р.З. Шакуров – лауреат Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (2012), премий им. Мифтахетдина Акмуллы (1989), Рами Гарипова (1999), Зайнаб Бишевой (2012), отличник образования РБ (1997), заслуженный работник культуры БАССР (1988), заслуженный деятель науки РБ (1997), академик Международной тюркской академии (1997). В 2011 г. он стал обладателем гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» (2003), орденом Салавата Юлаева (2007), Почетными грамотами Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан (2012), Министерства культуры РБ (2012),

Министерства образования РБ (2012), Совета городского округа город Уфа (2012), Всемирного курултая (конгресса) башкир (2012, 2017), Уфимского научного центра Российской академии наук (2017). Ему присуждена общественная премия Всемирного курултая (конгресса) башкир «За выдающийся вклад в развитие материальной и духовной культуры башкирского народа» (2011).

Свое 80-летие Р.З. Шакуров (Рашит Шакур) встретил с довольно значительным по объему и интересным по содержанию мемуарным произведением под названием «Письмена на сердце» («Йөрәктәге язмалар»). Воспоминания корифея башкирской науки и культуры, в течение многих лет находившегося в центре ключевых событий литературной, научной и общественной жизни республики, были опубликованы в журнале «Агидель». Они вызвали большой резонанс среди читателей и оцениваются как оригинальное явление в современной мемуаристике.

Список основных трудов Р.З. Шакурова

- Шакуров Р.З.* Ономастическое наследие в башкирских шежере // Ономастика Поволжья – 3: Матер. научн. конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 422–428. {*Shakurov R.Z.* // Onomastics of the Volga Region. Summaries of the scientific conference on the Volga Region onomastics. Ufa, 1973. P. 422–428.}
- Шакуров Р.З.* События и имена героев Крестьянской войны 1773–1775 гг. на карте Южного Урала // Участие народов в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: Тез. докл. на Всесоюзн. научн. конф. Уфа, 1974. С. 71–74. {*Shakurov R.Z.* The events and the names of heroes of the Peasant war: 1773–1775 // The participation of peoples in the Peasant war: 1773–1775: The Theses of reports at All- USSR Scientific Conference. Ufa, 1974. P. 71–74.}
- Словарь топонимов Башкирской АССР / Сост.: *А.А. Камалов, Р.З. Шакуров, З.Г. Ураксин, М.Ф. Хисматов.* Отв. редактор *А.А. Камалов.* Уфа: Баш. кн. изд-во, 1980. 200 с.; Словарь топонимов Республики Башкортостан. 2-е изд. Отв. редактор *А.А. Камалов, Р.З. Шакуров.* Уфа: Китап, 2002. 255 с. {Dictionary of Toponyms of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic / Authors: *A.A. Kamalov, R.Z. Shakurov, Z.G. Uraksin, M.F. Khismatov.* Executive editor: *A.A. Kamalov.* Ufa: Bashkir publishing house, 1980. 200 p.; Dictionary of Toponyms of the Republic of Bashkortostan. 2nd ed. Executive editor: *A.A. Kamalov, R.Z. Shakurov.* Ufa: Kitap, 2002. 255 p.}
- Шакур Р.* Звезда поэзии: Мифтахетдин Акмулла (Жизнь. Творчество. Мировоззрение). Уфа: Баш. кн. изд-во, 1981. 144 с.; 2-е, дополненное изд. Уфа: Китап, 1996. 184 с.; 3-е, дополненное издание. Уфа: Китап, 2006. 200 с. {*Shakur R.* The star of poetry: Miftakhetdin Akmulla (Life. Works. Worldview.). Ufa: The Bashkir publishing house, 1981. 144 p.; 2nd, extended edition. Ufa: Kitap, 1996. 184 p.; 3rd, extended edition. Ufa: Kitap, 2006. 200 p.}
- Шәкур Р.* Ерзең хәтер китабы: фәнни-художестволы очерктар һәм мәкәләләр. Өфө: Башк. китап нәшр., 1984. 168 с. {*Shakur R.* The Land's Memory Book: scientific-fiction essays and articles. Ufa: Bashkir publishing house, 1984. 168 p. In Bashkir.}
- Шакуров Р.З.* По следам географических названий: Топонимия бассейна реки Демы. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1986. 182 с. {*Shakurov R.Z.* Following the geographical names: Toponymy of the Dema river basin. Ufa: Bashkir publishing house, 1986. 182 p.}
- Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали: Поэтика. Проблематика. Язык произведения. / Сост., отв.ред., автор предисл. *Р.З. Шакуров.* Уфа, 1988. 124 с. {Kul Gali's poem "Kyssa-i Yusuf": Poetics. Problematic. The language of the work / Author, executive editor and the foreword writer: *R.Z. Shakurov.* Ufa, 1988. 124 p.}
- Шакур Р.* Әзәби телебез тарихынан // Башкорт әзәбиәте тарихы. Алты томда. 1 том. Өфө; Башк. китап нәшр., 1990. С. 544–581. {*Shakur R.* The history of our literary language // The history of the Bashkir literature. In six volumes. Volume 1. Ufa; Bashkir publishing house, 1990. P. 544–581. In Bashkir.}

- Краткая энциклопедия «Башкортостан»: словник. Рук. авторск. колл.: *Р.З. Шакуров*. Уфа, 1992. 109 с. {The Concise Encyclopedia “Bashkortostat”: the vocabulary. The lead author: *R.Z. Shakurov*. Ufa, 1992. 109 p.}
- Шәкүр Р.* Исемдәрзә – ил тарихы; тикшеренеүзәр, мәкәләләр. Өфө: Китап, 1993. 256 с. {*Shakur R.* In the Names – the Land’s History; studies, articles. Ufa: Kitap, 1993. 256 p. In Bashkir.}
- Шәкүр Р.* Путь в тысячу лет: история башкирской литературы с древних времен до наших дней. – М.: Рарог, 1996. 39 с. (на баш. и рус. языках). {*Shakur R.* The Rout of a Thousand Years: history of the Bashkir literature from the early times to our days. M.: Rarog, 1996. – 39 p. In Bashkir and Russian.}
- Башкортостан: краткая энциклопедия // Главный редактор *Р.З. Шакуров*. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. 669 с. {Bashkortostan: the Concise Encyclopedia // Editor-in-chief: *R.Z. Shakurov*. Ufa: The Bashkir Encyclopedia, 1996. 669 p.}
- Башкортостан: кыскаса энциклопедия // Баш мөхәррир *Р.З. Шәкүров*. Өфө: Башкорт энциклопедияһы, 1997. 690 с. {Bashkortostan: The Concise Encyclopedia // Editor-in-chief: *R.Z. Shakurov*. Ufa: The Bashkir Encyclopedia, 1997. 690 p. In Bashkir.}
- Шәкүр Р.* Арзаклы башкорттар: филми-биографик очерктар. Өфө: Китап, 1998. 304 с.; 2-е изд. Өфө: Китап, 2005. 376 с. {*Shakur R.* The Respected Bashkir Persons: scientific-biographic essays. Ufa: Kitap, 1998. 304 p.; 2nd Edition. Ufa: Kitap, 2005. 376 p. In Bashkir.}
- Шәкүр Р.* Быуаттар аманаты: эзләнеүзәр, тикшеренеүзәр. – Өфө: Китап, 2002. – 480 с. {*Shakur R.* The Captive of Eternity: research, studies. – Ufa: Kitap, 2002. – 480 p. In Bashkir.}
- Шакуров Р.З.* Источники по топонимии Южного Урала и Предуралья // Туркология накануне XXI века. Достижения, состояние, перспективы: Материалы международного конгресса, том 1. Уфа: Гилем, 2003. С. 54–65. {*Shakurov R.Z.* The Sources for Toponymy of the Southern Urals and the foothills of the Urals // Turkology on the Eve of 21st Century. Achievements, modern state, prospects: The summaries of the International congress, Volume 1. Ufa: Ghilem, 2003. P. 54–65.}
- Шәкүр Р.* XX век и башкиры: Статьи. Уфа, 2004. 80 с.; 2-е изд. Уфа, 2005. 116 с. {*Shakur R.* 20th Century and the Bashkirs: Articles. Ufa, 2004. 80 p.; 2nd Edition. Ufa, 2005. 116 p.}
- Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан / Сост.: *Ф.Г. Хисамитдинова, Р.З. Шакуров, З.А. Сиразитдинов, Ю.Х. Юлдашбаев*. Уфа: Китап, 2005. 255 с. {Russian-Bashkir Dictionary of Water Bodies of the Republic of Bashkortostan / Autors: *F.G. Khisamitdinova, R.Z. Shakurov, Z.A. Sirazitdinov, Yu.Kh. Yuldabashev*. Ufa: Kitap, 2005. 255 p.}
- Шакуров Р.З.* Великий поэт и просветитель // Наследие М. Акмуллы. Взгляд через века: Матер. межд. научн. конф. (14–15 декабря 2006 года) Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 144–152. {*Shakurov R.Z.* The Great Poet and Enlightener // The M. Akmulla’s Heritage. A glance through the centuries: The summaries of the international scientific conference (14–15 December, 2006). Ufa: The publishing house of the Bashkir State Pedagogical University, 2006. P. 144–152.}
- Шакурова Ш.Р.* Башкирский народный эпос «Урал-Батыр». Архивный первоисточник и его текстологический анализ: монография / Отв. редактор *Р.З. Шакуров*. Уфа: Гилем, 2007. 384 с. {*Shakurova Sh.R.* The Bashkir National Epos “Ural-Batur”. The archival primary source and its textual analysis: The Monograph / Executive editor: *R.Z. Shakurov*. Ufa: Ghilem, 2007. 384 p.}
- Шакуров Р.З.* Топонимические исследования в Башкортостане: Состояние и перспективы // Урал-Алтай: Через века в будущее, 1 том. Уфа, 2008. С. 321–327. {*Shakurov R.Z.* The Toponymic Research in Bashkortostan: The Modern State and the Prospects // Ural-Altai: Through the Centuries to the Future, Volume 1. Ufa, 2008. P. 321–327.}
- Шәкүр Р.* Истоки духовности: исследования, публицистика. Уфа: Гилем, 2009. 520 с. {*Shakur R.* The Sources of Spirituality: studies, journalism. Ufa: Ghilem, 2009. 520 p.}
- Шәкүр Р.* Баш йортобоз – Башкортостан: мәкәләләр, очерктар. Өфө, 2011. 464 с. {*Shakur R.* Our Main House – Bashkortostan: articles, essays. Ufa, 2011. 464 p.}
- Шәкүр Р.* Башкорт диалектологияһы: укыу кулланмаһы. Өфө: БДПУ нәшриәте, 2011. 220 с.; 2-е изд. Уфа: Китап, 2012. 240 с. {*Shakur R.* The Bashkir Dialectology: a learning manual. Ufa: The publishing house of the Bashkir State Pedagogical University, 2011. 220 p.; 2nd Edition. Ufa: Kitap, 2012. 240 p. In Bashkir.}

Публикации, посвящённые Р.З. Шакурову

- Актуальные проблемы тюркской и башкирской филологии: Матер. межд. заочн. научн.-практ. конф., посв. 75-летию ученого и писателя, доктора филологических наук, профессора Рашита Закировича Шакурова / Отв. редактор *Р.З. Шакуров*. Уфа: изд-во БГПУ, 2012. 339 с. {The Actual Questions of the Turkic and Bashkir Philology: The summaries of International extramural scientific-practical conference devoted to 75th anniversary of scientist and writer, Doctor of Philology, Professor Rashit Zakirovich Shakurov / Executive editor: *R.Z. Shakurov*. Ufa: The publishing house of the Bashkir State Pedagogical University, 2012. 330 p.}
- Галляутдинов И.Г.* Поэт, ученый-энциклопедист, общественный деятель // *Галляутдинов И.Г.* Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения. Уфа: Гилем, 2008. С. 340–341. {*Gallyautdinov I.G.* Poet, Scientist-Encyclopædist, Public Figure // *Gallyautdinov I.G.* The Bashkir literature language and the questions of Oriental studies. Ufa: Ghilem, 2008. P. 340–341.}
- Мурзагильдин Р.Д.* Тайны башкирского бортничества / Подготовил к изданию *Р.З. Шакуров*. Уфа: Гилем, 2010. 232 с. {*Murzagil'din R.D.* The Secrets of the Bashkir Honey Gathering / Edited by *R.Z. Shakurov*. Ufa: Ghilem, 2010. 232 p.}
- Профессор Шакуров Рашит Закирович (Рашит Шакур). Библиография / Сост. *Р.З. Шакуров, Г.Р. Камалова*. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 140 с. {Professor Shakurov Rashit Zakirovich (Rashit Shakur). Bibliography. / Editors: *R.Z. Shakurov, G.R. Kamalova*. Ufa: the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ghilem, 2012. 140 p.}
- Рашит Шакур (Шакуров Рашит Закирович). Библиографический указатель: Национальная библиотека им. А.-З. Валиди РБ. Уфа, 2017. 192 с. {Rashit Shakur (Shakurov Rashit Zakirovich). The bibliographic index: The National Library named after A.-Z. Validi of the Republic of Bashkortostan. Ufa, 2017. 192 p.}

Ю. В. Псянчин

ПРОТОКОЛ Годичного собрания Российского комитета тюркологов

2–3 февраля 2018 г.

Присутствовали: члены бюро РКТ: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, чл.-корр. РАН, д.ф.н., *Телицин Н.Н.* – Восточный факультет СПбГУ, к.ф.н., доц.; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; члены РКТ: *Алишина Х.Ч.* – Центр тюркологии Тюменского госуниверситета, д.ф.н., проф., академик АН РТ; *Есипова А.В.* – Новокузнецкий филиал КемГУ, д.ф.н.; *Кызласов И.Л.* – Институт археологии РАН, д.и.н., проф.; *Кызласова И.Л.* – Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, к.ф.н., доц.; *Майнагашева Н.С.* – ХакНИИЯЛИ, к.ф.н.; *Мудрак О.А.* – РГГУ, д.ф.н., проф.; *Муртазалиев А.М.* – ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДагНЦ РАН, д.ф.н., проф.; *Мусаев К.М.* – Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., академик АН Казахстана; *Насипов И.С.* – БГПУ им. М. Акмуллы, д.ф.н., доц.; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г. Франкфурта, Германия, д.ф.н., проф.; *Песянчин Ю.В.* – Российский исламский университет (Уфа), д.ф.н.; *Селендили Л.С.* – Крымский федеральный университет им. Вернадского, д.ф.н., проф.; *Сибгатов Ф.Ш.* – БГУ, к.ф.н., доц.; *Тугужекова В.Н.* – ХакНИИЯЛИ, д.и.н., проф.; *Уртегешев Н.С.* – Институт филологии СО РАН, к.ф.н.; *Хаджиева Т.М.* – Институт мировой литературы им. М. Горького РАН, к.ф.н., проф.; *Шенцова И.В.* – Новокузнецкий филиал КемГУ, д.ф.н.; приглашенные участники: *Амелина М.К.* – Институт языкознания РАН; *Зимин М.М.* – Институт языкознания РАН; *Коровина Е.В.* – Институт языкознания РАН; *Костякова Л.В.* – член союза писателей РФ, к.п.н.; *Кочикаева З.К.* – Дагестанский гос. университет, к.ф.н.; *Легусина У.С.* – Институт языкознания РАН, аспирантка; *Пустогачева О.Н.* – издательство «Аст-Пресс», к.п.н.; *Серээдар Н.Ч.* – Тувинский институт гуманитарных наук, к.ф.н.; *Усманова М.Г.* – БГПУ им. М. Акмуллы, д.ф.н., проф.; *Шаров А.* – Институт языкознания РАН, аспирант; *Шеймович А.В.* – институт языкознания РАН.

2 февраля, пятница.

Утреннее заседание. Начало в 11 ч.

Организационная часть

Вступительное слово председателя РКТ И.В. Кормушина. Участники собрания почтили память ушедших из жизни тюркологов: Д.М. Насилова, Е.А. Поцелуевского, В.И. Рассадина.

В своем выступлении докладчик в очередной раз отметил, что Комитет не имеет собственного бюджета, журнал выпускается на спонсорские средства. Фонд поддержки тюркологических исследований задумывался как организация со своим руководством, бухгалтерией и т.д. Но реальной помощи организаторам конференций фонд пока не оказывает. Журнал выходит с задержками; как только электронная версия очередного номера не предоставляется в электронную научную библиотеку, журнал выходит из РИНЦа. Кроме того, с этого года вводятся новые правила приема статей, которые будут рассылаться каждому участнику. Подготовлено решение о вхождении журнала в число ВАКовских. В связи с этим каждая статья должна быть зафиксирована, отправлена на рецензирование, исправлена с учетом замечаний рецензента. В связи с этим необходимо наладить работу редколлегии, на ходу перестроиться в соответствии с новыми правилами и требованиями. Председатель РКТ предложил повысить статус региональных сотрудников до членов редколлегии.

Председатель РКТ И.В. Кормушин вручил Благодарственное письмо от имени Комитета спонсору издания журнала за 2017 г. директору ООО НФП «Пакер» (г. Октябрьский республики Башкортостан) М.М. Нагуманову.

В прениях по вопросам организации работы журнала выступили: Н.С. Уртегешев, И.Л. Кызласов, О.А. Мудрак. Далее Н.С. Уртегешев выступил с презентацией журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири».

Сообщения из региональных центров об итогах работы за 2017 г.

1. Тугужекова Валентина Николаевна, д.и.н., проф., директор Хакасского НИИ языка, литературы и истории. «О работе ХакНИИЯЛИ за прошедший период».

2. Телицин Николай Николаевич, к.ф.н., доц., зав. кафедрой тюркской филологии СПбГУ. «О работе кафедры за отчетный период».

3. Хисамов Олег Ришатович, к.ф.н., зам. директора по науч. работе Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. «Об итогах и достижениях НИИЯЛИ им. Г. Ибрагимова».

4. Алишина Ханиса Чавдатовна, д.ф.н., проф., академик АН РТ, директор Центра тюркологии Тюменского государственного университета. «О работе центра тюркологии и о социолингвистической проблеме "Язык или диалект? Дискуссия о языке сибирских татар"».

Перерыв 14–15 ч.

Вечернее заседание. Начало в 15 ч.

**Самопрезентации новых членов комитета.
Научная сессия «Актуальные проблемы тюркологии»**

Насипов И.С., д.ф.н., доцент, Уфа

Основные направления учебно-методической и научно-исследовательской деятельности кафедр татарской филологии вузов Республики Башкортостан.

Мургазалиев А.М., д.ф.н., Махачкала

Дагестано-турецкие культурные связи: история и современность

Псянчин Ю.В., д.ф.н., Уфа

Н.Х. Максютова и вопросы выделения и описания говоров западного диалекта башкирского языка

Кызласова И.Л., к.ф.н., доцент, Абакан

Лексические и грамматические значения глагола «чат» – ‘лежать’ в хакасском языке

Майнагашева Н.С., к.ф.н., Абакан

К вопросу об этноязыковом самочувствии современных хакасов и развитии национальной литературы в XXI веке

3 февраля, суббота.

Утреннее заседание. Начало в 11 ч.

**Научная сессия «Актуальные проблемы тюркологии»
(продолжение)**

Невская И.А., д.ф.н., проф., Новосибирск / Франкфурт, Германия, **Тыбыкова Л.Н.**, к.ф.н., Новосибирск.

Трёхмерная документация рунических надписей Горного Алтая и новые перспективы их расшифровки

Кормушин И.В., д.ф.н., проф., Москва

О некоторых особенностях сложения тюркоязычных этносов Северной и Центральной Азии по данным древнетюркских надписей и другим источникам

Кызласов И.Л., д.и.н., проф., Москва

Миф творения по-древнетюркски (рунологические и археологические приметы)

Дыбо А.В., д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН, Москва

Новые данные по фонетике и фонологии тубаларского языка

Уртегешев Н.С., к.ф.н., Новосибирск

*Экспериментально-фонетические методы исследования в ЛЭФИ им. В.М. На-
деляева*

Хаджиева Т.М., к.ф.н., Москва

*Карачаево-балкарские экспедиции Яфетического института АН СССР
(1929–1931 гг.)*

Перерыв 14–15 ч.

Вечернее заседание. Начало в 15 ч.

Селендили Л.С., д.ф.н., Симферополь

*Лексическое значение и морфемно-орфографические особенности лексики
произведений М. Нузета*

Шенцова И.В., д.ф.н., Новокузнецк

Перспективы описания акционсарта в тюркских языках

Сибгатов Ф.Ш., к.ф.н., Уфа

Тенденции развития современной башкирской прозы

Пустогачева О.Н., к. пед. н., Москва

Омонимы-омографы в челканском языке на примере глаголов

Усманова М.Г., д.ф.н., Уфа

*Способы выражения причастия настоящего времени в башкирском языке
(новая версия)*

Сэрээдар Н.Ч., к.ф.н., Кызыл

Модели элементарных простых предложений в тувинском языке

Есипова А.В., д.ф.н., Новокузнецк

*Словообразовательное средство конверсии в тюркских языках (на материа-
ле шорского языка)*

Кочикаева З.К., к.ф.н., Махачкала

Экспериментальные данные по фонетике кумыкского и ногайского языков

Зимин М.М., Легусина У.С., Москва

*Предварительные результаты привлечения якутских диалектных данных к
уточнённой реконструкции пратюркского *h-*

Краткие резюме научных докладов и сообщений

Насипов И.С.

Основные направления учебной-методической и научно-исследовательской деятельности кафедр татарской филологии вузов Республики Башкортостан

Выступающий детально проанализировал деятельность кафедры татарской филологии и культуры БашГУ, кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала БашГУ, кафедры башкирской, татарской и марийской филологий Бирского филиала БашГУ (не функционирует как самостоятельное подразделение с 2015 г.), кафедры татарского языка и литературы ИФОМК БГПУ им. М. Акмуллы за 25 лет (начиная с 1993 г.). Отметив их достижения и проблемы, он подчеркнул, что эти кафедры являются не только научно-образовательными центрами в Республике Башкортостан, но также выполняют важные этно-социальные и национально-культурные функции. От их успешной деятельности во многом зависит уровень научных исследований по татарской филологии и культуре в регионе. Именно они принимают основное участие в разработке и выполнении государственных и общественных программ по удовлетворению национально-культурных запросов татарского населения республики. Поэтому их сохранение и успешное функционирование является важнейшей задачей республиканских и федеральных государственных органов и общественных организаций.

Псянчин Ю.В.

Н.Х.Максютова и вопросы выделения и описания говоров Западного диалекта башкирского языка

В выступлении освещается роль известного башкирского языковеда-диалектолога, доктора филологических наук Нажибы Хаерзамановны Максютковой в выделении и описании говоров западного диалекта. Другое название этого диалекта – северо-западный диалект башкирского языка. В 1987 г. Н.Х. Максютковой была предложена совершенно новая классификация говоров западного диалекта, состоящая из следующих говоров: 1) гайнинский; 2) северо-западный; 3) тук-соранский; 4) нижнесакмарский; 5) среднеуральский; 6) иргизский. Значение этой классификации заключается в том, она позволяет говорить о наличии четырёх диалектов башкирского языка (восточного, южного, западного, северного).

Кызласова И.Л.

Лексические и грамматические значения глагола «чат» - «лежать» в хакасском языке

В своем выступлении автор выделил все показатели настоящего времени, образованные от грамматикализованного глагола *чат*- 'лежать' в хакасском языке: *-(n)ча*, *-чадыр*, *-(n)чадыр* *-(n)чададыр*. Автор, определив содержание каждой формы, считает, что форма *-(n)ча* обозначает абсолютное настоящее время с широким спектром дифференцирующих значений; самостоятельный глагол *чадыр* 'лежит (вот)' обозначает актуальное настоящее время в абсолютном или относи-

тельном употреблении; *-(n)чадыр* обозначает длящийся в данный момент, не завершенный целостный процесс или состояние, а *-(n)чададыр* – длительно-кратные действия одного или нескольких субъектов / обобщенного лица. Дифференциация значений формы *-чадыр* и форм *-(n)чадыр* и *-(n)чададыр* в данном контексте определена впервые.

В своем докладе автор выдвинул гипотезу о том, что глагол *чат* в тюркских языках Сибири грамматикализировался именно для обозначения темпоральности, в то время как другие глаголы позиции *одыр* ‘сидеть’, *тур* ‘стоять’, *чър* ‘ходить’ – для обозначения имперфекта.

Майнагашева Н.С.

К вопросу об этноязыковом самочувствии современных хакасов и развитии национальной литературы в XXI веке

Выступление посвящено проблеме языковой ситуации в Хакасии и развитию национальной литературы хакасов. Автор видит непосредственную связь между сложившейся языковой ситуацией в республике и развитием национальной литературы.

Невская И.А., Тыбыкова Л.Н.

Трёхмерная документация рунических надписей Горного Алтая и новые перспективы их расшифровки

Древнетюркские рунические надписи Горного Алтая требуют дальнейшего изучения современными инструментальными методами, хотя их исследования оживились в течение последнего десятилетия. Помимо специфических лингвистических проблем дешифровку алтайских надписей значительно затрудняет техника их нанесения на скальные поверхности. Небольшой размер знаков, выполненных тонкими резами, приводит к серьезным сложностям при их копировании и дальнейшем распознавании; невооруженный человеческий глаз способен разглядеть их с большим трудом только при определенном освещении и под определенным углом зрения.

В 2017 г. были начаты совместные экспериментальные работы Томского и Горно-Алтайского государственных университетов по цифровому трехмерному документированию древнетюркских рунических надписей Горного Алтая в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур». Нахождение рунических надписей в горных труднодоступных местах затрудняло использование тяжелых стационарных 3D сканеров, требующих внешнего источника питания и особых условий освещения. Для фиксации рунических надписей была выбрана технология цифровой фотограмметрии, обеспечивающая необходимую детализацию при высокой мобильности и автономности использования.

Исследованные в 2017 г. рунические надписи расположены в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Горный Алтай. Для иллюстрации возможностей компьютерного отображения, анализа рунических надписей и сопутствующих изображений докладчики рассмотрели надпись Туэкта V (А-90) и предложили ее новое прочтение.

Хаджиева Т.М.

Карачаево-балкарские экспедиции Яфетического института АН СССР (1929–1931 гг.)

Как известно, становление и развитие советского и, в частности, кавказского языкознания, тесно связано с именем академика Н.Я. Марра (1864–1934). Так, например, в 1929–1931 гг. по его инициативе были организованы Балкаро-Карачаевские лингвистические экспедиции. В своем письме в Комиссию экспедиционных исследований АН СССР относительно экспедиции 1929 г. Марр пишет: «Организуется мною Балкаро-Карачаевская экспедиция с основным ее заданием по исследованию языка, топонимики и собиранию этнографического материала среди населения Балкарии и Карачая».

В экспедициях 1929 и 1930 гг. участвовал и аспирант Института востоковедения АН СССР А.К. Боровков. Материалы, собранные им в этих экспедициях, были обнаружены в Санкт-Петербургском Отделении Архива АН СССР (Фонд чл.-корр. АН СССР А.К. Боровкова), и именно они послужили основным методом настоящего доклада.

Сибгатов Ф.Ш.

Тенденции развития современной башкирской прозы

Проза рубежа XX–XXI веков, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные эстетические системы и идет интенсивный творческий поиск, является существенным этапом в развитии национальной литературы. В литературе это ознаменовалось переходом от традиций реалистического творчества к более свободной художественной образности, где осуществлялось функционирование традиционных эстетических систем и начались пути поиска новых художественных форм и новаторских идей. Появились художественные произведения, основанные на архаических слоях духовной культуры, мифоэпических универсалиях и архетипах, как, например, повести «В одном ковчеге» и «Цветок-звезда» Амира Аминова. Главной композиционной особенностью повести «В одном ковчеге» является библейско-кораническая легенда о пророке Нухе, который на своем ковчеге во время всемирного потопа сумел спасти не только детей, но и животный мир. В повести «Цветок-звезда» также гармонично сочетаются западные и восточные художественные традиции. Здесь можно указать на наличие трех основных архетипов. Автора привлекает человеческая психология, его реакция на различные события. В то же время его герои не супермены и идеальные люди, но они умеют извлечь урок из своих прежних ошибок. В этом их жизненность и реалистичность. Докладчик приходит к выводу, что творчество А. Аминова представляет собой синтез национальных традиций, русской художественной словесности и восточной литературы.

Сэрээдар Н.Ч.

Модели элементарных простых предложений в тувинском языке

Ядро всей системы простого предложения тувинского языка составляют модели двусоставных предложений с глагольным и именным сказуемым. Данная

система разделяется на две подсистемы, противопоставленные друг другу по типу сказуемого. Глагольные модели, в целом более многочисленные и частотные по сравнению с именными, представляют свои пропозиции как процессы; пропозиции именных ЭПП статичны. Выявлены базовые и периферийные модели, которые образуют систему простого предложения тувинского языка. Периферию системы представляют модели простых предложений фразеологизированной и частично фразеологизированной структуры. На крайней периферии этой системы находятся устойчивые синтаксические структуры несерийного типа.

Пустогачева О.Н.

Омонимы-омографы в челканском языке на примере глаголов

Омонимы челканского языка никогда не были предметом специального исследования. Челканский язык на сегодня по объективным обстоятельствам остается менее исследованным среди тюркских языков. В челканском языке можно условно выделить три типа омонимов: лексические, лексико-грамматические, морфологические. В данном случае нас интересуют морфологические омонимы – омографы, которые имеют одинаковое написание, но разное значение и произношение. Челканский язык изобилует графическими омонимами-омографами, особенно много их в глагольной форме давнопрошедшего времени. Данные глаголы в лексическом отношении можно разделить на глаголы с утвердительными и отрицательными значениями: *адаван* ‘назвал’ // *адаван* ‘не назвал’; *бажаван* ‘начал’ // *бажаван* ‘не начинал’. Иногда эти глаголы имеют несколько лексических значений в зависимости от того, в каком контексте они стоят. Также эти глаголы часто употребляются в переносном смысле в парном лексическом значении или в одиночном. Невозможность определить точное значение глагола при его написании говорит о несовершенстве орфографической системы челканского языка.

Есипова А.В.

Словообразовательное средство конверсии в тюркских языках (на материале шорского языка)

Изучение тождественных по материальной форме и близких по значению слов, так называемых лексико-грамматических омонимов (*алыг* ‘глупый’ и *алыг* ‘дурак’), вызывает большой интерес и острые разногласия у тюркологов. Специалисты по словообразованию тюркских языков относят это явление к способам словообразования. В тюркологических исследованиях данный способ носит разные названия, в том числе «конверсия». В докладе рассматривается процесс адъективации причастных форм в шорском языке (*пыш=қан* ‘созревший’, ‘поспевший’ → *пыш=қан* ‘зрелый, спелый’) путем корреляции значений конкретного причастного аффикса и не выраженного материально словообразовательного значения ‘качественный признак’.

Полные тексты некоторых из этих и других докладов будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Российская тюркология».

По окончании годичного собрания была принята резолюция.

РЕЗОЛЮЦИЯ**Годичного, 2018 г., собрания Российского комитета тюркологов при
Отделении историко-филологических наук РАН,
проходившего 2-3 февраля 2018 г. в г. Москве**

РКТ при ОИФН РАН заслушало доклад Председателя РКТ И.В. Кормушина сразу по 2 пунктам повестки дня: 1) отчет о деятельности РКТ в истекшем, 2017 году, 2) о работе журнала «Российская тюркология».

Отмечено, что уход из жизни Д.М. Насилова, выдающегося российского тюрколога, бывшего бессменным главным редактором возобновленного в 2009 г. нашего прежнего научно-теоретического журнала «Советская тюркология» (учрежден постановлением Президиума АН СССР в качестве совместного печатного органа АН СССР и АН Азербайджанской ССР и выходил в г. Баку с 1970 по 1990 г.) под новым названием «Российская тюркология» на протяжении почти десяти лет, стало тяжелым испытанием для всех нас, кто имел хоть самое малое отношение к российскому журналу. Дело в том, что Дмитрий Михайлович обладал огромным опытом редакторской работы практически с начала своей научной карьеры, когда он в 1963 г. был принят в Алтайский сектор отделения Института языкознания в Ленинграде/Санкт-Петербурге на должность одного из четырех редакторов Древнетюркского словаря (капитальный труд, опубликован: Л.: Наука, 1969, 676 с.). Затем научное руководство несколькими десятками кандидатских диссертаций, а также десятками курсовых и дипломных работ в ЛГУ и МГУ – это тоже, в первую очередь, большая редакторская практика. Наряду со всем этим Д.М.Насилов был издательским редактором целого ряда важных индивидуальных (например, «Грамматика языка ТРП» А.Н. Кононова, Л.: Наука, 1980) и коллективных монографий и сборников (например, «Материалы Дмитриевских чтений», МГУ) и мн. др. При этом Дмитрий Михайлович, как научный руководитель и редактор, был крайне доброжелательным, мягким человеком, стремящимся во что бы то ни стало помочь авторам, особенно начинающим, а также авторам, владеющим русским языком как вторым, точно и емко передать формулируемые ими научные положения, убрать излишества и повторы и т.д. и т.п. Думается, нынешний редакторский корпус «Российской тюркологии», включая вновь назначенного главреда И.В. Кормушина, его заместителей и членов редколлегии, должны приложить максимум творческих стараний, чтобы со временем стать достойной сменой нашего незабвенного Д.М. Насилова.

В деятельности журнала «Российская тюркология» было много положительных моментов, но вместе с тем перед редколлекцией стоят и некоторые до сих пор не решенные и откладывавшиеся в своем решении задачи организационного свойства. Годичное собрание Российского комитета тюркологов призывает Бюро РКТ и редколлекцию РТ в предстоящий период сосредоточить свою деятельность на этих задачах, имея в виду в том числе:

1. Зарегистрировать журнал «Российская тюркология» в качестве СМИ в Роскомнадзоре.

2. Восстановить взаимоотношения журнала РТ с Книжной палатой, предоставив этой организации не доставленные или неполностью доставленные в прошлом обязательные экземпляры каждого выпущенного номера РТ.

3. Восстановить положение журнала РТ в РИНЦ. Заключить/перезаключить необходимые договора, в том числе договор на отражение каждого номера со всеми публикуемыми статьями.

4. Бюро РКТ сформировать дееспособную редколлегию на общественных началах из специалистов, живущих, главным образом, в Москве, а также вне Москвы, но доступных по оперативным средствам связи, которые полноценно смогут работать над подготовкой каждого номера журнала, осуществляя рецензирование статей и принимая участие в их обсуждениях на заседаниях редколлегии.

5. Руководству редколлегии – сформировать редакцию в составе: ответственного секретаря, технического редактора, научного редактора, специалиста по форматированию, выпускающего редактора, – на возмездной основе, с оплатой услуг сдельно, по каждому вышедшему номеру.

6. В связи с расходами по содержанию редакции и напечатанию 100–110 экземпляров каждого номера для представления обязательных экземпляров в Книжную палату и некоторые библиотеки, а также для бесплатного распространения этих экземпляров среди членов РКТ, – что в целом составит около 100–110 тыс. руб. за номер, или 400–440 тыс. руб. в год, – Бюро РКТ необходимо заключить договора о спонсорской помощи с организациями и отдельными лицами, согласными оказывать материальную помощь общественной организации российских тюркологов РКТ при ОИФН РАН в ее служении отечественной и мировой науке.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ к.ф.н. Эжба З.Н.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

БЮРО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 апреля 2017 г.

№ 15

Москва

О составе Российского
комитета тюркологов

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Вывести из состава Российского комитета тюркологов докторов филологических наук Алексеева Н.А., Благову Г.Ф., Галяутдинова И.Г., Ганиева Ф.А., Грунину Э.А., Зайнуллина М.В., Усманова М.А., Щека Ю.В. и кандидата исторических наук Кляшторного С.Г. в связи с кончиной; докторов филологических наук Артемьева Н.М., Меликова Т.Д., кандидатов филологических наук Батчаева А.-М.Х., Чебодаеву Л.И., Глашева А.А. по причине смены рода деятельности.

2. Ввести в состав Российского комитета тюркологов докторов филологических наук Алиеву Т.К., Галиуллина К.Р., Гусейнова Г.-Р. А.-К., Дьячковского Ф.Н., Есипову А.В., Замалетдинова Р.Р., Кетенчиева М.Д., Киндикову Н.М., Меметова А.М., Муртазалиева А.М., Насипова И.С., Псянчина Ю.В., Селендили Л.С., кандидатов филологических наук Кузнецова А.В., Кызласову И.Л., Майзину А.Н., Майнагашеву Н.С., Оганову Е.А., Озонову А.А., Сиразитдинова З.А., Телици-на Н.Н., Уртегешева Н.С. и кандидата исторических наук Харунову М.М.-Б.

3. Утвердить состав Российского комитета тюркологов (приложение 1).

Академик-секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН
академик РАН

В.А. Тишков

Начальник Отдела – зам. академика-секретаря
Отделения историко-филологических наук РАН
по научно-организационной работе
кандидат филологических наук

В.Б. Черкасский

Приложение 1
к постановлению
Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
от 5 апреля 2017 г. № 15

Состав
Российского комитета тюркологов (РКТ)

Бюро

Кормушин И.В.	– д.ф.н., Институт языкознания РАН, председатель
Дыбо А.В.	– член-корр. РАН, заместитель председателя
Насилов Д.М.	– д.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ, заместитель председателя
Телицин Н.Н.	– к.ф.н., Восточный факультет Санкт-Петербургского госуниверситета, заместитель председателя
Васильев Д.Д.	– к.и.н., Институт востоковедения РАН
Миннуллин К.М.	– д.ф.н., член-корр. АН РТ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан
Хисамитдинова Ф.Г.	– д.ф.н., член-корр. АН РБ, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
Экба З.Н.	– к.ф.н., Институт языкознания РАН, ученый секретарь РКТ

Члены Комитета

Алексеев А.Н.	– д.и.н., действительный член АН РС(Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Алиева Т.К.	– д.ф.н., Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
Алишина Х.Ч.	– д.ф.н., Институт тюркологии при Тюменском госуниверситете
Бавуу-Сюрюн М.В.	– к.ф.н., Тывинский госуниверситет
Бичелдей К.А.	– д.ф.н., министр образования и науки республики Тыва
Боргоякова Т.Г.	– д.ф.н., Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова
Габышева Л.Л.	– д.ф.н., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Гаджихамедов Н.Э.	– д.ф.н., Дагестанский госуниверситет
Галиуллин К.Р.	– д.ф.н., член-корр. АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Гарипов Т.М.	– д.ф.н., член-корр. АН РБ, Башкирский гос. педуниверситет им. М. Акмуллы
Гузев В.Г.	– д.ф.н., Санкт-Петербургский госуниверситет
Гусейнов Г.-Р. А.-К.	– д.ф.н., Дагестанский госуниверситет
Добродомов И.Г.	– д.ф.н., Московский госпедуниверситет

-
Дьячковский Ф.Н.	– к.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Егоров Н.И.	– д.ф.н., Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Есипова А.В.	– д.ф.н., Кузбасская госпедакадемия
Закиев М.З.	– д.ф.н., действительный член АН РТ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан
Замалетдинов Р.Р.	– д.ф.н., Институт филологии и межъязыковых коммуникаций
Исаев Ю.Н.	– д.ф.н., министр образования и молодежной политики Чувашской Республики
Кетенчиев М.Д.	– д.ф.н., Кабардино-Балкарский госуниверситет им. Х.М. Бербекова
Киндикова Н.М.	– д.ф.н., проф., Горно-Алтайский государственный университет
Кузнецов А.В.	– к.ф.н., Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Кызласов И.Л.	– д.и.н., Институт археологии РАН
Кызласова И.Л.	– к.ф.н., Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова
Майзина А.Н.	– к.ф.н., НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
Майнагашева Н.С.	– к.ф.н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории
Меметов А.М.	– д.ф.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Мудрак О.А.	– д.ф.н., РГГУ, Институт языкознания РАН
Муртазалиев А.М.	– д.ф.н., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
Мусаев К.М.	– д.ф.н., действительный член НАН Казахстана, Институт языкознания РАН
Насипов И.С.	– д.ф.н., Башкирский гос. педуниверситет им. М. Акмуллы
Невская И.А.	– д.ф.н., Институт филологии СО РАН / Университет г. Франкфурта, Германия
Нуриева Ф.Ш.	– д.ф.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет
Оганова Е.А.	– к.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ
Озонова А.А.	– к.ф.н., Институт филологии СО РАН
Попова Н.И.	– к.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Псянчин Ю.В.	– д.ф.н., Региональный общественный фонд им. А.З. Валиди при Ассамблее народов Башкортостана
Рассадин В.И.	– д.ф.н., Калмыцкий госуниверситет
Рыкин П.О.	– к.и.н., Институт лингвистических исследований РАН
Сарбашева С.Б.	– к.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Селендили Л.С.	– д.ф.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

-
Селютина И.А.	– д.ф.н., Институт филологии СО РАН
Сергеев В.И.	– д.ф.н., Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова
Сиразитдинов З.А.	– к.ф.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
Слепцов П.А.	– д.ф.н., действительный член АН РС(Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Стеблева И.В.	– д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Тугужекова В.Н.	– д.и.н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории
Тыбыкова А.Т.	– д.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Улаков М.З.	– д.ф.н., Кабардино-Балкарский НИИ языка, литературы и истории
Уртегешев Н.С.	– к.ф.н. Институт филологии СО РАН
Утургаури С.Н.	– д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Функ Д.А.	– д.и.н., МГУ им. М.В. Ломоносова
Хаджиева Т.М.	– к.ф.н., Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Хакимзянов Ф.С.	– д.ф.н., Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
Харунова М.М.-Б.	– к.и.н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
Хузангай А.П.	– д.ф.н., Чувашский институт гуманитарных наук
Чеченов А.А.	– д.ф.н., Институт языкознания РАН
Шенцова И.В.	– д.ф.н., Кузбасская госпедакадемия
Широбокова Н.Н.	– д.ф.н., Институт филологии СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В.</i> О некоторых особенностях сложения тюркоязычных этносов Северной и Центральной Азии по данным древнетюркских надписей: к ранней истории тувинского народа	5
<i>Дыбо А.В.</i> Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне.....	16
<i>Псянчин Ю.В.</i> Роль Н.Х. Максютовой в изучении западного диалекта башкирского языка.....	29
<i>Майзина А.Н.</i> Система нумеративов в алтайском языке	42

ДИСКУССИИ

<i>Усманова М.Г.</i> Причастие настоящего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему	67
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Майнагашева Н.С.</i> Образ пространства в фольклоре и литературе хакасов	84
<i>Мамбетов К.П.</i> Отражение трагедии войны в поэме И. Юсупова «Гнездо соловья».....	97
<i>Сибгатов Ф.Ш.</i> Тенденции развития современной башкирской прозы (на материале повестей А. Аминова).....	104

ПЕРСОНАЛИИ

У истоков тюменской тюркологии (К 65-летию со дня рождения Ханисы Чавдатовны Алишиной)	112
Раиф Кадимович Амиров (к 75-летию со дня рождения).....	117
Роберт Нурмухаметович Баймов (к 80-летию со дня рождения)	120
Венедикт Григорьевич Карпов (к 90-летию со дня рождения и 70-летию научно-педагогической деятельности).....	123
Суфиян Шамсутдинович Поварисов (29.08.1924–3.07.2016).....	130
Рашит Закирович Шакуров (к 80-летию ученого)	134
Протокол Годичного собрания Российского комитета тюркологов	141
Постановление Бюро Отделения историко-филологических наук РАН.....	151

CONTENTS

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

<i>Igor Kormushin</i> . About some peculiarities of the formation of the Turkic-speaking ethnic groups of Northern and Central Asia: to the early history of the Tuvinian (Tuvan) people	5
<i>Anna Dybo</i> . The phonologic features of the Karachai-Balkar language on the Common Turkic background.....	16
<i>Yulay Psyanchin</i> . The role of N.Kh. Maksyutova in studying the Western Dialect of the Bashkir language.....	29
<i>Arzhana Mayzina</i> . The system of numeratives in the Altai language	42

DISCUSSION

<i>Minsylu Usmanova</i> . The Present Participle Active and ways of its expression in the Bashkir language: new opinion about this problem	67
--	----

LITERARY CRITICS AND FOLKLORE STUDIES

<i>Nina Maynagasheva</i> . The image of space in Khakass folklore and literature.....	84
<i>Kabyl Mambetov</i> . Reflection of the tragedy of war in I. Yusupov's poem "The nightingale's nest"	97
<i>Flyur Sibagatov</i> . Trends of development of modern Bashkir prose.....	104

PERSONALIA

At the origin of the turcology in Tyumen (to the 65 th anniversary of Khanisa Alishina).....	112
Raif Amirov (to his 75 th birthday).....	117
Robert Baimov (to his 80 th birthday).....	120
Venedict Karpov (to his 90 th birthday and 70 th anniversary of his academic and teaching activity)	123
Sufiyan Povarisov (29.08.1924–3.07.2016).....	130
Rashit Shakurov (to his 80 th birthday).....	134
Record of the Plenary Annual Meeting of the Committee of Russian Turcologists	141
Resolution of the Bureau of the RAS Department of Historical and Philological Sciences.....	151

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» с 2018 г. выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение могут составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ✦ Структура и история языка
- ✦ Дискуссии и обсуждения
- ✦ Языковые связи
- ✦ Ономастика
- ✦ Культурология
- ✦ Литературоведение
- ✦ Фольклористика
- ✦ Сообщения и обзоры
- ✦ История науки, документы
- ✦ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ✦ актуальности
- ✦ проблемности
- ✦ научной новизны
- ✦ доказательности
- ✦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: rosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние — “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловозначительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках **должны иметь переводы на русский язык**. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди, после фамилии указывается город, например: *И.И. Иванов, г. Новосибирск*).

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу (ГОСТ 7.1.-2003).

Порядок расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора, город; (с будущего № 20 РТ) **нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание**

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком «Литература». Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

ВНИМАНИЕ: С 2018 года необходимым условием подачи статьи является наличие **английского перевода** библиографии (помещается в фигурных скобках после указания источника на русском языке). Например:

Ондар 2004 – *Ондар Б.К.* Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004. {*Ondar B.K.* A toponymical dictionary of Tuva. Abakan, 2004.}

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи. Например:

Дыбо 2018 – *Дыбо А.В.* Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология. – 2018. – №1–2 (18–19). С. 16–28. {The phonologic features of the Karachai-Balkar language on the Common Turkic background // Russian Turcology. 2018. – №1–2 (18–19). P. 16–26.}

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *С.И. Переверзева*
Редактор-переводчик *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л.14,0. Тираж 120 экз. Заказ № 1026

С готового оригинал-макета
Подписано в печать 30.08.2018